

Федеральное государственное бюджетное образовательное учреждение
высшего образования
«УРАЛЬСКИЙ ГОСУДАРСТВЕННЫЙ ПЕДАГОГИЧЕСКИЙ
УНИВЕРСИТЕТ»

На правах рукописи

Саночкина Анна Владимировна

**ОСОБЕННОСТИ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ, ПРИМЕНЯЮЩИХ
НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ**

5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии

Диссертация на соискание ученой степени
кандидат психологических наук

Научный руководитель
доктор психологических наук,
профессор Н.Н. Васягина

Екатеринбург 2023г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ, ПРИМЕНЯЮЩИХ НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ	16
1.1. Исследование проблемы материнства в отечественной и зарубежной психологии	16
1.2. Самосознание матери как ключевая характеристика ее личности	31
1.3. Насилие как модель поведения матери по отношению к ребенку	49
Выводы по первой главе	64
ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ, ПРИМЕНЯЮЩИХ НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ	66
2.1. Организация и методы исследования	66
2.2. Исследование специфики применения матерью психологического и физического насилия по отношению к ребенку	73
2.3. Различия в самосознании матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку.....	79
2.4. Типология личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.....	104
2.5. Гармонизация самосознания, как условие нивелирования применения матерью насилия по отношению к ребенку	119
ВЫВОДЫ ПО ВТОРОЙ ГЛАВЕ.....	127
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	131
СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ	136
ПРИЛОЖЕНИЯ	165

ВВЕДЕНИЕ

Актуальность темы исследования. Ни один из существующих социальных институтов не обладает таким высоким уровнем влияния на личностное развитие ребенка, как институт материнства. Именно мать является той значимой личностью, которая вводит ребенка в мир социальных отношений, задает сценарий его отношения к самому себе, окружающим людям, миру в целом. При этом содержание личностных вкладов матери в настоящее и будущее ребенка и средства, которые при этом используются, напрямую зависят от личностных особенностей, и в первую очередь от самосознания матери, в котором аккумулирован весь жизненный опыт женщины, воплощено основное содержание ее истинного существа, определяющего мотивы действий и внутренний смысл тех задач, которые она разрешает, реализуя материнские функции.

В настоящее время наблюдается растущий интерес к изучению самосознания матерей, особое внимание уделяется исследованию самосознания женщин, чье материнское поведение не соотносится с социальными нормами и ценностями, как попытке осмысления природы и предикторов деструктивного материнства.

Одной из распространенных моделей деструктивного поведения матери является жестокое обращение с ребенком, применение по отношению к нему физического и/или психологического насилия. Статистические результаты, предоставленные Организацией Объединенных Наций, указывают на тенденцию, согласно которой каждый второй ребенок в возрастной категории 2–17 лет ежегодно подвергается насилию. Во всем мире примерно 300 млн детей двух-четырех лет подвергаются жестоким дисциплинарным наказаниям со стороны родителей, что сопровождается развитием психических расстройств, аффективными нарушениями, предрасположенностью к

совершению преступлений, а также склонностью к зависимости от наркотических средств и алкоголя [117]. Аналогичные данные, свидетельствующие о глобальном влиянии насилия, имевшем место в детстве, на здоровье и благополучие человека в течение всей последующей жизни, представлены и в обзорах информационных бюллетеней 2022г. «Насилие в отношении детей» Всемирной организации здравоохранения [36].

Следует подчеркнуть, что, несмотря на отчетливое негативное отношение в российском обществе к насилию, попытки выявления и предупреждения жестокого обращения с детьми, и особенно насилия, проявляемого матерью по отношению к ребенку, не имеют должного успеха. Во-первых, совершение насильственных действий зачастую скрыто от наблюдателя, а возрастные особенности ребенка (особенно до 10 лет), который еще не имеет достаточного жизненного опыта, не позволяют дать объективную оценку происходящему. Во-вторых, ситуация осложняется большим разнообразием форм и способов насилия, применяемых матерями по отношению к детям (от криков, запугиваний, оскорблений до шлепков, ударов и других более жестоких физических наказаний), отношение к которым на уровне общественного сознания является избирательно-дифференцированным: как правило, категорично осуждаются такие способы физического насилия (даже единичные), последствия которых оставляют явные видимые следы на теле ребенка в виде синяков, царапин, кровоподтеков и пр., в то время как множество изощренных способов психологического насилия, оставляющего следы в виде «душевных синяков и ссадин», либо вызывают существенно меньше осуждений, либо не замечаются, либо оцениваются как вполне допустимые, размывая границу между приемлемой в отношении ребенка моделью поведения и насилием и затрудняя распознавание насилия как самой матерью, так и ее окружением.

Степень разработанности проблемы исследования. Исследовательские подходы предоставляют возможность анализировать феномен материнства с позиции роли женщины и создания благоприятных

условий для полноценного развития детей (Л. С. Выготский, И. В. Дубровина, М. И. Лисина, В. С. Мухина, Дж. Боулби, М. Эйнсворт). Особенности детско-родительских отношений в сравнении с другими видами межличностных отношений описывали О. А. Карабанова, Г. Г. Семенова-Полях. Стили семейного воздействия изучали Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис, А. Я. Варга, Е. Т. Соколова. Влияние личностных и индивидуально-психологических особенностей матери на выбор стратегий и результаты развития ребенка описали А. Г. Лидерс, Е. Н. Спирева, В. В. Ткачева, Е. И. Исенина, А. И. Захаров.

Все больше академический интерес при анализе феномена материнства привлекает рассмотрение материнства как компонента личностной сферы женщины, обеспечивающего ее самоопределение, развитие и реализацию, что позволяет выделить его как самостоятельный психологический феномен. Концепция формирования материнства как системного образования личности женщины-матери отражена в работах С. Ю. Мещеряковой, Г. Г. Филипповой, Р. В. Овчаровой, С. А. Минюровой, Е. А. Тетерлевой. Описанием материнской мотивационной сферы занимались Т. М. Зенкова, А. С. Спиваковская, А. I. Rabin, Р. В. Овчарова.

Качество выполнения материнской функции зависит от самосознания матери. В работах отечественных и зарубежных психологов раскрываются различные аспекты становления самосознания, его развития. В большинстве представленных зарубежных концепций самосознание рассматривается как механизм, способствующий самоанализу и возможности управлять своими действиями (К. Cherry, R. Sternberg, S. M. Kassin, A. Morin, R. F. Baumeister).

В исследовании проблематики самосознания матери существует несколько позиций. Первая позиция связана с рассмотрением самосознания в контексте исполнения женщиной родительских функций, предусматривающих деятельность по обеспечению потребностей ребенка, в том числе по присвоению им социального опыта (Т. В. Леус, С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева, С. Ю. Мещерякова, С. Ю. Мохова, Т. Н. Счастливая и др.).

Второе направление предполагает исследование самосознания как самостоятельной категории и базового личностного конструкта женщины-матери (Н. Н. Васягина, Е. И. Захарова, О. А. Карабанова, Р. В. Овчарова, Ю. Е. Скоромная, М. Ю. Чибисова и др.).

В современных научных исследованиях прослеживается тенденция к изучению самосознания по направлению от генерализированного подхода к специфическому анализу. Научный интерес вызывает изучение особенностей самосознания в разных возрастных группах (Т. Н. Разуваева), в зависимости от национальности (О. А. Березина, С. Ю. Жданова), рабочего положения (Д. С. Вундер), количества детей (А. С. Образцова), особенностей здоровья ребенка (И. Е. Валитова, А. К. Кингстон). Преимущественное внимание акцентируется на анализе самосознания матерей с наличием деструктивного поведения при реализации материнских функций (Е. Н. Григорян, Е. О. Мазурчук, Ф. Р. Малюкова и др.).

Насилие по отношению к ребенку, как самостоятельная проблема, начинает изучаться с 50-х годов XX века (С. Н. Кемпе), при этом особое внимание уделяется проблеме семейного насилия в отношении детей. Ретроспективный анализ применения жестокости по отношению к детям представлен в работах А. Е. Щегловой, С. В. Ардашевой, И. С. Кона, где авторы указывают на применение суровых методов воздействия на протяжении нескольких исторических периодов до эпохи Возрождения. Изучением особенностей применения психологического и физического насилия по отношению к ребенку занимались Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова, Е. Т. Соколова, Е. Н. Волкова, Л. С. Алексеева, И. А. Фурманов, А. Б. Орлов, Н. Ю. Синягина, М. В. Смагина, Н. Колдаева. Типология насилия представлена в работах Д. Галтунга, К. Д. Брауна, М. Герберт. Неблагополучные последствия применения психологического и физического насилия по отношению к ребенку изучали Т. Д. Чермашенцева, Е. И. Холостова, Н. А. Галлямова.

При наличии значительного числа исследований обозначенной проблематики можно обнаружить ряд противоречий, которые пока еще не нашли своего разрешения и несоответствий между:

- ориентацией российского государства на гуманистические ценности, порицанием любых форм насилия над личностью и широкой распространенностью насилия в обществе и семье;

- накопленным в психологии опытом исследования феномена насилия: его причин, видов, способов и последствий для «жертвы», и недостаточным вниманием к изучению насилия как модели поведения личности, в том числе матери, применяющей насилие по отношению к ребенку;

- осознанием ведущей роли самосознания матери, как ключевой характеристики ее личности в выполнении родительских функций и отсутствием работ, изучающих самосознание матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку;

- представленностью различных вариантов организации психологической помощи родителям, и недостаточным вниманием к разработке коррекционных и профилактических программ, позволяющих нивелировать психологическое и физическое насилие матери по отношению к ребенку.

Поиск путей разрешения этих противоречий определил **проблему** исследования, которая состоит в необходимости описания особенностей самосознания матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку.

Объект исследования: матери, применяющие насилие по отношению к ребенку.

Предмет исследования: особенности самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

Цель исследования: изучение особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

Гипотезы исследования заключается в предположении о том, что:

1. Самосознание матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, характеризуется специфическими особенностями и имеет существенные отличия от самосознания матерей, не применяющих насилие, по содержательной наполненности и уровню развития.
2. Искажения, обнаруживаемые в содержании отдельных компонентов самосознания и на уровне самосознания в целом, являются маркерами, свидетельствующими о применении матерью насилия по отношению к ребенку.
3. Уникальная комбинация содержательных характеристик самосознания позволяет эмпирически верифицировать типологию личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, отражающую смысловые коннотации самосознания женщины, способы насилия, и степень их санкционированности.
4. Гармонизации самосознания позволяет нивелировать применение матерью насилия по отношению к ребенку.

Задачи исследования:

1. Обобщить представления отечественных и зарубежных ученых о материнстве и самосознании матери как ключевой характеристике ее личности.
2. На основе ретроспективного анализа проблемы проследить динамику научных представлений о насилии, причинах проявления насилия матерью по отношению к ребенку и его последствиях для развития личности ребенка.
3. Раскрыть специфику применения матерью насилия по отношению к ребенку, описать психологический портрет личности матери, применяющей насилие по отношению к ребенку.
4. Провести эмпирическое исследование самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, выявить маркеры насилия, обнаруживаемые в содержании отдельных компонентов самосознания и на

уровне самосознания в целом, верифицировать типологию личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

5. Изучить влияние гармонизации самосознания на нивелирование применения матерью насилия по отношению к ребенку.

Теоретико-методологическую базу нашего исследования составляют фундаментальные положения системно-эволюционного (К. П. Анохин, А. А. Богданов, И. Пригожин, В. Б. Швырков) и личностно-ориентированного (А. А. Асмолов, К. А. Абульханова-Славская, М. Бахтин, П. П. Блонский, Д. А. Леонтьев, В. А. Петровский, К. Роджерс, В. Франкл) подходов; фундаментальные принципы психологии: единства сознания и деятельности, системности, развития и психического детерминизма (Л. С. Выготский, А. Н. Леонтьев, А. Н. Ломов, Дж. Нейман, С. Л. Рубинштейн и др.); психологические теории, рассматривающие материнство как личностное образование (В. С. Мухина, Р. В. Овчарова, Г. Г. Филиппова, М. Ю. Чибисова, Т. В. Леус) и самосознание матери как ключевую характеристику ее личности (Н. Н. Васягина, Е. Н. Рыбакова, Н. А. Устинова); прикладные исследования, описывающие феноменологию применения родителями психологического и физического насилия по отношению к ребенку (Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова, Е. Т. Соколова, Е. Н. Волкова, Л. С. Алексеева, К. Браун). В качестве ведущей теории исследования используется концепция субъектного становления матери (Н. Н. Васягина).

Методы исследования. Для решения поставленных задач были использованы группы методов:

1. Теоретические исследовательские методы (систематизации научных идей, мысленное моделирование, обобщение, классификация, историографический анализ, индукции и дедукции).

2. Методы сбора эмпирических данных: международный тест ICAST-P (М. Дунна, Б. Макфарлэна, Д. Раньяна; в адаптации Е.Н. Волковой), опросник «Уровень субъектности матери» УСМ (Н. Н. Васягина, К. В. Гуляева), сочинение «Я – мама» (Н. Н. Васягина), методика

самоотношения МИС (В. В. Столин, С. Р. Пантеев), методика «Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская).

3. Эксперимент (влияние гармонизации самосознания матерей на нивелирование насилия по отношению к ребенку).

4. Обработка и интерпретация результатов: методы математической статистики (Z-критерий Колмогорова-Смирнова, сравнительный анализ Манна-Уитни, Хи-квадрат Пирсона, T-критерий Вилконсона, факторный анализ (варимакс-вращение), кластерный анализ (метод Уорда).

Научная новизна:

1. Представлен психологический портрет личности матери, применяющей насилие по отношению к ребенку. Проработаны и описаны виды и способы насилия, которые применяют матери по отношению к своему ребенку.

2. Изучены особенности самосознания матерей, применяющих психологическое и физическое насилие. Выявлены искажения в содержании отдельных компонентов самосознания и на уровне самосознания в целом у женщин, применяющих насилие по отношению к ребенку.

3. Впервые зафиксированы маркеры насилия по отношению к ребенку, обнаруживаемые в содержании самосознания матерей в виде симптомокомплекса: искаженные представления о материнстве – критичность по отношению к ребенку – самопринятие – отрицание собственных проблем – не взаимность отношений с ребенком. Описана прогностическая модель на основании характеристик самосознания, которая позволяет диагностировать наличие/отсутствие риска применения насилия по отношению к ребенку.

4. Эмпирически верифицирована типология личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку на основе уникальной комбинации содержательных характеристик их самосознания, отражающая смысловые коннотации самосознания женщины, способы насилия, и степень их санкционированности: «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение», «Насилие как проекция негативного отношения к себе

и ребенку», «Насилие как способ проявления избегающей привязанности», «Насилие как способ компенсации не взаимности», «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение».

5. Доказана возможность нивелирования насилия по отношению к ребенку посредством гармонизации самосознания женщины.

Теоретическая значимость исследования: расширено предметное поле психологических исследований в области изучения самосознания матери, а также психологических особенностей личности матери; обобщены теоретические представления о матерях, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку; уточнены и описаны варианты психологического и физического насилия матери по отношению к ребенку; дополнены представления о содержании, общих особенностях самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

Полученные в работе данные о типах личности матерей отражают смысловые коннотации самосознания женщины и дают представления о способах насилия и степени их санкционированности женщинами. Прогностическая модель позволяет моделировать возможное поведение матери при осуществлении воздействия на ребенка на основании характеристик самосознания матери.

Практическая значимость исследования заключается в возможности применения результатов в психологическом сопровождении матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, а также при организации психологической службы сопровождения семьи в рамках просветительской, консультационной, коррекционной деятельности. Прогностическая модель на основании характеристик самосознания позволяет диагностировать наличие/отсутствие риска применения насилия по отношению к ребенку. Полученные результаты исследования могут быть использованы при проектировании психодиагностического инструментария, составлении коррекционных

программ, в практической консультативной деятельности, при подготовке семейных психологов, психологов-консультантов и др.

Этапы исследования. Исследование проводилось в период с 2018 по 2023 гг. и включало четыре этапа:

1. Подготовительно-теоретический этап (2018 г.): сформулирована проблема, определены цель, объект, предмет, задачи и гипотезы исследования, осуществлялись поиск и теоретический анализ источников научных сведений по изучению самосознания, материнства, насилия.

2. Подготовительно-эмпирический этап (2019 г.): подобраны диагностические методики, определена выборка исследования. Организовано и проведено пилотажное исследование с целью выявления распространенности среди матерей насилия по отношению к ребенку и детализации способов применяемого деструктивного способа воздействия.

3. Экспериментальный этап (2020 г.): изучена содержательная наполненность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов самосознания, определены общие и индивидуальные особенности самосознания матерей, верифицирована типология матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, описана прогностическая модель, позволяющая определить наличие/отсутствие риска применения насилия по отношению к ребенку, установлено влияние гармонизации самосознания на нивелирование применения матерью насилия по отношению к ребенку.

4. Описательно-аналитический этап (2021–2023 гг.): проведены математико-статистическая обработка полученных данных, содержательный анализ и интерпретация результатов исследования, апробация полученных в исследовании результатов.

Надежность и достоверность результатов исследования достигается за счет следования следующим критериям научности: опора на рациональность теоретико-методологического подхода, непротиворечивость методологического аппарата, обеспечение репрезентативности выборки, обоснованность отбора и применения методов эмпирического исследования и

статистической обработки данных, применение качественного и количественного анализа данных с их последующей интерпретацией, эмпирическая проверяемость результатов.

Апробация результатов исследования. Результаты исследования представлялись на IV Всероссийской научно-практической конференции «Семья в современном обществе: технологии помощи и поддержки» (Екатеринбург, 2023), «Всероссийском психологическом форуме Съезда Российского психологического сообщества» (Екатеринбург, 2022), IV Всероссийской научно-практической конференции «Здоровое поколение» (Екатеринбург, 2022), «Всероссийском психолого-педагогическом форуме» (Екатеринбург, 2021), II Международной научно-практической онлайн-конференции «Актуальные проблемы кризисной психологии» (Минск, 2021), международной научно-практической конференции «Семья и дети в современном мире» (Санкт-Петербург, 2020); Международной научно-практической конференции «Научный форум: педагогика и психология» (Москва, 2020); Международной научно-практической конференция «Роль психологии и педагогики в духовном развитии общественной мысли современности» (Казань, 2020); Международном курсе научных работ «Возможности современной науки» (Таганрог, 2020); Международной научно-практической конференции «Современный взгляд на науку и образование» (Таганрог, 2020); Международном конкурсе «Научный мир-2018» (Казань, 2018); Международной научно-практической конференции молодых ученых «Психология XXI века: психология как наука, искусство и призвание» (Санкт-Петербург, 2018); Международной научно-практической конференции «Психология и педагогика на современном этапе развития наук: актуальные вопросы теории и практики» (Казань, 2018). Основные идеи и научные результаты отражены в тринадцати публикациях по теме исследования (включая пять публикаций в изданиях, рекомендованных ВАК РФ, в том числе одна статья в издании, индексируемом Web of Science).

На защиту выносятся следующие основные положения:

1. Виды и способы насилия, которые применяют матери по отношению к своему ребенку, представлены в ее самосознании. Психологическое и физическое насилие, в большинстве случаев, интерпретируется матерями как применение оправданных дисциплинарных мер. Виды и способы насилия по отношению к ребенку характеризуются неравномерной представленностью: психологическое насилие превалирует над физическим, распространенным способом психологического насилия является крик.

2. В отличие от женщин, не применяющих насилие, у матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, преобладает низкий уровень развития самосознания, что характеризуется наличием искажений в каждом компоненте: эгоцентризм, незрелость материнской позиции, искаженные представления о целях и задачах материнской деятельности (*когнитивный компонент*); отрицание проблем, самоуважение, самопринятие, условное принятие ребенка, отсутствие ориентации на эмоционально близкие отношения с ребенком (*эмоциональный компонент*); ригидность материнской позиции, чрезмерная строгость и требовательность к ребенку, применение непоследовательных и конфликтных мер, нацеленность на реализацию бытового ухода и послушания (*поведенческий компонент*). Маркеры применения матерью насилия по отношению к ребенку обнаруживаются в ее самосознании в виде симптомокомплекса: необъективные оценки результатов воспитательного воздействия – критичность по отношению к ребенку – неадекватный образ Я – отрицание собственных проблем – не взаимность отношений с ребенком.

3. Особенности личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, представлены пятью типами: «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение», «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку», «Насилие как способ проявления избегающей привязанности», «Насилие как способ компенсации не взаимности», «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его

применение», отражающими смысловые коннотации самосознания женщины, способы насилия, и степень их санкционированности.

4. Гармонизация самосознания позволяет нивелировать применение матерью насилия по отношению к ребенку и обеспечивает формирование ценностных представлений о материнстве, ребенке и себе как матери, навыков саморегуляции; укрепление эмоциональных связей с ребенком и создание надежной привязанности.

Тема диссертации, соответствуют паспорту специальности 5.3.1. Общая психология, психология личности, история психологии: (П. 1. Психическая жизнь и поведение человека. Детерминанты, определяющие психическую жизнь и поведение человека. Детерминация и самодетерминация как объяснительные конструкты поведения человека. П.17. ... Рефлексивные процессы... П.18. ... Смысловая регуляция поведения. П.28. Стили общения, активности, саморегуляции... П.29. ...Я-концепция и идентичность личности. П.30. Структурно-функциональный и динамический подходы в описании личности. Устойчивость и изменчивость личности. Личностные процессы. Личность как субъект саморазвития. Самодетерминация и самоактуализация личности. П. 31. Теоретические модели личности как основание для консультирования, терапии и иных практик коррекции и поддержки личности.

Структура и объем диссертации. Диссертация состоит из введения, двух глав, заключения, содержит библиографию из 223 наименований. Объем диссертации составляет 164 страницы.

ГЛАВА 1. ТЕОРЕТИКО-МЕТОДОЛОГИЧЕСКОЕ ОБОСНОВАНИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ, ПРИМЕНЯЮЩИХ НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ

1.1. Исследование проблемы материнства в отечественной и зарубежной психологии

Роль матери в становлении личности ребенка первостепенна и неоспорима [66, с. 21]. Именно она заботится об удовлетворении физических и эмоциональных потребностей и является ключевым фактором личностного развития ребенка [66, с. 22]. С помощью матери ребенок вначале осознает свое физическое окружение, получает удовлетворение базовых потребностей, усваивает ценностные ориентации, культурные и национальные традиции.

Материнство как предмет научного исследования первоначально рассматривалось в естественных науках: физиологии, медицине, биологии. В психологической науке природа материнства рассматривается с 4-х позиций: эволюционно-биологической (Дж. Боулби, Д. В. Винникотт, А. И. Захаров, С. Ю. Мещерякова), культурно-исторической (Л. де Моз, Э. Бадинтер, Э. Эриксон, М. И. Лисина), биосоциальной (М. Мид, В. С. Мухина, Л. Б. Шнейдер и др.), психолого-педагогической (Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова, О. А. Карабанова, Н. Н. Васягина, С. Ю. Мещерякова, А. Я. Варга, Ю. Б. Гиппенрейтер, Е. И. Захарова, Т. В. Леус). В результате накопления данных многочисленных исследований в 1990-е гг. в отечественной психологии возникло новое научное направление – психология материнства.

Согласно **биологическому** подходу, эволюционные аспекты объясняют формирование материнских чувств, связанных с беспомощностью младенца и полной зависимостью от матери. Важная роль возникновения материнского поведения отводится гормонам, возникающим во время беременности и кормления грудью. Дж. Боулби отмечает отсутствие значимых различий между проявлением привязанности у человека и человекоподобных приматов и описывает формирование привязанности как естественный биологический процесс [21, с. 24]. С. Ю. Мещерякова отмечает глобальные преобразования, которые происходят в организме и психике женщины во время беременности и подготавливают ее к материнству [90, с. 19].

Д. В. Винникотт указывает на формирование во время беременности способности заботиться о ребенке, которая утрачивается по мере взросления ребенка [35]. А. И. Захаров описывает материнский инстинкт как основополагающий, который формируется под действием ключевых раздражителей – наследственных, генетических, биопсихических факторов, и выделяет семь сензитивных периодов формирования материнского инстинкта [56, с. 19].

В **культурно-историческом** подходе материнство изучается с точки зрения культурного и исторического феномена, который изменяет свое содержание на основе влияния среды в социокультурном формате и культурно-исторически обусловленных систем норм и ценностей. Так, Э. Бадинтер трактует материнство в виде результата развития в культурном плане, на содержание которого влияют модели поведения, являющиеся доминирующими в эпоху. В своих исследованиях она описывает ситуацию до конца XVIII века, когда материнская любовь была социально случайным явлением, оценивая многовековую историю как «период материнского безразличия» [12]. Согласно ее позиции, такое понятие как «материнская любовь» является эволюционирующим и, кроме того, наполняемым в содержательном плане в разные периоды исторического развития. В этом аспекте взаимосвязано исследователем изучаются три роли женщины в

социальном плане: мать, жена, свободно реализующаяся женщина. Э. Бадинтер полагает, что каждая из выделенных ролей является главной в зависимости от эпохи.

Продолжая описание материнства в рамках культурно-исторического подхода, Л. Демоз выделил шесть стилей материнского поведения и детско-родительского взаимодействия, которые характерны для определенной эпохи и сменяются в связи с изменениями, происходящими в обществе. Отношение к матери формируется в зависимости от того, ценится или обесценивается материнство в данный период развития человечества [50, с. 67]. В. А. Рамих в работе «Материнство как социокультурный феномен» показывает, как материнство отражает генезис человеческой культуры в целом и всех видов опыта в совокупности (от общественно-исторического до семейного) [125, с. 78].

Согласно мнению А. Ламперт, исследуемое понятие представляется одним из первых видов любви, которая возникает в ходе эволюционных процессов. Подтверждением культурно-исторического подхода и одновременно опровержением идеи о врожденной инстинктивной сущности материнства является повышение числа отказных детей, а также случаев продажи матерями своих детей. Кроме того, увеличение числа принуждений детей к антиобщественным деяниям (например, попрошайничество, проституция, воровство и пр.), жестокого обращения, избиения и т. д. Для цели обозначения отмеченных выше действий был введен соответствующий термин – «уклоняющееся материнство» [207, с. 18].

Сторонники **биосоциального** подхода рассматривали материнство с точки зрения интеграции биологических и социальных факторов, которыми и обусловлено формирование феномена. М. Мид на основании многолетних исследований пришла к выводу, что материнство, а также биологические условия зачатия, вынашивания и кормления грудью природно заложены в женщине, однако сложные социальные процессы могут повлиять на отрицание своих детородных функций. Например, социальные установки,

природные условия, экономика, традиции и нормы влияют на становление материнства. Фольклор является инструментом, который способствует закреплению поведенческих паттернов путем одобрения или неодобрения существующих форм поведения [93, с. 17]. В. С. Мухина определяет в материнстве глубокие биологические предпосылки и характеризует мать как биологическую и социальную единицу. При этом, если женщина обладает специфически осложненными особенностями или живет в период, когда материнство сознательно или бессознательно обесценивается социумом, возникает препятствие к обретению личной позиции матери [101, с. 141]. О. Г. Исупова не ограничивается идеей усвоения материнства с детства, упоминая, что существует факт отсутствия любви к ребенку, и отмечает значительное влияние социальной ситуации (семейной, экономической, культурной и т. д.) на формирование данного психологического конструкта, а также возможность его развить с помощью «специальных пошаговых действий» [67, с. 80]. С этой позицией согласуется мнение Л. Б. Шнейдер, которая считает влияние общественных норм на развитие феномена материнства доминирующим, а также определяет материнство результатом выбора женщины как самостоятельного субъекта в принятии своих решений [179, с. 61].

Г. Г. Филипповой были выделены 2 основных уровня развития материнства. Так, эволюционная точка зрения характеризует материнство как составную часть сферы репродуктивности, которая свойственна женщинам. Отмеченное взаимосвязано с процессами вынашивания и выкармливания потомства, а также значимостью обеспечения заботы. Выделение материнства в самостоятельную сферу поведения, такую как потребностно-мотивационная, характеризует исключительность материнского поведения на высшей эволюционной стадии развития. Эволюция материнства взаимосвязана с обеспечением матерью заботы о своем потомстве. Обеспечение заботы определяет материнские функции, выражаемые в эмоциональных реакциях по отношению к ребенку [167, с. 60].

Психолого-педагогический подход подробно рассмотрен в работах следующих авторов: Г. Г. Филиппова, Р. В. Овчарова, О. А. Карабанова, Н. Н. Васягина, С. Ю. Мещерякова, А. Я. Варга, Ю. Б. Гиппенрейтер, Е. И. Захарова, Т. В. Леус. Данная парадигма к изучению проблемы материнства позволяет рассмотреть феномен в следующих направлениях:

1. С точки зрения воспитательной функции женщины и обеспечения условий для полноценного развития ребенка. В данном направлении рассматривается доминирующая роль матери в психическом развитии ребенка; подробно освещается проблема детско-родительских взаимоотношений; раскрыты аспекты реализации материнской воспитательной деятельности.

2. Как самостоятельный психологический феномен, характеризующий личную сферу женщины и обеспечивающий ее развитие, совершенствование, реализацию.

Материнство как реализация воспитательной деятельности. Фундаментальным открытием психоанализа в психологической науке стало положение о роли матери в психическом развитии ребенка (З. Фрейд, А. Адлер). Психоанализ позволил выявить проблему отношений детей и родителей, качества воспитания, ставшей ключевой в ходе изучения закономерностей развития личности. Специфика материнской любви, так же, как и отцовской, характеризует индивидуальность траектории развития ребенка и является главным условием прогрессивности становления личности [168, с. 189].

С этого момента изучение вопросов участия матери в процессах развития ребенка представляется ключевой областью научных исследований. Данный фактор обуславливается значимостью воспитательной функции женщины, т. к. от выбранного стиля инструментов воздействия на ребенка зависит гармоничное формирование его личности.

Деятельность родителей по развитию детей является организованной совокупностью элементов, интеграция которых характеризует способность

осуществлять эффективное содействие формированию личности (В. И. Генецинский, П. М. Ершов, И. С. Кон, Е. Н. Степанов, П. В. Симонов и др.).

При анализе иностранной научной литературы можно выделить следующий список задач материнства как деятельности:

1. Оказание содействия развитию ребенка. Мать играет критическую роль в раннем развитии ребенка. Педагогические приемы, применяемые матерями, позволяют оказывать долгосрочное воздействие на развитие детей в социальном, эмоциональном и когнитивном плане.

2. Оказание содействия в освоении языка. Матери являются носителем языковой модели и играют решающую роль в освоении и изучении детьми языка.

3. Поощрение эмоциональной регуляции. Матери создают для своих детей безопасную базу и помогают им регулировать свои эмоции и управлять стрессом.

4. Содействие ответственному отцовству. Матери могут моделировать положительные педагогические практики и поощрять вовлеченность отцов в жизнь детей [191; 204].

Как замечает О. А. Карабанова, взаимодействие между матерью и ребенком является важнейшей детерминантой психического развития и процесса социализации ребенка. Качество взаимодействия детей и родителей определяют различные параметры (например, аспект эмоциональной связи: любовь, принятие и эмоциональные отношения или мотивы в образовательном процессе) [70, с. 112].

В отличие от вышеуказанного подхода, Г. Г. Семенова-Полях ограничивается рассмотрением влияния только трех основных параметров на развитие отношений матери и ребенка:

– вовлеченность матери в детско-родительские отношения (от полного слияния до полной личностной дистанции);

– характер взаимодействия матери в детско-родительских отношениях (жесткие и мягкие методы общения);

– доминирование матери в детско-родительских отношениях (от противопоставления интересов, мотивов и целей до полного доминирования) [142, с. 17].

Считаем важным отметить следующее мнение О. А. Карабановой: «Особенностью детско-родительских отношений по сравнению с другими видами межличностных отношений является их высокая значимость для обеих сторон» [70, с. 35].

На основании упомянутых позиций ученых можно сделать вывод о том, что мать является не только источником удовлетворения базовых потребностей ребенка, но и проводником в окружающий мир, образцом действия и паттерном поведения, а также формирует первичные представления о мире, о себе и о других, оказывая влияние на развитие будущей личности.

Следует отметить, что цели родительской деятельности меняются в зависимости от перехода к новым этапам развития. Можно сделать вывод, что взаимодействие между матерью и ребенком играет важную роль в формировании личности ребенка на различных этапах его онтогенеза.

Для обеспечения эффективного взаимодействия в рамках детско-родительских отношений крайне важно придерживаться основополагающих принципов:

1. Принцип связи воспитания с жизнью детей и их потребностями (О. А. Карабанова, А. С. Спиваковская и др.) характеризует установление равноценных отношений духовного плана между ребенком и матерью.

2. Принцип единства и согласованности (С. А. Днепров, В. М. Мудрик и др.). Согласно этому принципу, мать осуществляет деятельность, которая направлена на реализацию «Я» ребенка в системе общественно-гражданских отношений.

3. Принцип гуманизма (Е. В. Коротаева, М. И. Лисина и др.) – личность ребенка признается как абсолютная человеческая ценность.

4. Принцип включенности ребенка в межличностное взаимодействие (А. С. Белкин, Л. В. Моисеева и др.) – выстраивается система воздействия согласно общепризнанным нравственным ценностям.

5. Принцип учета возможностей и особенностей развития личности ребенка (А. Г. Лидерс, С. А. Новоселов и др.) – создаются оптимальные условия развития детей.

6. Принцип ретроспективности (Н. Н. Васягина, В. А. Сластенин и др.) характеризует преемственную связь воспитательной системы с учетом локальных педагогических систем и традиций.

С помощью соблюдения указанных принципов возможно создавать гармоничные отношения между детьми и родителями, которые будут способствовать развитию личности ребенка. Описывая модели поведения матери, разные ученые выбирают различные подходы и параметры, что, безусловно, обогащает знания по данному вопросу.

Так, Д. Баумринд, известный американский психолог, определила, что авторитетный стиль родительства, включающий в себя сочетание чуткости и требовательности, является наиболее эффективным для развития здоровой и уверенной личности ребенка [191, с. 91]. О главенствующем значении двух параметров в модели воздействия – привязанности и контроле – и, самое главное, степени их выраженности и сочетании в одном конструкте пишет в своей работе М. Мэйн [210, с. 121].

Продолжая изучение в описанном направлении, Э. Г. Эйдемиллер и В. Юстицкис разработали детализированную классификацию стилей семейного воспитания на основании уровня и формата контроля, ожиданий по отношению к ребенку: либеральный, авторитарный, гиперопекающий, демократический [184, с. 170].

За основу описания патогенных типов материнского отношения А. Я. Варга взяла 3 уровня близости: симбиотический, авторитарный и эмоционально-отвергающий [27, с. 19].

С противоположной точки зрения, основанной на последствиях для ребенка, классифицирует типы воспитания Е. Т. Соколова, выделяя благоприятные (сотрудничество, эмоциональное принятие) и неблагоприятные типы (изоляция, псевдосотрудничество) [149, с. 89].

Тема влияния личностных и индивидуально-психологических особенностей матери на формирование специфики реализации родительских функций широко обсуждается в современной психологической литературе. А. Г. Лидерс и Е. Н. Спирева выделяют следующие типы личности матерей: экстравертированная, спонтанная, агрессивная, ригидная, интровертированная, сензитивная, тревожная, лабильная [83, с. 65]. В. В. Ткачева, учитывая жизненную позицию матери, наличие внутренних переживаний, особенность построения межличностных отношений, выделяет 3 типа матерей: матери невротичного, авторитарного и психосоматического типа [158, с. 19].

Е. И. Исенина, изучая структуру базовых качеств матери, выделила следующие: «чувствительность», «теплота», «принятие», «доступность», «эмпатия», «стимуляция ребенка», «контроль», детскость речи матери, ее синхронизация и подстройка под ритм и уровень развития ребенка и др. [66, с. 21]. Соответственно, эти базовые качества являются основными в развитии ребенка и имеют решающее значение.

В научных работах широко представлена характеристика личностных особенностей матерей, препятствующих эффективной реализации материнских функций. А. И. Захаровым отмечается, что черты матери, являющиеся психопатическими, влияют на невротизм детей (например, неустойчивость личного самоопределения, образность мышления, противоречивость личности и др.) [58, с. 57].

Одной из насущных современных задач является разработка наиболее эффективных подходов к воспитательной практике. В связи с этим считаем важным отметить мнение Н. Н. Васягиной о том, что помимо моделей поведения матери и содержания детско-родительских отношений необходимо особое внимание обратить на психологические качества матери. Важность такого подхода не только в существенном влиянии матери на развитие ребенка, но и в возможности для нее самостоятельно управлять и изменять личностные характеристики, а значит, оптимизировать свое поведение, направленное на ребенка [28].

Материнство как составляющая личной сферы женщины. Все больше исследования феномена материнства привлекают внимание ученых не только с точки зрения его воспитательной функции, но и с позиции изучения составляющей личностной сферы женщины. Они отмечают, что материнство является сложным и многогранным явлением, которое оказывает огромное влияние на жизнь женщины, ее отношения с окружающими и ее самоопределение, что позволяет выделить его в самостоятельный психологический феномен. В связи с этим изучение феномена материнства должно включать аспекты как его воспитательной функции, так и его роли в личной жизни женщины. Это позволит лучше понимать значимость материнства для женщины и общества в целом.

Проведенный анализ литературы позволяет сделать вывод о том, что при изучении психологического содержания материнства следует определить его системное образование, а также изучить феномен со стороны конкретных мотивов, ценностей, потребностей. В целях детального изучения проблематики материнства каждый из обозначенных выше компонентов был рассмотрен нами отдельно.

Рассматривая материнство как системное образование, С. Ю. Мещерякова определяет период от зачатия до рождения ребенка основополагающим в формировании материнского поведения. В течение этого периода происходят глобальные изменения в организме и психике

женщины, активно подготавливающие ее к полноценному принятию роли матери [90, с. 18]. В соответствии с изложением В. И. Брутмана наиболее важным периодом для формирования «я-концепции матери и концепции ребенка» является начало беременности, включая период с момента узнавания о беременности до момента первых движений ребенка [22].

Наиболее подробная концепция формирования материнства описана у Г. Г. Филипповой [166, с. 19]. В своей работе она указывает, что формирование родительских чувств и представлений у женщины начинается еще задолго до рождения ребенка, и подробно описывает этапы формирования материнства:

1. Этап связи ребенка с матерью в раннем процессе реализации генетической информации (онтогенез). На этом этапе формируется эмоциональное восприятие и проявляются эмоциональные реакции на стимулы физического компонента гештальта младенца. Под гештальтом младенчества понимается носитель специфических этологических стимулов, который запускает в матери потребность в контакте с ним, что является базовой и системообразующей потребностью матери. Эта деятельность основывается на потребностях, формирующих нужду во взаимодействии с носителем гештальта младенца, в проявлении функций заботы, в материнстве и переживаниях, связанных с ним.

2. Игровой этап и взаимодействие со сверстниками. На данном этапе формируются ключевые элементы материнской сферы в процессе сюжетно-ролевой игры с куклами, в «дочки-матери» и семью.

3. Этап проявления «потребности в материнстве» (с 5 до 6 лет до начала полового созревания). На данном этапе формируются знания ребенка, а также проходит их развитие.

4. Этап дифференциации. Данный этап позволяет девушке осознать связь половой и материнской сфер.

5. Этап анализа онтогенетического развития материнской сферы (реальное взаимодействие матери с ребенком). Этому этапу свойственны

различные периоды: беременность и роды; послеродовый; младенческий возраст.

6. Постнатальный период. В этом периоде матерью устанавливается эмоциональная привязка ребенка и проявляется личный интерес к особенностям его развития. Результатом эмоциональной привязки является образовавшаяся постоянная связь, которая сохраняется после окончания гештальт-стадии младенчества.

Таким образом, интериоризация женщиной содержания материнской роли представляется в виде многогранного и последовательного процесса, который начинается еще при взаимодействии с собственными родителями в детстве и продолжается на протяжении дальнейшей жизни.

В научной литературе значительное внимание уделяется изучению значения периода беременности как основополагающего этапа развития материнства. О. В. Баженова с соавторами основными факторами этого периода считают желание иметь детей и особенности течения беременности. Наиболее благоприятным поведением будущей матери является желание ребенка, наличие субъективно-положительного отношения матери к плоду, акт общения. Неготовность к материнству является основным фактором психологического риска, лежащим в основе неадекватного обращения матери с младенцем [13, с. 17]. По мнению В. И. Брутмана, феномен «шевеления плода» имеет решающее значение для формирования чувства материнства [22, с. 37].

Определение мотивов позволяет выделить область материнства от сферы детско-родительских отношений и обосновать происходящие личностные изменения у женщины при переживании материнства.

При описании материнской мотивационной сферой Т. М. Зенкова выделяет специфическое иерархическое личностное образование, определяющее качество материнства, критерием которого является субъектная или объектная ориентация по отношению к будущему или настоящему ребенку. Так, она выделяет 2 мотива: субъект-субъектный

(ценность ребенка как самостоятельной личности) и субъект-объектный (ребенок удовлетворяет личные цели женщины) [60, с. 29].

Другой подход предлагает А. С. Спиваковская, выделяя три группы мотивов материнства: реализующие ценностное отношение к ребенку, социальные и инструментальные.

Первая группа – мотивы, определяющие ценностное отношение к ребенку. Такие мотивы направлены на реализацию функций привязанности, поддержки, определение смысла жизни. Личность ребенка выступает как самооценочность для матери.

Вторая группа – социальные мотивы, которые позволяют получить самоутверждение или подтвердить конкретный социальный статус матери.

Третья группа – инструментальные мотивы – отождествляется с мотивами вне материнства. Ребенок является средством достижения тех или иных потребностей, которые не имеют отношения к процессу воспитательной деятельности [151, с. 94]. Такими потребностями могут выступить гармонизация супружеских отношений, улучшение материального положения, реализация личных материнских целей ребенком (нереализованная мечта стать музыкантом может быть реализована ребенком). А. I. Rabin выделяет также фаталистический мотив как реализацию потребности в продолжении рода [215, с. 407].

Р. В. Овчарова, разработавшая концепцию мотивации, выделяет в содержании материнской сферы три уровня: ценностный, потребностный и операционный:

1. На уровне ценностного смысла отношение к ребенку рассматривается как самостоятельная ценность, зависящая от конкретного культурного контекста и модели отношений матери и ребенка в обществе. Важной является ценность материнства, которая связана с отражением своего опыта в выполнении материнских функций и влияет на формирование материнских потребностей.

2. Потребностно-эмоциональное измерение включает потребность в контакте с ребенком как носителем объекта гештальта младенца, потребность в защите и заботе о ребенке, динамику изменения отношения к онтологии гештальту младенца, а также материнские потребности, возникающие на основе рефлексии собственного опыта.

3. Операциональное измерение состоит из двух частей: уход за ребенком, защита и коммуникация. Эти операции характеризуются не только своим инструментальным характером, но и эмоциональным подтекстом, который придает им особые стилистические характеристики (внимание, нежность, спокойствие), соответствующие характеристикам ребенка как объекта деятельности [112, с. 76].

В последнее время в литературе при описании материнства все чаще используется понятие «самосознание матери». Так, С. А. Минюрова и Е. А. Тетерлева выделяют материнство качественно новой ситуацией развития в сфере самосознания женщины, принявшей на себя родительскую роль [95]. Продолжая развивать эту идею, Н. Н. Васягина и др. считают развитое самосознание основным условием личностной зрелости матери и категорией, которая находится в основе эффективных отношений диады «ребенок – мать» [32, с. 172] (Н. Н. Васягина, В. С. Мухина, М. Ю. Чибисова и др.). В связи с этим в следующем параграфе будет детально рассмотрено самосознание матери как особая интегративная характеристика ее личности.

Подводя итог, можно обозначить следующие выводы:

1. Как в отечественных, так и в зарубежных исследованиях подчеркивается особая роль матери в формировании психологического склада личности ребенка. Эффективность реализации материнских функций зависит от значимости материнства для женщины, осознания целей и задач материнства, принципов взаимодействия с ребенком, индивидуально-психологических характеристик женщины, которые способствуют или препятствуют гармоничному развитию личности ребенка. Именно мать и

связанные с ней первые жизненные впечатления наиболее прочно фиксируются в развивающейся психике ребенка.

2. В последние десятилетия набирают популярность исследования, смещающие фокус исследовательских интересов на материнство как самостоятельный психологический феномен, с одной стороны воплощающий весь личностный и жизненный опыт женщины, а с другой стороны создающий новые векторы ее становления и развития как личности в контексте реализации особой социально значимой роли, предполагающей передачу ребенку социокультурного опыта.

3. Материнство как самостоятельное явление является чрезвычайно глубоким психологическим феноменом и начинает формироваться еще до рождения ребенка, при переживании отношений с собственной матерью; продолжает свое развитие при сюжетно-ролевых играх в семью в дошкольном периоде; при контакте с носителями гештальта младенчества; при наблюдении за принятыми обществом правилами общения и отношением к матерям; при собственном опыте переживания беременности и родительства.

4. В зависимости от ценностно-смыслового отношения женщина может по-разному воспринимать роль матери и взаимодействовать с ребенком. Если материнство опирается на ценностное отношение к ребенку, то это может способствовать более качественному развитию личности ребенка и укреплению взаимоотношений между матерью и ребенком. Если материнство обусловлено социальным или только фаталистическим мотивом, отношение к ребенку будет не субъектным, а объектным. В таком случае взаимоотношения между матерью и ребенком могут быть напряженными и зависеть от восприятия женщиной своей социальной успешности как матери. Если же материнство определяется инструментальными мотивами, то это может привести к использованию ребенка как средства для достижения других целей, что может негативно повлиять на его развитие и взаимоотношения с матерью.

5. Ключевой характеристикой личности матери, как показывают современные исследования личности матери, является ее самосознание, детальное рассмотрение феноменологии которого представим в следующем параграфе.

1.2. Самосознание матери как ключевая характеристика ее личности

Изучение самосознания в современной психологии – важная, перспективная и малоисследованная задача. Подтверждением является множество определений самосознания в научной литературе, где авторы, используя различные подходы, выделяют различные характеристики самосознания – в некоторых случаях взаимодополняющие, в других достаточно противоположные.

Так, К. Cherry определяет самосознание как «способность к самоанализу и способность распознавать себя как личность, отдельную от окружающей среды и общества», акцентируя внимание исключительно на самоанализе и изучении себя [196, с. 67].

Другими авторами дополнительно выделена функция анализа результата своих действий и окружающих. Например, в определении самосознания, данном S. M. Kassir, S. Fein: «Самосознание содержит в себе способность распознавать и понимать собственные психические состояния, включая мысли, чувства и желания. Оно также содержит способность размышлять о собственном поведении, ценностях и убеждениях и понимать, как эти факторы формируют наши собственные опыт и взаимодействие с другими» [205]. D. Dorjee также предлагает понимать под самосознанием не только способность размышлять о собственных мыслях, эмоциях и поведении,

но и распознавать их влияние на себя и других людей в социальном контексте [199].

Представляется важным отметить, что ряд авторов в определении самосознания подчеркивают возможность контроля. Так, Р. Стернберг описывает способность не только осмысливать собственные переживания, мысли и эмоции, распознавая свои сильные и слабые стороны, но и использовать эти знания для управления своими действиями и решениями [220, с. 98]. А. Morin включает в определение способность отслеживать свои собственные психические и эмоциональные состояния и размышлять о том, как наши действия и решения влияют на нас самих и других [211, с. 809].

А. Г. Асмолов отмечает, что самосознание необходимо для эффективной саморегуляции, то есть способности контролировать свои мысли, чувства и поведение для достижения целей. Исследователь также предположил, что самосознание можно развивать посредством саморефлексии и самоанализа [11, с. 53].

В книге R. F. Vaumeister, B. J. Bushman расширено определение самосознания – подчеркивается возможность влияния на других людей: «способность отслеживать свои собственные психические состояния и процессы и узнавать себя как отдельную сущность в мире. Это включает в себя осознание собственных эмоций, мыслей и убеждений, а также влияния своего поведения на других и окружающую среду» [190, с. 18].

Часто можно наблюдать, что изучение самосознания в психологии сводится к понятию «Я-концепция», и эти термины употребляются как синонимы или предлагается рассматривать Я-концепцию как результат, итоговый продукт процессов самосознания [24, с. 58].

Эта концепция формируется под влиянием жизненного опыта, прежде всего отношений ребенка с родителями, но очень рано приобретает активную роль для индивида, для интерпретации этого опыта и целей, которые индивид ставит перед собой, соответствующей системы ожиданий, его прогнозов на будущее, оценки своих достижений и влияния на формирование себя.

Важнейшей функцией Я-концепции является обеспечение внутренней целостности личности, относительной стабильности поведения [16, с. 38].

В соматическом плане Я-концепция развивается постепенно и может рассматриваться как интегрированный психологический процесс, основанный на все более сложных видах деятельности, таких как самопознание, отношение к своим чувствам и ценностям и способность регулировать свое поведение.

На основании описанного постулата Ф. Олпорт предложил четырехступенчатую модель структуры самосознания. Эта модель описывает развитие самосознания от простого телесного осознания к более сложному, рефлексивному осознанию своего внутреннего опыта.

I этап – сенсомоторный: на этом этапе младенцы осознают свое тело и непосредственное окружение, но не ощущают себя как отдельную сущность.

II этап – восприятие: на этом этапе дети начинают узнавать себя в зеркалах и других отражающих поверхностях и развивают чувство собственного внешнего вида.

III этап – символический: на этом этапе дети развивают речь и способность использовать символы для представления себя и своего опыта. Они также начинают понимать, что мысли и чувства других людей отличаются от их собственных.

IV этап – саморефлексия: на этом этапе у людей развивается способность думать о своих мыслях и чувствах, а также размышлять о собственном опыте. Они осознают свои личные черты, ценности и убеждения и могут заниматься самоанализом [188, с. 178].

Однако еще раньше русский психолог Л. С. Выготский сделал акцент на культурно-исторической теории человеческого развития. Согласно его мнению, самосознание является продуктом социального взаимодействия и культурного опыта. Он считал, что самосознание развивается в процессе усвоения норм, ценностей и убеждений своей культуры [39, с. 70].

В настоящее время можно наблюдать, что тенденция изучения самосознания функционирует от общего к частному. Научные работы

современников посвящены изучению самосознания в разных возрастных группах (Т. Н. Разуваева), в зависимости от национальности (О. А. Березина, С. Ю. Жданова), рабочего положения (Д. С. Вундер), количества детей (А. С. Образцова), здоровья ребенка (И. Е. Валитова, А. К. Кингстон), что подчеркивает высокую прикладную значимость изучаемого психологического явления. Особое внимание уделяется исследованию самосознания матерей, в т. ч. с наличием деструктивного поведения при реализации материнской роли (Н. Н. Васягина, Е. Н. Григорян, Е. О. Мазурчук, Ф. Р. Малюкова и др.).

Таким образом, самосознание играет значимую роль в процессе формирования личности. Важные изменения самосознания личности в качественном плане являются опосредованными приобретением женщиной нового статуса, а также исполнением соответствующих ролей. Одной из ключевых ролей женщины является роль матери.

Давая определение самосознанию матери, многие отечественные и зарубежные авторы выделяют способность матерей размышлять о своих родительских убеждениях, установках, поведении и понимать, как эти факторы могут повлиять на их отношения с ребенком. Оно включает в себя сочетание когнитивных, эмоциональных и поведенческих процессов, такие как саморефлексия, самоконтроль и саморегуляция [153, с. 67].

Ряд исследователей расширяют описываемое понятие, акцентируя внимание на способности женщины менять свою деятельность, в частности способы воздействия на ребенка, в зависимости от полученных результатов самоанализа. В концепции, разработанной Н. Н. Васягиной, материнское самосознание понимается как «сложное синтетическое психологически значимое образование, присущее всем женщинам-матерям, состоящее из трех взаимосвязанных структурных элементов, которые в совокупности определяют содержание первичного опыта матери и обуславливают содержание самосознания матери, выступая внутренними факторами ее отношения к своим детям» [32, с. 76].

Представляется важным подчеркнуть мнение Н. Н. Васягиной, Т. В. Леус, В. С. Мухиной и Г. Г. Филипповой о том, что «материнство существенно трансформирует представление женщины о себе». Эти трансформации связаны с переходом от диадических отношений «муж – жена» к триадическим отношениям «мать – ребенок – отец» [131, с. 47].

Существует два основных направления в изучении вопроса материнского самосознания: первое направление рассматривает женское самосознание с точки зрения роли матери как деятельности по обеспечению необходимых условий для развития ребенка (Т. В. Леус, С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева, М. Ю. Чибисова, Т. Н. Счастливая и др.), в рамках второго направления под материнским самосознанием понимаются самостоятельная категория и часть личностной сферы женщины (С. Ю. Мохова, Н. Н. Васягина, О. А. Карабанова, С. Ю. Мещерякова, Р. В. Овчарова, Ю. Е. Скоромная, Г. Г. Филиппова и др.) [88, с. 101].

В рамках нашего исследования данная парадигма изучения самосознания матери является приоритетной и позволяет рассмотреть его как отдельное явление.

В процессе формирования самосознания матери выделяют несколько уровней:

Предварительное осознание: этот уровень предполагает отсутствие сознательного внимания к собственным мыслям, чувствам и поведению. Матери на этом уровне могут реагировать на потребности и эмоции своих детей, не полностью понимая свои собственные реакции.

Осведомленность: на этом уровне матери начинают распознавать и обращать внимание на свои собственные мысли, чувства и поведение в новой роли. Они могут начать размышлять о своем выборе родительства и влиянии своего поведения на детей.

Понимание: матери на этом уровне глубже понимают себя как матерей, включая свои мотивы, эмоции и модели поведения. Они могут быть более

гибкими в своем стиле воздействия на ребенка и способны лучше адаптироваться к потребностям своих детей.

Интеграция: этот уровень включает в себя интеграцию самосознания в практику воспитания. Матери на этом уровне могут использовать свое самосознание, взаимодействуя со своими детьми и создавая заботливую и поддерживающую среду [31, с. 95].

Представленная выше концепция по уровням развития материнского самосознания сочетается с положением (Н. Н. Васягина, В. С. Мухина, М. Ю. Чибисова, Ю. И. Шмурак и другие) о том, что развитое самосознание является критерием личностной зрелости матери, а следовательно, может служить гарантом эффективного построения взаимоотношений с ребенком, в котором она выступает субъектом. Е. Н. Григорян представила семь типов матерей, из них шесть – дисгармоничных [48, с. 758]. Сравнительный анализ характеристик каждого из дисгармоничных типов был выполнен в сопоставлении с гармоничными матерями:

1. Матери доминирующего типа имеют выраженную уверенность в себе, самостоятельность, положительный фон восприятия себя, стремление к доминированию в семье, требовательность к ребенку.

2. Матери отвергающего типа проявляют тенденцию к отрицанию собственной вины в конфликтных ситуациях и порицание других. Отношение к себе характеризуется самоуверенностью, стремлением к доминированию, эмоциональной дистанцией с ребенком.

3. Непоследовательные матери проявляют политику двойных стандартов в стиле воспитания, в отношении к своим детям, в поощрении наказания. Они часто жалеют себя за все качества своего характера. Они рассматривают свои недостатки как продолжение своих достоинств.

4. Матери с противоречивым самовосприятием характеризуются, с одной стороны, сомнениями в уникальности своей личности, неуверенностью, самоуничижением, а с другой – позитивным отношением к себе, что приводит к конфликтам между их «реальным» и «идеальным» Я. Основной

эмоциональный контекст взаимодействия матери и ребенка – позитивный. С другой стороны, матери испытывают негативные эмоции, такие как усталость, опустошенность и раздражительность, при взаимодействии с детьми и неохотно идут на физический контакт с ними.

5. Социально дезадаптированные матери не удовлетворены своей ролью матери-домохозяйки и негативно относятся к себе как к родителю. Они несамостоятельны, зависимы от других и склонны избегать открытых отношений с собой. Причинами дезадаптации могут быть отсутствие самоанализа, поверхностный взгляд на себя или намеренное нераскрытие себя. В то же время они оценивают преобладающий эмоциональный фон во взаимодействии с детьми как благоприятный.

6. Субъективно благополучные матери характеризуются строгой Я-концепцией и стремятся не менять свои качества, требования к себе и, самое главное, свое видение и оценку себя. Матери этой группы склонны идеализировать, уважать и ценить себя, удовлетворены собой и своими достижениями. Женщины склонны доминировать в доме и очень довольны своей ролью хозяйки дома.

7. Гармоничные матери удовлетворены материнством и позитивно относятся к себе как к родителям. Мать удовлетворена своими отношениями с ребенком и безоговорочно принимает его личные качества и поведенческие проявления. Мать не пытается контролировать все, что касается ребенка, дает ему свободу и проявляет доверие. Матери не требуют от своих детей слишком многого и не возлагают на них большой ответственности.

Матери гармоничного типа демонстрируют более положительное отношение к своим детям и материнству в целом, чем матери дисгармоничного типа. Они отличаются высоким уровнем самооценки, но при этом самокритичны, что стимулирует личностный рост. В отношениях с детьми матери гармоничного типа проявляют доверие и не ограничивают их свободу, что способствует здоровому развитию личности ребенка.

Матери дисгармоничных типов могут иметь как положительное, так и отрицательное отношение к себе, брать ответственность на себя или передавать ее окружающим, принимать или отвергать своего ребенка, а также давать как адекватную, так и неадекватную оценку своей личности и текущей ситуации.

При этом концепции, убеждения, самоотношение и формы поведения, которыми руководствуется женщина, будут отражены в ее самосознании. Подтверждением этого выступает структурная организация самосознания матери.

В работах российских и зарубежных авторов, таких как И. С. Кон, В.В. Столин, И.И. Чеснокова, Н. Н. Васягина, Е.Н. Рыбакова, К. В. Адушкина, прослеживается общее выделение трех структурных элементов самосознания (рисунок 1).

Рисунок 1. Трехкомпонентная структура самосознания

Описанные выше три элемента английский психолог Р. Бернс конкретизировал по следующим составляющим:

- «образ Я – представления индивида о самом себе;
- самооценка – аффективная оценка этого представления;
- потенциальная поведенческая реакция» [16, с. 47].

И. С. Кон описывал их как когнитивный, аффективный и поведенческий (производный от первых двух) уровни (готовность к действиям в отношении объекта) [77, с. 48].

В исследованиях О. Г. Исуповой, С. Ю. Мещеряковой, Р. В. Овчаровой, Е. О. Смирновой, Г. Г. Филипповой, Н. Н. Васягиной вышеописанные структурные компоненты адаптированы с учетом особенностей материнского самосознания:

- самопостижение (когнитивный компонент) – процесс накопления, расширения, уточнения и углубления представлений о себе в роли матери;
- самоотношение (эмоциональный компонент) – собственное отношение женщины к самой себе, к выполнению своей материнской роли, стремление к идеалу и соответствию социальным нормам;
- самореализация (поведенческий компонент) – процесс организации женщиной своего родительского поведения.

Е. Н. Рыбакова расширяет понимание структурной организации материнского самосознания и представляет его как динамическую систему взаимосвязанных компонентов (рисунок 2). Представленная ниже структура позволяет расширить информацию о каждом компоненте самосознания матери и проиллюстрировать их взаимосвязь. Так, самопостижение (когнитивный компонент) содержит представления о материнстве. Несоответствие сформированного на начальном этапе онтогенеза образа матери «Я идеального» и «реального образа Я» приводит к внутриличностным конфликтам. Этот конфликт заключается в расхождении между представлениями о поведении матери для подражания и реальными ощущениями женщины. Несоответствие между образом «Я реальное» и тем, как воспринимается идеальная мать, побуждает женщин провести работу над своим отношением к воспитательному процессу, изменить свои представления о себе в роли матери или об идеальной матери в целом.

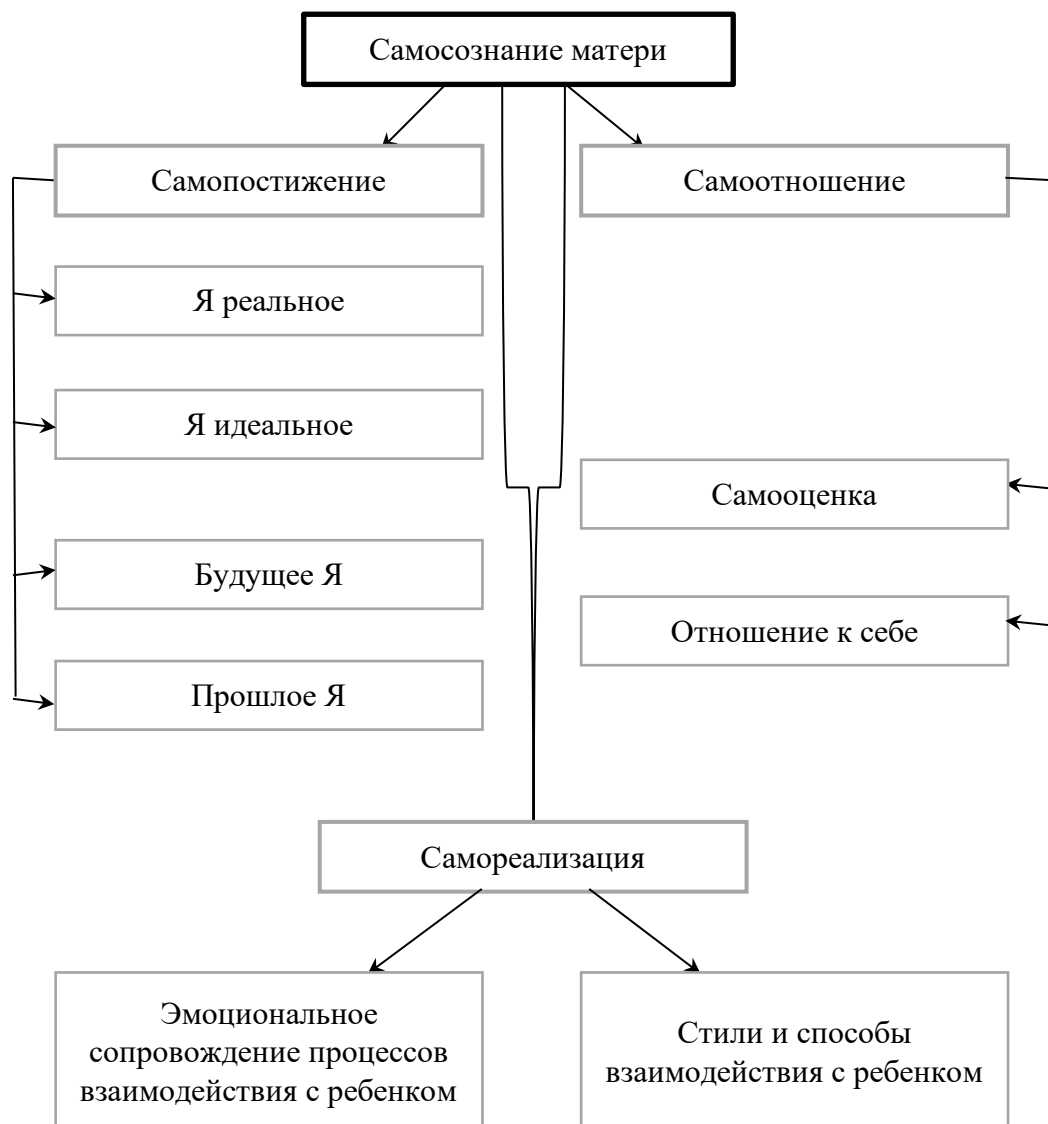

Рисунок 2. Структура самосознания матери

Процесс самоотношения связан со всем спектром переживаний по отношению к себе как к матери, обобщен в эмоционально-ценностном отношении и закреплен в самооценке. При наличии сильного внутреннего конфликта и низкой самооценки женщина может быть ориентирована больше на свои собственные переживания, а не на удовлетворение эмоциональных потребностей ребенка, что может быть выражено в том, что женщина больше заботится о своих собственных потребностях и эмоциональном благополучии в ущерб потребностям ребенка.

Самореализация (поведенческий компонент) представляет собой процесс организации матерью своего поведения, включающий эмоциональное

обеспечение взаимодействия с ребенком и стили взаимодействия с ним, методы и тип взаимоотношений.

В случае изменения применяемых действий в компоненте самореализации будут изменения в компонентах самопознания и самоотношения, так как будут скорректированы действия по отношению к ребенку, что повлияет на появление отличий в его обратной связи к воспитательной стратегии матери, тем самым провоцируя изменения отношения у женщины к себе как к матери, что доказывает взаимосвязь компонентов данной структуры, образующих единый конструкт.

Следует добавить, что изменение компонента самореализации (действий, применяемых по отношению к ребенку) приведет к изменению компонентов самопознания и самоотношения, поскольку изменятся представления женщины о себе в качестве матери и ее отношение к себе в этой роли. Например, если женщина применяет суровые методы воздействия, то образ «идеальной матери» становится все менее достижимым, а эмоциональное отношение к себе все более отрицательным. Это может привести к эмоциональной фрустрации, тревожности и сосредоточенности на себе и своих переживаниях, а не потребностях ребенка. Данный процесс свидетельствует о тесной взаимосвязи компонентов данной структуры и образовании единого конструкта, несмотря на уникальность каждого из компонентов. Кроме того, это свидетельствует о тесной взаимосвязи между самосознанием матери и качеством исполнения материнской функции [166, с. 142].

Дополнительно необходимо остановиться на описанных уровнях самосознания матери, которые включают такие факторы, как степень адаптации к материнской роли, эффективность выполнения материнских функций, характеристика представлений о себе, характер взаимодействия с окружающими. Н. Н. Васягина и К. В. Гуляева определяют 3 уровня самосознания матери.

При низком уровне самосознания матери обладают недостаточной дифференцированностью образа «Я – мать», что проявляется, как правило, в их склонности предполагать, что другие люди похожи на них. Некомпетентность в оценке причин состояния ребенка приводит к неспособности матерей эффективно воздействовать на своих детей. При описании себя они часто используют генерализацию: «как все», «нормальная», «обычная» и т. д. Также им свойственно непринятие роли матери. Их воспитательная компетентность недостаточно сформирована и демонстрирует ограниченность характеристик, отражающих собственную материнскую позицию. Такие матери в процессе взаимодействия с ребенком придерживаются ограниченного количества определенных принципов.

При среднем уровне самосознания матери, как правило, отдают предпочтение материнству в иерархии своих ценностей, однако такой приоритет является чаще декларируемым, чем реальным. Они склонны проводить больше времени со своими детьми и подчинять свои интересы интересам и увлечениям ребенка. Данные матери демонстрируют недостаточную рефлексивность опыта материнства и своих родительских чувств, а также не принимают на себя доминирующую роль в регулировании отношений с ребенком.

Женщины с высоким уровнем самосознания обладают дифференцированным образом «Я – мать», что позволяет им анализировать внутренние противоречия, ощущать многообразие внутреннего мира, а конфликтные ситуации и неудачи не приводят к негативной самооценке. Они принимают свою роль в качестве матери, а развитие ребенка не вызывает серьезных трудностей, что связано с их умением воспринимать и воздействовать на состояние ребенка. Они способны создавать эмоционально близкие и доверительные отношения с ребенком, оказывая ему поддержку в процессе взросления. Конфликт между «Я реальным» и «Я идеальным» стимулирует их развитие и самосовершенствование [28, с. 87].

Таким образом, уровень самосознания матери оказывает влияние на ее самовосприятие, применять эффективные способы поведения, устанавливать эмоционально близкие и доверительные взаимоотношения с ребенком.

В контексте рассмотрения проблемы самосознания матери необходимо выделить и ключевые механизмы его актуализации: рефлексия и антиципация как психологические механизмы и объяснительные принципы актуализации и развития самосознания, и психики в целом [31, с. 18]. Антиципация является принципом адаптации психики к условиям окружающей действительности, позволяет предвидеть будущее; действовать и принимать решение в отношении ожидаемых событий (П. К. Анохин). Рефлексия позволяет человеку внутренне наблюдать, подвергать критике, изменять и преобразовывать осуществляемую деятельность (Б. Г. Ананьев, Л. С. Выготский, С. Л. Рубинштейн, Б. В. Зейгарник) [39; 129].

Ранее эти механизмы были рассмотрены как последовательные в соответствии с работами Н. В. Жуковой и В. В. Знакова. Однако нам представляется более интересным подход на основе системно-эволюционной теории, которая утверждает, что рефлексия и антиципация многомерны и взаимнообратны. Мы придерживаемся взглядов Н. Н. Васягиной, согласно которым механизмы единства рефлексии и антиципации образуют механизм функционирования самосознания матери [32].

Таким образом, единство механизмов рефлексии и антиципации является ключевым обстоятельством актуализации и развития самосознания матери, помогая женщине осознать свои действия, выстроить обобщенный образ себя и образ диады «ребенок – мать», предвидеть возможные последствия, выбирать наиболее подходящие варианты поведения, спрогнозировать необходимые самоизменения в соответствии с воспитательной стратегией.

В настоящее время наблюдается растущий интерес к изучению особенностей самосознания матерей различных социальных групп, выделенных на основе принципов их этнической и национальной

принадлежности, возрастных особенностей, количества детей, карьерных ориентаций и пр., что свидетельствует об актуальности и практической значимости описываемого явления. Исследования в этой области направлены на выявление связи между особенностями самосознания, спецификой содержательной наполненности его структурных компонентов и поведением матерей, определяющих их отношения с ребенком и ведущие стратегии поведения.

Так, особенности самосознания работающих и неработающих матерей описаны в работе Д. С. Вундер. Установлено, что в когнитивном компоненте самосознания неработающие матери демонстрируют высокую ценность материнства, ребенка и домашних обязанностей, отсутствие потребности в саморазвитии и принятие ребенка таким, какой он есть. В эмоциональном компоненте самосознания неработающие матери проявляют требовательность, ригидность «Я-концепции» и нежелание изменять личные качества. В поведенческом компоненте самосознания неработающие матери определяют отношения с ребенком близкими и доверительными, склонны к сотрудничеству и включенности во взаимодействие с ребенком. В когнитивном компоненте работающие матери демонстрируют дифференциацию «Я», ценность пользы, которую они приносят социуму, приоритет самореализации в социуме. В эмоциональном компоненте работающие матери ощущают свою значимость и считают себя состоявшимися личностями, при этом имеется склонность к осуждению, чрезмерной требовательности и самообвинению [38, с. 110].

Актуальной становится организация исследований, направленных на изучение самосознания матерей различных национальностей. В своей работе О. А. Березина и С. Ю. Жданова отметили отсутствие различий особенностей самосознания матерей русского и татарского этносов, что объясняется процессом естественной ассимиляции на протяжении длительного времени [15]. Исследователи обнаружили, что у матерей русского и татарского этноса уровень самоуважения, аутосимпатии, самопринятия выше, чем в группе

матерей коми-пермяцкого этноса. Матери коми-пермяцкого этноса отличаются более высоким показателем самообвинения, не ожидают положительного отношения и одобрения со стороны окружающих, демонстрируют безразличное отношение к собственной личности и низкие значения самопринятия [15].

А. С. Образцова проводила исследование связи социальных характеристик и самосознания многодетных женщин. В ее работе определено, что на уровень развития элементов самосознания многодетных матерей существенно влияет уровень материального положения, однако такие параметры, как возраст и место проживания, не оказывают воздействия. Было подтверждено, что у многодетных матерей с более высоким уровнем дохода самооценка, самоуважение и самопринятие выше. В эмоциональном компоненте самосознания для многодетных матерей важнее положительное отношение к ним других людей, чем для женщин, имеющих одного ребенка [111].

Описание изменений в психологическом статусе матерей, воспитывающих больных детей, можно встретить в работах отечественных и зарубежных авторов. Так, исследуя особенности самосознания матерей, занимающихся детьми с ограниченными возможностями здоровья (с расстройствами аутистического спектра, с интеллектуальной недостаточностью, с детским церебральным параличом), И. Е. Валитова называет ключевым изменением в структурном звене самосознания «притязания на признание», что проявляется в подвергании сомнению своей значимости в качестве жены, матери и женщины. В отношениях с ребенком в начале болезни создается симбиотическая связь в диаде «мать – ребенок», что влияет на отсутствие дифференциации «Я» и установление материнской идентичности, которая зависит от улучшений здоровья ребенка. А. К. Кингстон добавляет, что особенностью принятия материнской роли у данной группы женщин являются долг перед детьми и цель помочь ребенку [204, с. 89]. Со временем мать начинает дифференцировать болезнь от себя и

личности ребенка, и материнская идентичность приобретает вновь специфическое содержание: «Я – мать особого ребенка и лучшая мать для него» [31, с. 58].

В нашем обзоре считаем важно акцентировать внимание на работах, посвященных исследованию самосознания матерей с деструктивным поведением при выполнении материнской роли. Важной работой для понимания особенностей самосознания выделенной группы женщин является исследование Е. О. Мазурчук, в рамках которого были изучены психологические особенности женщин в период восстановления родительских прав. В результате в самосознании матерей выделенной группы исследователь описал следующие содержательные особенности: когнитивный компонент характеризуется доминирующей ценностью своей личности перед личностью ребенка, по отношению к ребенку проявлено безразличное отношение. Эмоциональному компоненту свойственны доминирующая самооценочность, уверенность. Для поведенческого компонента характерны отсутствие требований к ребенку, непоследовательность, воспитательная конфронтация, несогласованность стратегий воздействия [85, с. 120]. Описанные результаты исследования представляют интерес в описании положительного самоотношения к себе как матери, несмотря на демонстрацию деструктивного поведения при реализации материнской роли.

Ф. Р. Малюкова установила особенности самосознания женщин с рискованным репродуктивным поведением, которое проявляется в неоднократном использовании женщиной операции хирургического аборта в качестве контрацепции. Автор описал, что самосознанию данной группы женщин характерны отсутствие материнской идентичности и значительно меньшее количество идентичностей, которые характеризуют их принадлежность к семейно-ролевым институтам. Данной тенденции сопутствуют враждебное отношение к себе, отсутствие личных границ, травматический характер взаимоотношений между ней и матерью в

предэдипальный период, который характеризовался степенью от «враждебного симбиоза» до «равнодушного, холодного симбиоза» [86, с. 11].

Проведенное исследование демонстрирует, что сам биологический фактор наличия беременности не оказывает воздействие на процесс формирования положительной материнской идентичности и семейных ролей, а в нем участвуют еще социальные и психологические факторы, в том числе, связанные с выстраиванием надежной привязанности со своей матерью.

Т. Н. Разуваева, описывая особенности эмоционального компонента самосознания у несовершеннолетних беременных, отметила, что «все три оси самоотношения, выделенные В. В. Столиным: симпатия – антипатия, уважение – неуважение, близость – отдаленность, являлись деформированными, что приводило к нарушению интегрального самоотношения» [124]. Автор обратила внимание на следующие особенности эмоционально-оценочного компонента Я-концепции несовершеннолетних беременных женщин: высокая антипатия к образу «я – мать» и к плоду; сильная степень несогласия; низкий уровень самопринятия и склонность к самобичеванию; зависимость от позитивного отношения к себе и отсутствие самостоятельности в принятии решения о продолжении беременности [124].

Таким образом, эмоциональный компонент самосознания несовершеннолетних женщин имеет особенности, что может быть обусловлено комплексом социокультурных, психологических и биологических факторов. В рамках социокультурного контекста, стигматизация и социально-неодобрительное отношение относительно подросткового материнства могут создавать атмосферу, в которой у женщин появляется выраженная зависимость от внешних оценок и сравнения со сверстниками. Психологические аспекты, связанные с дистрессом и негативными эмоциями, связанными с неожиданной беременностью, усиливают внутреннюю неуверенность, что влияет на формирование идентичности и самоопределение в период формирования личности и мешает совершать самостоятельный личностный поступок при принятии решения о

сохранении беременности. Биологический фактор может проявляться в наличии изменений тела при беременности, что воздействует на восприятие своего тела.

Резюмируя материалы, представленные в данном параграфе, можно сделать следующие выводы:

1. Самосознание является интегративной характеристикой матери в которой воплощено основное содержание ее личности, определяющее мотивы действий и внутренний смысл тех задач, которые она разрешает, реализуя материнские функции.

2. Являясь сложным структурным образованием, самосознание матери представлено совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных структурных компонентов - когнитивного, эмоционального и поведенческого, уникальная комбинация содержания которых отражает смысловое наполнение концепта материнства, отношение к ребенку и себе как матери, сложившиеся модели материнского поведения.

3. Самосознание матери является динамичным образованием. Достижение высокого уровня развития самосознания характеризуется его качественной перестройкой, обеспечивающей целостность и дифференцированность образа «Я – мать», укрепление ценностей материнства, безусловное принятие ребенка, позитивное отношение к себе как матери (при осознании своих сильных и слабых сторон), гармонизацию моделей поведения в отношениях с собой, с ребенком, с супругом, с другими людьми.

1.3. Насилие как модель поведения матери по отношению к ребенку

На протяжении тысячелетий детско-родительские отношения подвергались изменениям. Ранее власть родителей над детьми была неограниченной, и во многих культурах даже детоубийство было приемлемым способом планирования семьи и избавления от недоношенных, слабых или больных детей. В исторической практике применение угроз, криков, наказаний и физической силы в отношении детей не только не преследовалось, но поддерживалось семьями, социумом и религиозными институтами.

В последние десятилетия в связи с культуральным, общественно-экономическим и политическим развитием общества возникает концепция гуманистической педагогики, которая предполагает отношение к ребенку как личности, с более уважительным отношением к его взглядам, мнению, интересам. В этом контексте активно развивается теория Дж. Боулби, направленная на построение надежной привязанности между ребенком и матерью [192]. Одновременно происходит формирование научного подхода к изучению проблемы насилия в отношении детей.

Несмотря на изменение педагогических методов и общественных регулирующих норм, проблема насилия над детьми, присущая многим эпохам и культурам, остается актуальной и в наше время. Актуальность изучения данной темы определяется тем, что во многих семьях используемые методы поведения не рассматриваются как насильственные, а интерпретируются как строгие меры и обоснованные подходы в формировании дисциплины и получении послушания.

Провести оценку масштабов домашнего насилия в отношении детей сложно, поскольку семьи закрыты для социальных работников и общества, отсутствует информация от правоохранительных органов и медицинских служб, а дети не информированы о том, как защитить себя. Жертвы домашнего

насилия, как правило, могут быть боязливыми, не желают афишировать свои проблемы, сочувствуют преступнику и недоверчивы к правоохранительным органам [34, с. 55]. Особенно сложно выявить начальные стадии этого явления в семьях, пока это явление носит временный характер, а дети, подвергшиеся насилию, не фиксируют его при обращении в какие-либо учреждения.

До настоящего времени понятия психологического и физического насилия в отношении детей не получили четкого определения. Альтернативными терминами, употребляемыми в законодательстве, являются жестокое обращение, истязание, побои, оскорбления. Вышеизложенное требует определения понятий, установления четких границ, обозначения способов, причин применения и последствий психологического и физического насилия.

При ретроспективном рассмотрении процесса взаимодействия в семьях можно констатировать лояльное отношение к применению жестокости по отношению к ребенку в разных исторических эпохах.

В статье А. Е. Щегловой «Использование поощрений и наказаний в воспитании детей в древности и средневековье» отражена эволюция отношения к детям: «Иерархическая структура общины влияла на суровые методы воспитания, такие как бичевание, порка и приковывание ног детей цепями. Суровость нравов утверждали и великие мыслители, такие как Платон (427–347 гг. до н. э.), который считал отсутствие наказания испорченностью, и Аристотель (384–322 гг. до н. э.), который считал, что, если человек недостоин, его следует как можно быстрее исправить любыми возможными способами, включая порку» [182, с. 149].

В своей книге «I'm Ok, you're Ok» психолог Э. Харрис Томас приводит сведения, что провинившихся детей могли передавать старейшинам, которым позволялось побить ребенка камнями до смерти [204].

С. В. Ардашева, освещая устои в Древней Греции и Риме в добиблейские времена, повествует, что ребенка могли принести в ритуальную жертву, сжечь. Кроме того, дети становились изгоями общества, если у них обнаруживался

какой-либо изъян, а матери не имели какого-либо права на защиту своего потомства [122].

Согласно информации, приведенной А. Е. Щегловой, можно отметить, что в Средневековье несколько сместился акцент в подходе к развитию ребенка, когда послушание было возведено в степень главной добродетели, для обеспечения которого основным приемом выступали телесные наказания [182, с. 150]. При этом постепенно вводятся критерии обоснованности и необоснованности наказания, а также рассматривается соизмеримость наказания с проступком.

И. С. Кон приводит сведения, что наиболее разработанная система телесных наказаний детей существовала на территории Англии и была актуальна на протяжении столетий [76, с. 39]. Законодательно телесные наказания в школах Великобритании были окончательно запрещены только в 2003 году [43, с.67].

Интересным представляется факт того, что и духовенство внесло значительный вклад в обоснование суровых методов воздействия и отношение к ребенку как к объекту. За малейшую провинность детей подвергали избиениям с целью «изгнать дьявола», называя их при этом одержимыми. Ребенок мог рассматриваться с точки зрения нежелательного результата половых отношений, при этом бремя первородного греха лежало именно на младенце. Согласно библейскому мифу, дети даже состояли в числе участников Детского крестового похода в 1213 году, который характеризовался высокой смертностью, и только немногие из них смогли вернуться живыми [42, с.15].

Только в период Возрождения можно наблюдать позитивные изменения в отношениях между родителями и детьми, которые проявились в отказе от применения наказаний, эмоций страха и методов принуждения. Постепенно ребенка стали рассматривать как личность, занимались его образованием, появились альтернативные методы воздействия.

Однако несмотря на позитивные изменения, произошедшие в этом временном интервале, сохранялось неравенство по отношению к детям. По данным ООН, до середины 1800-х годов во многих странах дети являлись движимостью родителей, их собственностью, а значит, их жизнь и смерть находились в руках отца и матери [154].

Началом целенаправленных исследований в области насилия над детьми можно считать действия американского исследователя Г. Кемпе в начале 1950-х годов, организовавшего первую междисциплинарную конференцию.

В России эта проблема стала освещаться по инициативе женских НПО. Благодаря женскому движению в России, как и в других странах, были созданы первые социальные службы, целью функционирования которых являются профилактика, предупреждение и противодействие любому проявлению домашнего насилия [178, с. 171].

Сложность ситуации усугубляется использованием разнородной терминологии. В рамках исследования насилия над детьми часто применяют термин «жестокое обращение с детьми».

Л. С. Алексеевой изложены правовые аспекты исследуемого явления: Термин «жестокое обращение с детьми» как конкретное юридическое понятие впервые появился в 1968 году в «Кодексе о браке и семье» Российской Советской Федеративной Социалистической Республики. Хотя жестокое обращение с детьми было включено в число оснований для лишения родительских прав, содержание понятия не разъяснялось: в 1979 и 1998 годах в постановлениях Пленума Верховного суда было указано, что жестокое обращение с детьми – это насильственные действия, нарушающие права ребенка, но еще не подлежащие уголовному наказанию» [4].

Дополнительным понятием, используемым в данном контексте, является термин «истязание». Под ним понимается причинение физических или психических страданий посредством пыток, систематических избиений или других актов насилия. Организованное жестокое обращение с детьми уже подлежит уголовному наказанию. В таких случаях несовершеннолетний

возраст жертвы усугубляет ответственность родителя, жестоко обращающегося с ребенком [37, с. 65]. Следует также отметить, что ситуация осложняется еще и тем, что в научной литературе нет единого определения понятия «насилие над детьми в семье», а большинство определений имеют широкий спектр. В связи с этим Т. Ю. Сафонова предлагает следующее определение: «Насилие над ребенком – это ситуация, при которой в результате действия или бездействия родителей, их представителей или других взрослых нарушается здоровье или благополучие ребенка либо создается ситуация, препятствующая оптимальному физическому или психическому развитию ребенка и нарушающая его права и свободы» [141, с. 58]. Некоторые авторы, такие как Н. О. Зиновьева и Н. М. Михайлова, характеризуют насилие как действие, наносящее ребенку психологическую травму; Д. Гил определяет его как «действие, препятствующее ребенку реализовать свой физический и психологический потенциал» [61; 200].

Согласно Конвенции о правах ребенка (часть I, статья 19: «Защита от жестокого и пренебрежительного обращения») «дети не должны подвергаться никакой форме физического или психического насилия, телесного наказания, физической боли, злоупотребления, пренебрежения или жестокого обращения» [78]. Под оскорблениями понимаются: унижение чести или достоинства другого лица; общая негативная оценка лица с целью его дискредитации; подрыв авторитета лица как в глазах других лиц, так и в собственных глазах; использование оскорбительных выражений или нецензурных выражений, которые могут повлечь административную ответственность (КоАП РФ «Оскорбления», ст. 5,61) [73]. В настоящее время складывается судебная практика об административной ответственности за оскорбления в SMS-сообщениях, голосовых чатах и социальных сетях, а также за использование слов «недобрый» и «животное».

До настоящего времени к насильственным действиям родители относят только те методы, которые причиняют тяжкий или средней тяжести вред здоровью, совершаются с особой жестокостью, мучениями или

издевательством, на которые накладываются административные или уголовные санкции. Однако семьи не осведомлены, что насилие может проявляться в различных формах, и даже в случае отсутствия юридической ответственности многие методы относятся к насильственным. Для более глубокого понимания данной темы необходимо рассмотреть различные типы насилия и их амплитуду.

Типология насилия весьма обширно и многообразно представлена отечественными и зарубежными исследователями. Например, в работе Д. Галтунга классификация насилия включает два основных вида: «прямое насилие» и «структурное насилие». Прямое насилие характеризуется непосредственным воздействием субъекта на объект (убийство, телесные повреждения, изгнание и т. д.). Структурное насилие представляет создание определенных условий (структуры), которые ущемляют потребности и интересы человека (например, отсутствие возможности удовлетворить базовые потребности ребенка в пище или обучении) [40, с. 37].

При изучении литературы отмечено, что типология насилия на основе его видов является наиболее распространенным подходом среди исследователей, занимающихся проблемой насилия в детско-родительских отношениях. Остановимся на рассмотрении физического и психологического видов насилия по отношению к ребенку.

В работе И. А. Фурманова представлено следующее определение физического насилия: «это насильственные и другие умышленные незаконные и запрещенные человеческие действия, например надругательства, наказания, которые причиняют ребенку физические или душевные страдания, а также наносят ущерб его развитию и жизнедеятельности» [165, с. 87].

Близкое определение физического насилия дают Н. О. Зиновьева и Н. Ф. Михайлова: «Физическое насилие – это вид отношения к ребенку, когда он умышленно ставится в физически и психически уязвимое положение, когда ему умышленно причиняют телесное повреждение или не предотвращают возможность его причинения» [61, с. 21].

В отличие от определений, приведенных выше, Е.Н. Волкова под физическим насилием понимает преднамеренное нанесение ребенку физических травм и/или телесных повреждений, которые причиняют ущерб здоровью ребенка, нарушают его развитие и/или лишают жизни [37, с.6].

Считаем важным отметить, что в ст. 6.1.1 «Побои» Кодекса административных правонарушений любое действие (удар, шлепок, пощечина, пинок, подзатыльник), причинившее ребенку физическую боль, даже однократное, трактуется как физическое насилие, несмотря на отсутствие последствий и уголовного наказания [73].

Следует отметить, что в Российской Федерации реализация таких мер, как наказания за физическое воздействие на ребенка, является на практике сложно осуществимой. В отличие от Великобритании и США, где существуют законодательные нормы, регулирующие родительскую ответственность даже за применение низкой амплитуды психологического и физического насилия по отношению к ребенку, в России до настоящего времени семьи не всегда осознают, что физическое и психологическое воздействие на ребенка, в том числе шлепок по ягодицам, крик, игнорирование, может рассматриваться как насилие и подлежать наказанию.

Кроме того, по данным ООН, до сих пор во многих государствах законы отсутствуют или недостаточны в отношении применения форм насилия, не содержащих уголовно наказуемого деяния. Например, в соответствии с Глобальной инициативой по искоренению всех форм телесных наказаний детей законы, действующие в настоящее время, не полностью запрещают телесные наказания в тех или иных проявлениях в 26 государствах (данные 2012 года), а в 41 государстве телесные наказания (битье указкой, порка, шлепки) являются законными в качестве наказания за преступления в соответствии с государственной, религиозной и/или традиционной системой правосудия [203].

В международном опроснике ICAST-P, который составлен в 2006 году при поддержке международного общества по предотвращению насилия и

жестокости обращения с детьми (ISPCAN), специалисты более 30 стран определили 3 уровня насилия: низкий, средний и высокий. Выделены следующие способы физического насилия: тряска ребенка; ударять по ягодицам или где-либо еще с помощью предмета (веник, палка, розги, ремень); шлепать по попе рукой; скручивать ухо; ударять по голове костяшкой или задней стороной руки; тянуть за волосы; пинать ногой и др.

При изучении научной литературы по проблеме психологического насилия по отношению к ребенку мы обратили внимание на отсутствие единообразного подхода к пониманию явления.

Некоторые авторы, например, Н. О. Зиновьева и Н. М. Михайлова, характеризуют психологическое насилие действиями, наносящими ребенку психическую травму [61, с. 71]. М.Л. Галицкий расширяет определение психологического воздействия на ребенка, в котором не только видит риск развития психологической травмы, но и включает описание методов – угрозы, оскорбления, психологическое преследование, домогательства [41]. А. Б. Орлов указывает, что именно на основе психологического возникает физическое и сексуальное насилие [114, с. 184]. Е.Н. Волкова, помимо описания способов учитывает частоту применения воздействия и понимает под «...психологическим насилием хронические паттерны поведения, постоянно повторяющиеся унижения, оскорбления, издевательства или терроризирования (угрозы, подвергание опасностям), высмеивания ребенка» [37, с. 20].

В качестве альтернативных терминов психологического насилия широко используются понятия эмоционального, вербального и психического насилия. При этом Д. И. Лоханева и Н. В. Скоробогатова выделяют психологическое и эмоциональное насилие в качестве отдельных объектов изучения, определяя эмоциональное насилие по направленности на эмоциональную сферу человека, а вербальное насилие по способу нанесения травмы, в то время как другие (В. С. Баранова, А. И. Косенкова) отождествляют их. Необходимо отметить, что ряд ученых отождествляют

психологическое насилие с психическим. Так, в соответствии с определением Н. Ю. Синягиной «психическое насилие представляет собой периодическое, продолжительное или постоянное психологическое воздействие родителями, приводящее к возникновению у ребенка патологических черт характера или замедлению его личностного роста» [145, с. 10]. Значимым признаком психического насилия является осуществление действий помимо воли потерпевшего [185, с. 213].

Существуют разнообразные подходы в психологии к определению способов, которыми проявляется психологическое насилие. Международная методика ICAST-P описывает следующие действия: «угрожать оставить или бросить; кричать; угрожать вызвать привидений, злых духов или вредных людей; проклинать; угрожать выгнать из дома или куда-нибудь отправить; не пускать домой; отбирать привилегии или деньги, запрещать что-либо, что ребенок любил; оскорблять, называя ребенка глупым, ленивым или как-либо похоже; отказ разговаривать на какое-то время; запирасть в комнате; использовать унижение при окружающих, чтобы ребенок сделал так, как нужно» [71, с. 374].

Интересным дополнением в работе Н. Ю. Синягиной являются такие способы, как ложь и невыполнение взрослыми обещаний, а также доведение до самоубийства. Наконец, отдельной новой формой жестокости ученый называет торговлю детьми [145]. М. В. Смагина помимо лжи выделяет «поднятие на смех мировоззрения» и манипуляции [146, с. 104].

Отдельно выделим классификацию тяжести жестокого обращения с детьми, представленную в работе зарубежных исследователей К. Д. Брауна и М. Герберт. Ученые определяют, что психологическое насилие «варьируется от менее тяжелых (редкие словесные оскорбления, унижение, нездоровая атмосфера в семье, обвинения) до форм, представляющих угрозу жизни ребенка (отказ от воспитания, лишение еды и питья, принудительная изоляция и ограничение передвижения, запугивание, проживание с родителями, имеющими неконтролируемые психические расстройства)» [194, с. 91].

Привлекает внимание в аспекте проблематики нашего исследования работа Ю. В. Мигуновой, которая указывает на невосприимчивость родителями психологических форм жестокости как насилия по своей сути [92]. Например, крик не расценивается родителями как насильственный метод, при том, что он является наиболее распространенным способом психологического насилия в семьях.

Н. Колдаева выделяет характерные особенности применения крика в детско-родительских отношениях:

1. В детстве влияет на возникновение психологической травмы, в подростковом возрасте может возникнуть глубокая депрессия и отсутствие доверия даже в опасных ситуациях.

2. Крик демонстрирует беспомощность родителей. Психологически устойчивый человек с высоким уровнем эмоционального интеллекта не будет срываться на ребенка.

3. Крик не формирует искреннее желание признать ошибки и извиниться, а вызывает у ребенка чувство обиды и беспомощности.

4. Крик вызывает агрессивное поведение. В связи с тем, что кричать или бить родителя в ответ дети не смогут из-за более низкого статуса в семье, им приходится включать защитный механизм «замещение», который проявляется в драках на детских площадках, в школе с одноклассниками и унижении учителей.

5. Крик физически вредит здоровью ребенка. У ребенка, на которого кричат, ухудшается работа мозга, сердечно-сосудистой системы, может появиться ожирение и измениться структура детского мозга [75].

Отдельно выделим классификацию тяжести последствий жестокого обращения с детьми, представленную в работе зарубежных исследователей К. Д. Брауна и М. Герберт [193, с. 78]. Их концепция подчеркивает взаимосвязь между степенью жестокости мер и уровнем последствий. Согласно их позиции, чем более жесткими и строгими являются меры

воздействия, тем более серьезными могут являться результаты таких действий.

О том, что насильственные действия могут способствовать возникновению психосоматических заболеваний, пишет Т. Д. Чермашенцева [172]. В частности:

1. Сказываться на функционировании мозга, когнитивном развитии, а также на работе нервной, эндокринной, кровеносной, скелетно-мышечной, репродуктивной, дыхательной и иммунной систем.

2. Приводить к негативному реагированию на стресс и поведению, представляющему риск для здоровья. Дети, подвергающиеся насилию, с гораздо большей вероятностью курят, злоупотребляют алкоголем, употребляют наркотики и имеют сексуальные отношения высокого риска.

3. Приводить в течение жизни к незапланированной беременности, искусственным абортam, гинекологическим проблемам и инфекциям, передаваемым половым путем, включая ВИЧ.

Е. И. Холостова акцентирует внимание на развитии психических нарушений, проявляющихся стрессом, депрессиями, тревожными расстройствами или даже попытками самоубийства [171].

В исследовании Н. А. Галлямова отмечено, что у ребенка, который был подвержен насилию, могут наблюдаться следующие физические эффекты: задержка физического и речевого развития; нарушение сна и аппетита.

Среди психологических последствий автор выделяет: притупление чувств, конфликтность, чувство страха и тревоги, вспышки гнева, неуверенность в себе, чувство вины, отсутствие эмпатии, заниженную самооценку и др. [42, с. 16].

В качестве психологических последствий отмечаются возможность вторичного насилия, препятствие развитию самостоятельности и отсутствие стимула для инициативы, сложности в социализации, низкий уровень адаптации [187, с. 86].

Поведение может колебаться от активного непослушания до чрезмерной пассивности. В результате происходит формирование незрелых, инфантильных, закомплексованных людей [170, с. 121]. В этом аспекте следует выделить результаты исследования Н. О. Зиновьевой и Н. Ф. Михайловой, которые доказывают, что дети, подвергшиеся психологическому насилию, быстро теряют мотивацию и гордость и больше не хотят чувствовать грусть, радость, успех, наблюдать, им необходимо почувствовать доброту и тепло родных [61, с. 15].

Е. Т. Соколова констатирует, что негативные установки взрослых, эмоциональная депривация, манипуляции, угрозы, унижения, желание подчинить ребенка воспитательному процессу, который определяется индивидуально в каждой семье, заставляют ребенка отказаться от своих потребностей и подчиниться ожиданиям родителей. Эти факторы могут приводить к формированию аномалий личности и снижению самооценки [148].

Известный американский исследователь и ученый Дж. Боулби ввел термин «патогенное родительское воспитание». Автор считал, что мир для детей, подвергающихся насилию со стороны родителей, «навсегда останется опасным, двусмысленным и неопределенным» [21, с. 82].

Для изменения тенденции применения насилия в отношении детей необходимо ознакомиться с причинами, которые лежат в основе формирования строгих и жестоких стереотипных паттернов поведения родителей.

Исследование И. А. Алексеевой и И. Г. Новосельского отражает основные подходы, которые используются для объяснения причин насилия над детьми:

1. Медико-психологический. Согласно этому подходу, оценка осуществляется на основе учета личностных особенностей индивида, его семейной истории.

2. Социологический подход. Данному подходу свойственен учет факторов, являющихся экономическими и социальными (например, уровень безработицы, количество детей и др.).

3. Ситуационный подход. Этому подходу свойственен учет особенностей поведенческих характеристик ребенка с субъектами постоянного контакта [3].

Н. О. Зиновьева и Н. Ф. Михайлова выделяют ряд факторов риска насилия по отношению к ребенку, которые могут быть связаны с:

- семейными особенностями (например, низкий материальный уровень жизни, многодетные семьи с асоциальным образом жизни и др.);
- состоянием здоровья родителей (например, алкоголизм, умственная отсталость, психиатрические заболевания);
- личностными особенностями родителей (например, агрессивность, сниженный уровень самоконтроля, неуверенность и неадекватная самооценка, нереалистично высокие ожидания от ребенка);
- особенностями ребенка (гиперактивность, психические и физические отклонения, нежелательность) [61, с. 18].

К. С. Пиарс и Д. М. Капальди отмечали, что родители, не имеющие возможности наблюдать за моделями справедливого, здорового и гармоничного воспитания детей, чаще прибегают к насильственным формам общения в своей семье [212]. Дополнительно фактором использования насильственного стиля воздействия может выступать отсутствие позитивных дисциплинарных стратегий у матерей [204].

Стоит отметить, что насилие может происходить непрерывно из поколения в поколение [43, с. 71]. В то время как одни эксперты указывают на генетику, другие придерживаются мнения, что наличие психологического и физического насилия в семье влияет на формирование у детей приверженности к применению насилия, которое рассматривается как приемлемое поведение [43, с. 76].

В будущем агрессия и манипуляции могут быть направлены в отношении своих близких: сначала в отношении своих партнеров, а затем – детей. Большинство людей не склонны признавать себя насильниками или жертвами, а характерные действия могут быть отнесены к разовым бытовым семейным конфликтам [63].

Теория социального обучения канадского и американского психолога А. Бандуры позволяет понять цикличность насильственного общения в семьях. Согласно его мнению, любая форма насилия – это усвоенное поведение, которое передается от родителей к ребенку. Родители, подвергшиеся насилию в детском периоде, узнают, что такой стиль воздействия – это успешный и результативный способ удовлетворения своих потребностей (послушание собственных детей) [189].

Таким образом, проведенный теоретический анализ позволяет сделать ряд выводов:

1. Проблема моделей поведения матери по отношению к ребенку и оценка их как нормативных или насильственных находится в фокусе внимания ученых с давних времен, получая в различные исторические эпохи крайне полярные оценки – от одобрения применения жестокости по отношению к ребенку до его полного неприятия и осуждения.

2. При существовании множества видов насилия и широкого спектра способов его применения, современные психологи единодушно указывают на неблагоприятные последствия применения матерью любого вида насилия по отношению к ребенку, которые чаще всего проявляются в личностной деформации, понижении когнитивных функций, проблемах соматического плана, повышенной агрессивности и импульсивности, низкой самооценке, эмоциональной депривации и др.

3. Спектр причин применения матерью насилия по отношению к ребенку весьма разнообразен, однако эти причины часто обусловлены либо личностными особенностями матери (агрессивность, низкая самооценка, тревожность, нереалистично высокие ожидания от ребенка и др.); либо

характером ее отношений с близким кругом (негативные сценарии воспитания в родительской семье, конфликтный характер отношений с супругом); либо наличием экономических, социальных, медицинских причин и пр.

4. При достаточно полном описании видов и способов насилия, их причин и последствий для ребенка, в научной литературе не существует единого определения понятия «насилие». Обобщая описанные в настоящем параграфе материалы, можно выделить наиболее существенные характеристики насилия матери по отношению к ребенку – модель поведения, отражающая систематическое (устойчивое) преднамеренное физическое или психологическое воздействие матери на ребенка, причиняющее ему психические и/или физические страдания и/или имеющее негативные последствия для его развития. В отличие от ненасильственного воздействия, например, в случае недостаточной мотивации, неразвитой произвольности поведения, которое обеспечивает удовлетворение важных потребностей ребенка, насилие имеет целью установление власти над ребенком и/или удовлетворение матерью своих потребностей.

Выводы по первой главе

Среди всего многообразия социокультурных институтов институт материнства выделяется своим превосходящим воздействием на формирование личности ребенка. Тот факт, что материнство является важнейшей детерминантой духовного и личностного развития ребенка сомнений не вызывает, вместе с тем, сегодня все чаще научное сообщество обращается к изучению материнства как психологического конструкта, отражающего специфику личностной сферы женщины.

Смысловое наполнение материнства и предпосылки эффективности реализации материнских функций складываются в онтогенезе под влиянием множества факторов (В. С. Мухина, Р. В. Овчарова, Г. Г. Филиппова, М. Ю. Чибисова, Т. В. Леус), совокупность которых отражена в самосознании матери как интегральной характеристике ее личности, способствующей принятию материнской роли, выбору стратегий и моделей поведения, созданию эмоциональных взаимоотношений с ребенком (Н. Н. Васягина).

В современном научном дискурсе прослеживается растущий интерес к исследованию характеристик самосознания матерей, неэффективно реализующих родительские функции (Е. Н. Григорян, Е. О. Мазурчук, Ф. Р. Малюкова). Одной из распространенных форм деструктивного поведения матери является применение психологического и физического насилия.

Насилие представляет собой устойчивую модель поведения матери по отношению к ребенку, которая проявляется в систематическом и преднамеренном физическом или психологическом воздействии на ребенка, причиняющим ему психические и/или физические страдания и/или имеющим негативные последствия для его развития.

Рассмотренные в настоящей главе материалы составляют теоретическую базу исследования особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, как основания для понимания внутреннего контекста такой модели поведения, а также возможностей раннего прогнозирования и нивелирования проявления матерью насилия по отношению к ребенку.

ГЛАВА 2. ЭМПИРИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ ОСОБЕННОСТЕЙ САМОСОЗНАНИЯ МАТЕРЕЙ, ПРИМЕНЯЮЩИХ НАСИЛИЕ ПО ОТНОШЕНИЮ К РЕБЕНКУ

2.1. Организация и методы исследования

В соответствии с теоретическими положениями, представленными в предыдущей главе, нами было проведено эмпирическое исследование особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку. В исследовании приняли участие 423 женщины, имеющие детей дошкольного и младшего школьного возраста. Выборка формировалась методом случайного выбора в Тюменской и Свердловской областях. Группа респондентов гомогенная по полу, гетерогенная по территориальной принадлежности. Возраст респондентов – 23-45 лет, средний возраст рождения ребенка – 27,5 лет.

Эмпирическое исследование реализовывалось в три этапа.

На первом этапе было проведено пилотажное исследование с целью выявления распространенности применения насилия матерями по отношению к ребенку и его видов, детализации способов применяемого насилия, описания психологического портрета личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

На втором этапе изучалась содержательная наполненность когнитивного, эмоционального и поведенческого компонентов самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку в сравнении с аналогичными параметрами самосознания матерей, не применяющих насилие; были определены маркеры насилия, представленные в самосознании матерей,

верифицирована типология личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

На третьем этапе изучалось влияние гармонизации самосознания матери на возможность нивелировать насилие по отношению к ребенку

В соответствии с теоретико-методологическими основаниями, обозначенными объектом и предметом исследования, поставленными целями и задачами, возможностями и ограничениями методик, условиями и возможностями проведения исследования для изучения самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, нами были использованы методики (таблица 1), содержание которых раскрыто в тексте настоящего параграфа.

Таблица 1.

Методики и параметры изучения уровня насилия, самосознания и содержательных характеристик самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку

№ п/п	Название и автор методики	Исследуемые переменные
Стилевые особенности и поведенческие характеристики насилия по отношению к ребенку		
1	Международный опросник ICAST-P М. Дунна, Б. Макфарлэна, Д. Раньяна (в адаптации Е.Н. Волковой)	1. Проявление психологического насилия. 2. Проявление физического насилия
Когнитивный компонент самосознания		
2	Сочинение «Я – мама», Н. Н. Васягина	1. <i>Представления о материнстве и себе в роли матер:</i> 1.1. Представление о ценностях и целях материнства. 1.2. Временная ориентация (прошлое–настоящее–будущее). 1.3. Основные индивидуально–личностные качества матери (одобряемые- неодобряемые). 1.4. Предпочтения и интересы матери (семейные–внесемейные). 1.5. Представление о проблемах и трудностях материнства (внешние-внутренние-необходимость в развитии). 2. <i>Представления женщины о реализации воспитательной деятельности:</i> 2.1. Представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах.

		<p>2.2.Представление матери о стилевых особенностях воспитательной деятельности (Поощрение-наказание-как меня воспитывали).</p> <p>2.3.Представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности (гибкость- ригидность).</p> <p>2.4.Представление об эффективности системы воспитания (эффективное- неэффективное).</p>
3	Опросник «Уровень субъектности матери» (УСМ) Н. В. Васягиной, К. В. Гуляевой	Шкала «Когнитивный компонент самосознания»
Эмоциональный компонент самосознания		
4	Методика самоотношения (МИС), В. В. Столин, С. Р. Пантеев	<ol style="list-style-type: none"> 1) закрытость; 2) самоуверенность; 3) саморуководство; 4) зеркальное «Я»; 5) самооценочность; 6) самопринятие; 7) самопривязанность; 8) конфликтность; 9) самообвинение; 10) самоуважение; 11) аутосимпатия; 12) внутренняя неустроенность
5	Сочинение «Я – мама», Н. Н. Васягина	<ol style="list-style-type: none"> 1. Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия. 2. Представление матери об ее отношении к ребенку (принятие-отвержение-амбивалентное). 3. Представление матери об отношении ребенка к ней (позитивное-негативное-амбивалентное). 4. Представление о степени эмоциональной дифференцированности и вовлеченности матери в процесс воспитания ребенка (принятие-дефицит переживаний). 5. Представление матери о симметричности эмоциональных отношений (взаимность – не взаимность).
6	Опросник «Уровень субъектности матери» (УСМ) Н. В. Васягиной, К. В. Гуляевой	Шкала «Эмоциональный компонент самосознания»
Поведенческий компонент самосознания		
7	«Взаимодействие родитель – ребенок» (И. М. Марковская)	<ol style="list-style-type: none"> 1) нетребовательность – требовательность; 2) мягкость – строгость; 3) автономность – контроль; 4) эмоциональная дистанция – близость; 5) отвержение – принятие ребенка родителем; 6) отсутствие сотрудничества – сотрудничество; 7) тревожность за ребенка; 8) непоследовательность – последовательность; 9) воспитательная конфронтация; 10) удовлетворенность отношениями с ребенком

8	Опросник «Уровень субъектности матери» (УСМ) Н. В. Васягиной, К. В. Гуляевой	Шкала «Поведенческий компонент самосознания»
---	--	--

Остановимся на описании перечисленных методик.

Международный опросник ICAST-P (в адаптации Е.Н. Волковой).

Опросник ICAST-P предназначен для оценки поведения родителей и разработан в 2006г. сотрудниками Австралийского университета (г. Брисбан) и Университета штата Колорадо под руководством профессоров Б. Макфарлэна (B. Macfarlane), Д. Раньяна (D. Runyan) и М. Дунна (M. P. Dunne). Адаптация методики для российской выборки произведена Е.Н. Волковой с учетом всех психометрических требований, предъявляемым к процедуре, что подтверждается опубликованными сведениями о ее валидности и надежности [43, с. 79]. Преимуществом предлагаемой методики является то, что она различает виды жестокого обращения, в отличие от российских методик, которые могут косвенно диагностировать жестокое обращение и использование жестокого обращения с детьми (Тест-опросник родительских установок (А. Я. Варга), «Взаимодействие родителя и ребенка» (И. М. Марковская), «Исследование типов семейных нравов» (Э. Г. Эйдемиллер), «Измерение родительских установок и реакций (PARY)), опросник ICAST-P позволяет диагностировать «частоту, выраженность и вид применения непосредственно насильственных действий по отношению к детям» [43, с. 79].

Сочинение «Я – мама» Н. Н. Васягиной.

Указанная методика разработана на основе модификации методики О. А. Карабановой «Родительское сочинение» и позволяет зафиксировать представления о себе в роли матери, воспитательной деятельности и эмоциональных отношениях в семье за счет частоты встречаемости переменных и интерпретации содержательных аспектов сочинения [31]. Преимуществом предлагаемой методики является свободная форма

изложения. Женщины не просто отвечают на структурированные вопросы, а пишут эссе, что позволяет им озвучить все свои мысли и эмоции о реализации материнской роли. Помимо изучения содержательных характеристик каждого параметра, методика позволяет получить дополнительную характеристику респондентов за счет объема и структуры сочинения, характера выражения своих чувств, мыслей и переживаний, уровня рефлексивного анализа.

Методика самоотношения (МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева.

Данный опросник построен в соответствии с разработанной В. В. Столиным иерархической моделью структуры самоотношения, состоящей из симпатии, уважения и близости, и диагностирует выраженность компонентов «отношения к себе: закрытость, самоуверенность, саморуководство, зеркальное «Я», самооценку, самопринятие, самопривязанность, внутренняя конфликтность, самообвинение» [153, с. 111]. Преимуществом методики является возможность выявить истинное отношение к себе как к личности, несмотря на применяемые насильственные методы воздействия, а также определить внутриличностные конфликты, защитные механизмы, уровень рефлексии и внутренней честности.

Опросник «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской.

С помощью методики было оценено качество взаимоотношений между матерью и ребенком [87, с. 65]. Преимуществом методики является возможность зафиксировать, считают ли матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, свои методы строгими, дистанцированными, непоследовательными, требовательными или определяют их мягкими и удовлетворительными. Данный опросник позволяет изучить характер применяемых мер и моделей поведения матерей без дифференцированного разделения на типы насилия.

Опросник «Уровень субъектности матери» (УСМ) Н. Н. Васягиной, К. В. Гуляевой.

Методика дала возможность объединить обширные характеристики когнитивного, эмоционального и поведенческого компонента самосознания в

3 уровня самосознания: низкий – средний – высокий. Опросник характеризует женщин каждого уровня самосознания в соответствии с дифференцированностью образа «Я – мать», прогнозированием поведения других людей, открытостью к новому опыту, стремлением к развитию, разнообразием поведенческого репертуара, сформированностью родительской компетенции, оценкой причин эмоционального состояния ребенка, наличием эмоциональной близости и доверия, иерархией ценностей, способом реагирования на конфликтные ситуации [32]. Преимуществом предлагаемой методики является возможность соотнести степень применяемого насилия с уровнем самосознания женщины и выявить их взаимосвязь.

На основе объединения всех показателей методик, которые описаны выше, были получены 59 переменных. Данные переменные описывают уровень насилия, компоненты и уровень самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку. С учетом логики и задач исследования, направленных на проверку выдвинутых гипотез и основываясь на данных описательной статистики были определены **методы математико-статистического анализа**, а именно:

1. Z-критерий Колмогорова-Смирнова: можно определить, что распределение переменной отклоняется от нормального распределения; если $p > 0,05$, то принимается, что распределение близко к нормальному. Поскольку большинство из 59 изученных переменных обладают распределением, отклоняющимся от нормального, в данном исследовании является релевантным использование непараметрических методов статистического анализа.

2. U-Критерий Манна-Уитни, который применялся для анализа выраженности показателей в двух независимых выборках: матери, которые применяли и не применяли насилие по отношению к ребенку. Также с помощью U-критерия были изучены различия в экспериментальной и

контрольной группах женщин, кто принимал участие в реализации программы гармонизации самосознания и не принимал.

3. Хи-квадрат Пирсона, который позволил оценить статистическую значимость различий более двух относительных показателей. Непараметрический метод позволил изучить различия между респондентами, кто применяет и не применяет насилие, по основным шкалам в зависимости от психологических и демографических характеристик.

4. Т-критерий Вилконсона был применен для оценки эффективности внедрения программы гармонизации самосознания матери, что позволяет сопоставить показатели, полученных в разных условиях на одной выборке, а также выявить направленность, степень выраженности и достоверность различий между участвующими и не участвующими в программе женщин, разделенными на экспериментальную и контрольную группы.

5. Факторный анализ позволил выявить определенное количество факторов. Факторный анализ был применен для сжатия исходной информации с целью сокращения числа переменных при изучении содержательного наполнения самосознания. Данный метод анализа представляет собой инструмент в рамках многомерной математической статистики, где отличие эмпирического распределения выборки от нормального не имеет значения.

6. Кластерный анализ (метод Уорда) использовался для выделения типов матерей на основе самосознания, применяющих насилие. Данная многомерная статистическая процедура имеет тенденцию к созданию сравнительно однородных равных размеров групп и представляет собой способ графического представления материала.

7. Дискриминантный анализ (статистика Лямбда Уилкса) позволил описать прогностическую модель для выявления принадлежности к группе матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

Для того чтобы упорядочить и провести сортировку данных, были использованы возможности электронных таблиц Microsoft Excel, для

количественной обработки данных был применен пакет прикладных статистических программ Statistica ver 10.

Таким образом, подобранные для исследования методики являются надежными и валидными процедурами и позволяют детально изучить предмет нашего исследования.

2.2. Исследование специфики применения матерью психологического и физического насилия по отношению к ребенку

На первом этапе исследования для оценки распространенности применения матерями насилия по отношению к ребенку, фиксации его видов и способы, определения преобладающих уровней психологического и физического насилия у респондентов, был применен опросник ICAS-T-P. Данные, отражающие частоту применения матерями насилия по отношению к ребенку в выборке представлены в таблице 2.

Таблица 2.

Частота применения матерями насилия по отношению к ребенку

Частота	Количество в выборке	
	Чел.	%
Очень часто (постоянно)	124	29.3
Периодически	93	22.0
Эпизодически	91	21.5
Однократно	61	14.4
Ни разу	54	12.8

На основании полученных данных было зафиксировано, что 87,2% опрошенных женщин хотя бы однократно применяли один из способов

насилия по отношению к ребенку, а для практически половины матерей (51,6%) насилие является типичной моделью поведения по отношению к ребенку и лишь 12,8% матерей не применяют насилие по отношению к ребенку.

Рисунок 3. Частота встречаемости видов и способов насилия (%)

Мы рассмотрели частоту встречаемости насилия, обратимся теперь к рассмотрению наиболее типичных способов психологического и физического насилия, применяемых матерями по отношению к ребенку (рисунок 3).

Из представленных на рисунке данных видно, что в целом по выборке частота применения матерями психологического насилия существенно преобладает над частотой применения физического. Интересно также отметить, что, если каждый из способов психологического насилия в той или

иной степени применяется матерями, то в репертуаре физического представлены далеко не все способы.

Среди способов физического насилия наиболее часто используются такие, как: «Тряска» (32,6%), «Шлепки по попе голой рукой» (30%), «Щипки» (18,4%), «Скручивание уха» (17%), «Бить по лицу или затылку» (16,3%), «Удары по ягодицам с помощью предмета, такого как палка, веник, розги или ремень» (15,8%).

Нехарактерными способами наказания для нашей выборки являются: «Класть перец чили, острый перец или острую еду в рот (чтобы вызвать боль)», «Угрозы ножом или пистолетом», «Давать своему ребенку наркотики или алкоголь с целью изменения его поведения».

Среди способов психологического насилия часто используемыми являются следующие: «Крик» (70,4%), «Оскорбления» (31,2%), «Угрозы оставить или бросить» (29,1%), «Игнорирование» (23,9%), «Угрозы вызвать привидений, злых духов или вредных людей» (18,2%), «Унижение при окружающих» (11,8%), «Лишение привилегий» (11,3%), «Лишение свободы передвижения» (10,9%).

Дальнейший анализ полученных данных позволил определить характерные для выборки уровни психологического и физического и насилия по отношению к ребенку (таблица 3).

Таблица 3.

Представленность уровней психологического и физического и насилия по отношению к ребенку

Уровень	Психологическое насилие		Физическое насилие	
	Количество в выборке	%	Количество в выборке	%
Высокий	124	29.3	48	11.3
Средний	93	22.0	86	20.3
Низкий	91	21.5	82	19.4
Однократно	61	14.4	55	13.0
Отсутствие насилия	54	12.8	152	35.9

Из представленных в таблице 3 данных видно, что типичными уровнями психологического насилия являются высокий (29,3%) и средний (22,0%), что указывает на систематичность применения каждой третьей и периодичность практически каждой четвертой матерью тех или иных способов психологического насилия (чаще всего крика) по отношению к ребенку. Обращение к преобладающим значениям, характеризующим физическое насилие, указывает на преобладание в выборке среднего (20,3%) и низкого (19,4%) уровня применяемого матерями физического насилия. Тем не менее, важно обратить внимание, что несмотря на то, что высокий уровень физического насилия по отношению к ребенку проявляют лишь 11,3% респондентов, это указывает, что каждая десятая мать систематически применяет те ли иные способы физического насилия по отношению к ребенку.

Сопоставление уровней психологического и физического насилия и вариантов их сочетаний в моделях поведения респондентов, позволяет зафиксировать следующую закономерность: применение матерью физического насилия всегда сопряжено с одновременным применением психологического насилия, в то время как применение психологического насилия не всегда влечет применение физического (например, при высоком уровне психологического насилия, уровень физического насилия может соответствовать как высокому, среднему и низкому уровню, так и полному его отсутствию).

Далее с целью уточнения данных о специфике и особенностях проявления насилия женщинами нами были сформированы экспериментальная и контрольная группы по 100 человек в каждой. В экспериментальную группу вошли женщины с высоким уровнем психологического насилия и высоким или средним уровнем физического насилия, у которых насилие по отношению к ребенку является устойчивой моделью поведения. Контрольную группу составили женщины, не применяющие насилие по отношению к ребенку. Характеристики выборки представлены в Приложении 2.

Сравнивая с применением критерия хи-квадрат (χ^2) Пирсона различные характеристики, в той или иной степени описывающие личностные особенности матерей экспериментальной и контрольной группах, нам удалось выделить ряд параметров, по которым имеются значимые различия.

Уровень образования. Матери, применяющие насилие, чаще имеют среднее специальное или неоконченное высшее образование (48%). Матери, не прибегающие к насилию, значимо чаще имеют высшее образование (бакалавриат, специалитет, магистратура) (78%); при $p < 0,01$ $X^2 = 25,542$. Таким образом, матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют более низкий уровень образования.

Трудовая занятость. Матери, применяющие насилие, преимущественно не работают, находятся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком (64%). Матери, не применяющие насилие, в основном работают по несколько часов в сутки или 8 часов и более (68%); при $p < 0,05$ $X^2 = 8,263$.

Состав родительской семьи. Матери, применяющие насилие, воспитывались в неполных семьях (38%). Матери, не применяющие насилие, чаще воспитывались в полной семье (81%); при $p < 0,05$ $X^2 = 10,406$.

Характер отношений в родительской семье. Матери, применяющие насилие, в детстве были свидетелями негармоничных отношений между своими родителями (68%). У родителей женщин, не применяющих насилие, чаще были гармоничные отношения (87%); при $p < 0,01$ $X^2 = 66,914$.

Полученные нами данные согласуются с работами К. С. Пиарса и Д. М. Капальди, которые выделяют отсутствие примера здоровых и гармоничных отношений как причину использования насилия. Использование матерями методов, которые они наблюдали в детстве в родительской семье, указывает на активацию защитных механизмов проекции и переноса с целью оправдания реализуемых способов воспитания собственных детей.

Характер отношений с мужем. Матери, применяющие насилие, подвержены психологическому, физическому и экономическому насилию со стороны мужа (26%). Матери, не применяющие насилие, в меньшей степени

сталкиваются с насилием со стороны мужа (2%); при $p < 0,01$ $X^2 = 17,786$. Полученные данные согласуются с исследованиями Е. Н. Волковой, которая отмечала у женщин, прибегающих к насилию над ребенком, наличие проблем в супружеской сфере.

Количество детей. Матери, применяющие насилие, чаще воспитывают троих и более детей (34%). Матери, не применяющие насилие, чаще воспитывают одного (51%) или двух (40%) детей; $p < 0,01$ $X^2 = 26,150$.

Также установлены параметры, по которым различия отсутствуют: пол ребенка ($p = 0,201$, $X^2 = 1,633$), возраст детей ($p = 0,919$, $X^2 = 0,937$), возраст матери ($p = 0,188$, $X^2 = 4,784$), семейное положение женщины (замужество-развод) ($p = 0,947$, $X^2 = 0,110$).

Анализ представленных различий позволяет описать психологический портрет личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку: значимо чаще имеют среднее специальное или неоконченное высшее образование, находятся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, росли в семье с негармоничными отношениями между родителями, часто детство проходило в неполных семьях, чаще являются многодетными мамами, подвержены насилию со стороны мужа (психологическому, физическому или экономическому).

Результаты полученные на данном этапе исследования позволили сделать вывод, что 87,2% использовали насильственные действия по отношению к ребенку в различных формах и степени. Перечень воздействий включает в себя все способы психологического и 70% вариантов физического насилия, что позволяет нам зафиксировать вывод о глобальной распространенности и типичности данного поведения по отношению к ребенку. Психологическое насилие является превалирующим способом воздействия над физическим, часто встречаемая форма – крик. Психологический портрет личности женщин, применяющих насилие по отношению к ребенку, содержит значимые характеристики, отражающие ее жизненный опыт.

2.3. Различия в самосознании матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

Основной целью нашего исследования являлось изучение особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, в сравнении с матерями, не применяющими насилие.

Данные, отражающие отдельные содержательные характеристики каждого из трех структурных компонентов самосознания и уровень самосознания в экспериментальной и контрольной группах, представлены в Приложении 3.

Следует обратиться к анализу данных, которые были получены в ходе исследования по применению выбранных методик для изучения компонентов самосознания (когнитивного, эмоционального, поведенческого).

Анализ когнитивного и эмоционального компонентов самосознания осуществлен с использованием сочинения под названием «Я – мама», что позволяет выявить представления о себе в роли матери, воспитательной деятельности и эмоциональных взаимоотношениях с ребенком. В процессе интерпретации текстов, написанных женщинами, учитывались формальные и содержательные параметры.

Наиболее информативными формальными показателями являются:

1. Объем сочинения. У матерей, применяющих насилие, сочинение малого объема (от 5 до 10 строчек), что является типичным для 92% выборки. Это свидетельствует о достаточно низком уровне рефлексии, слабом анализе материнского опыта, наличии защитных механизмов и сдержанности при выражении своих чувств и мыслей. Отмеченное свидетельствует о невозможности осознания себя полностью в роли матери. У матерей, не применяющих насилие, встречаются сочинения большего объема (от 30 до 50 предложений), что характеризует высокую эмоциональную включенность

матерей, фиксацию на имеющейся сложной ситуации или попытке ее разрешения путем рефлексивного анализа.

2. Структура. Анализируя структуру сочинения, можно отметить недостаточную продуманность содержания (33%) и уход от заданной темы (16%) («нам с мужем эти 10 лет было безумно тяжело. Вспоминаю, как он с корабля приносил тухлое мясо птицы. Вспоминаю, как нам не хватало 2 рублей на проезд, как-то его с позором женщина-кондуктор выгнала...»), «мечта моя была стать – стоматологом, ну и тут конечно же: были сначала отговорки, но когда я настаивала, мама начинала кричать (любимая её фраза): “Ты что такая умная, да умней тебя есть”...»).

Далее остановимся на интерпретации содержательных показателей:

1. Представление о материнстве и себе в роли матери.

1.1. Представление матери о ценностях и целях воспитания. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют декларируемые ценности материнства (32%): «Мы родили третьего ребенка и получили землю от государства...», «мама всегда говорила, что надо сначала родить ребенка, а потом уже заниматься своей карьерой, чтобы ничто от нее не отвлекало...», «Мамой, наверное, никогда и не хотела быть. Но! в итоге 4 детей. Меня воспитывали, что все надо делать ответственно, чтобы был хороший результат...».

Для матерей, не применяющих насилие, материнство позиционируется как высшая цель женщины, приобретая ведущее значение ее жизни («Это большое счастье быть матерью...»; «Теперь я чувствую, что для кого-то я смогла стать главным человеком в жизни ...»). Это свидетельствует о том, что женщины осознают ценность материнства.

1.2. Временная ориентация матери. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, ориентированы на прошлое (61%): «С самого рождения дочки я совсем не знала, что с ней делать, как себя вести...», «Я вспоминаю, какая она была хорошенькой в младенчестве. Куда это делось? Ребенка как будто подменили полгода назад...». Матери, не применяющие насилие,

ориентированы на настоящее (36%): «Улыбаюсь вместе с ним...», «Мы придумываем вместе игры...», «Мне важно говорить с ней...», «Мы проводим вместе много совместного времени». Только для 3% матерей свойственно устремление в будущее: «Мне важно, чтобы он вырос честны человеком...», «Мы с мужем стараемся сделать все для его счастливого будущего...», «Мы уже откладываем на ее обучение...», «Я хочу, чтобы она выросла счастливой...».

1.3. Основные индивидуально-личностные качества матери. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, отмечают свои качества более одобряемыми (52%), чем неодобряемыми (20%): «Я активная, веселая, заводная, артистичная...», «я умею хорошо держать границы. Мне все говорят, что дети меня слушаются...». Матери, не применяющие насилие, напротив, характеризует свои качества более неодобряемыми (44%), чем одобряемыми (18%). Среди неодобряемых качеств женщины отмечают: «импульсивность», «недостаточность времени», «навязчивость».

1.4. Предпочтения и интересы матери. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, преимущественно имеют семейные предпочтения (35%), у 32% преобладают внесемейные предпочтения. Следует отметить, что у 40% респондентов 3-е детей, отсутствует рабочая занятость, поэтому их семейные предпочтения определены внешними обстоятельствами, а не внутренними причинами, что также отражено в сочинении: «я жду, когда закончится декрет, чтобы можно было выйти на работу, а то уже невозможно жить на эти копейки...», «я все время с детьми. Если заболит один – то заболевают и остальные. Только выздоровеем – тут же другая болячка...». У матерей, не применяющих насилие, преобладает закономерность в ориентации предпочтений на совместный досуг с ребенком (69%) «Мы с сыном выбираем досуг, который будет интересен нам двоим...», «Мне нравится с сыном играть в шахматы...», «Гуляем все вместе вечерами...». Также присутствуют интересы матери (36): «В первую очередь я закрываю свои потребности, а

после я готова делать то, что хочет ребенок...», «У нас с мужем разделены обязанности, чтобы у меня было время на мои личные дела...».

1.5. Представление о проблемах и трудностях материнства. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, определяют спектр проблем внешними обстоятельствами (42%): «Наши бабушки далеко, нам никто не помогает...», «Муж все время на вахте. Почему я должна справляться со всем одна?»; 33% определяют необходимость в развитии: «Дай Бог исправлю косяки, не выгружая это бремя на них...», «Только сейчас пришло осознание необходимости получить нужные знания о воспитании...». Матери, не применяющие насилие, в большей степени определяют важность развития (56,3%): «Я пошла к психологу, чтобы разобраться в себе...», «Я не хочу срывать на ребёнка, понимаю, что нужно работать над собой...». Трудности материнства объясняются принятием личной ответственности (28%): «Я знаю, что могу лучше...», «Мне не хватает сил с двумя детьми, стараюсь днем спать, чтобы детям не доставалось...».

2. Представления женщины о реализации воспитательной деятельности:

2.1. Представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, определяют для себя оказание должного ухода как основную задачу воспитания (32%): «Денег катастрофически не хватает. Часто сестры отдают одежду, чтобы дети были одеты и обуты...», «я не успеваю с детьми заниматься, но для этого они и ходят в детский сад...». Матери, не применяющие насилие, особенно отмечают важность воспитания свободной личности (37%): «Мне важно, чтобы мой ребенок вырос творческим, свободным...», «Я стараюсь воспитывать ребёнка в отсутствии ненужных ограничений...».

2.2. Представление матери о стилевых особенностях воспитательной деятельности. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, предпочитают наказания (33%) как стилевую форму воспитания: «приходится ставить в угол или ремень доставать – совсем по-другому не понимает...»,

«когда ребенку исполнилось два - с меня как цепь сорвали: срывалась, кричала, могла толкнуть, одергивала, запрещала, ругала..». Важно подчеркнуть, в качестве причины криков, срывов, применения физической отмечаются обобщенности ребенка: его поведение, реакции, слова, черты характера.

В сочинениях респонденты употребляли следующие формулировки: «Меня раздражает, когда сын перебивает разговор взрослых»; «Средняя дочка раздражает всем своим поведением»; «На мои просьбы ноль эмоций, постоянно огрызается, 10 раз приходится одно и то же говорить». Поощрения упоминаются только в 13% сочинений: «когда ребенок хорошо себя ведет в садике, я веду его в магазин, и мы покупаем ту игрушку, которую он захочет».

Матери, не применяющие насилие, предпочитают вести диалог с детьми (19%): «Я стараюсь много с ней разговаривать...», «Мы с мужем стараемся быть примером для детей, чтобы она сразу с детства формировали семейные ценности...», «Я не хочу наказывать его, мне важнее конструктивный диалог, иногда мне очень сложно...».

2.3. Представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют негибкую и ригидную материнскую позицию (38%): «Когда ребенок устраивает истерику – я ухожу в другую комнату. Пусть поймет, что со мной это не пройдет...». Матери, не применяющие насилие имеют гибкую позицию (46%): «Я часто обдумываю свои действия, боюсь навредить ребенку...», «Мне важно сохранить с ребенком дружеские отношения...».

2.4. Представление об эффективности системы воспитания. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, считают свою систему воспитания эффективной (55%): «Ребенок помогает мне по дому, это большая помощь для меня с малышом...», «Я вижу, что ребенок иногда капризничает, но это пройдет со временем...»; только в 13% случаях респонденты уделяют внимание неэффективной системе воспитания: «Я устала бороться с его агрессией к брату...», «Он слушает отца, а мне как будто делает на зло...».

Матери, не применяющие насилие определяют используемую систему воспитания удовлетворительной (45%): «Я часто говорю себе, что я хорошая мама...», «Я очень стараюсь, но понимаю, что есть еще к чему стремиться...», «Я вижу, как ребенок мне радуется, когда я прихожу».

3. Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия (эмоциональный компонент самосознания).

3.1. Представление матери об ее отношении к ребенку. Матерям свойственно отвержение и условное принятие ребенка (17%): «Когда уезжаю в командировку – то скучаю и чувствую любовь. Но когда дома – то это чувство пропадает. Все какое-то недовольство и раздражение...», «Хотелось бы мне чувствовать ту любовь к ребенку, о которой все говорят – но не могу...». У матерей, не применяющих насилие, было зафиксировано преобладание безусловного принятия по отношению к ребенку (25%): «Она недостаточно старается, на соревнованиях за призовые места, я ее всегда поощряю, ведь выигрыш – это не главное...», «Он для меня все, я его очень долго ждала...».

3.2. Представление матери об отношении ребенка к ней. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, интерпретируют отношение ребенка к ней как позитивное (20%): «Ждал с работы, не засыпал, мы так долго обнимались. Так приятно, что скучал по мне...»; однако чаще женщины ощущают амбивалентность (36%): «Часто ловлю себя на мысли, что он меня то любит, то хочет покалечить...», «Неужели на детей даже прикрикнуть нельзя? А то сразу включает обиды и потом 2 часа со мной не разговаривает. Но зато потом несколько часов мира и тепла...». Матери, не применяющие насилие в большей степени интерпретируют отношение ребенка к ней как позитивное (59%): «Она меня любит...», «Прихожу домой всегда встречает меня и мужа...», «На каждый праздник делает подарки своими руками, мне так приятно...».

3.3. Представление о степени эмоциональной дифференцированности и вовлеченности матери в процесс воспитания ребенка. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, отмечают дефицит переживаний и чувств (12%): «Я постоянно работаю. Хорошо, что моя мама его к себе забрала...», «Ребенок меня не слышит. Весь в отца!...». Матери, не применяющие насилие отмечают высокую степень эмоциональной дифференцированности чувств (37%): «Я стараюсь понимать свою девочку и быть ей опорой...», «Она для меня лучик света, радуюсь каждому ее успеху...», «Мы купили книгу о чувствах, умчимся разбирать их вместе...».

3.4. Представления матери о симметричности эмоциональных отношений. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, расценивают отношения с ребенком как не взаимные (44%): «Мое второе материнство привнесло новые столкновения и конфликты с первым сыном. Я захожу в дом – а он даже не подходит и не обнимает меня...»; в 16% случаев женщины определяют отношения взаимными: «я чувствую, что у нас с ним симбиоз. Я часто вступаю за него перед мужем. Но и сын может защитить меня...». Матери, не применяющие насилие описывают отношения с ребенком как взаимные (36%): «У нас много общих интересов, я даже планирую пойти учиться плавать...», «Она доверяет мне свои секреты, рассказывает даже про валентинки...», «Мы много времени вместе...».

Сравнительный анализ данных с применением критерия Манна-Уитни (приложение 3) и результаты анализа первичных данных (таблица 4) позволили подтвердить интерпретацию формальных и содержательных параметров сочинения и выделить ряд ведущих характеристик в когнитивном и эмоциональном компонентах самосознания, по которым имеются значимые различия у матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку.

Таблица 4.

Выраженность ведущих параметров когнитивного и эмоционального компонентов самосознания у матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

Параметры когнитивного и эмоционального компонентов	Выраженность в %					
	Высокие		Средние		Низкие	
	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.
Представление о материнстве и себе как матери	78	91	22	9	–	–
Представление женщины о реализации воспитательной деятельности	34	87	43	16	20	–
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком	13	79	48	24	36	–

1. Представление о материнстве и себе как матери. Несмотря на то, что обе группы женщин имеют высокий уровень данного показателя (78% женщин, применяющих насилие, и 91% женщин, не применяющих насилие), характеристика представлений имеет существенные отличия ($U = 3354,0$ при $P < 0,01$). Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, характеризуются незрелостью позиции матери, декларируемыми ценностями материнства, демонстрацией категории «долженствования» в описании вовлеченности их в процесс развития ребенка. Матери, не применяющие насилие, характеризуются осознанием ценностей и целей материнства, актуализированным образом себя как матери.

2. Представления женщины о реализации воспитательной деятельности. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, в меньшей степени ориентированы на выполнение воспитательной функции и характеризуются ригидностью и ограниченностью материнской позиции. Цель воспитания для них отражена как наличие должного ухода, проявление бытовой заботы о ребенке ($U = 784,0$ при $P < 0,01$).

Матери, не применяющие насилие, более ориентированы на реализацию воспитательной деятельности, склонны проявлять гибкую материнскую позицию, осуществляют анализ собственных воспитательных методов

воздействия (87% имеют высокий уровень показателя). При этом их материнская позиция, как правило, сопряжена с неуверенностью и чрезмерной тревожностью. Несмотря на это, женщины находят систему развития ребенка вполне удовлетворительной, критически отражая ее положительные и отрицательные стороны.

3. Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия (эмоциональный компонент самосознания). У матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, отмечаются амбивалентное эмоциональное отношение к ребенку и совместная не взаимность, условное принятие ребенка в зависимости от его поведения. В их отношениях существует дефицит переживаний и чувств, обособленность. Также именно этот параметр является менее представленным в сочинениях матерей, применяющих насилие, что свидетельствует об отсутствии осознания важности эмоциональных отношений с ребенком, неразвитости материнского чувства (37% демонстрируют низкий уровень показателя).

Матери, не применяющие насилие, отмечают гармоничные эмоциональные отношения с ребенком, ощущают эмоциональную значимость ребенка в своей жизни, богатую палитру эмоциональных переживаний и чувств, обладают высокой степенью эмоциональной дифференцированности чувств (78% демонстрируют высокие значения показателя; $U = 241,0$ при $P < 0,01$).

Для исследования эмоционального компонента самосознания также использовалась методика самоотношения (МИС) В. В. Столина, С. Р. Пантилеева. Результаты анализа первичных данных представлены в таблице 5.

Таблица 5.

Выраженность параметров эмоционального компонента самосознания у матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

Параметры эмоционального компонента	Выраженность в %					
	Высокие		Средние		Низкие	
	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.
Закрытость	3	–	57	29	40	71
Самоуверенность	2	6	94	93	4	1
Саморуководство	2	81	10	19	88	–
Зеркальное Я	4	7	95	92	1	1
Самоценность	1	37	98	61	1	2
Самопринятие	6	84	85	15	9	1
Самопривязанность	45	11	55	89	–	–
Внутренняя конфликтность	4	38	20	59	76	3
Самообвинение	6	14	8	83	86	3

При анализе эмоционального компонента самосознания можно сделать вывод, что для матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, характерны следующие особенности:

– отрицание проблем, закрытость, самодовольство, неспособность или нежелание осознавать и выдавать значимую информацию о себе, конформность и желание получить социальное одобрение, избирательное отношение к себе (76% респондентов отметили низкие показатели по шкале «Внутренняя конфликтность», 57% имеют средние показатели по шкале «Закрытость», 45% отметили высокие значения по шкале «Самопривязанность»);

– слабовыраженная способность к рефлексии, оправдание собственных деструктивных способов воздействия, отсутствие самоконтроля, обвинение других и отрицание собственной вины (имеют низкие значения по следующим шкалам: самообвинение (86%), саморуководство (88%).

Матери, не применяющие насилие по отношению к ребенку, демонстрируют:

- общую положительную оценку своих возможностей, знаний и способностей (респонденты имеют высокие значения по шкалам «самопринятие» (84%), «самоценность» (37%);

- наличие внутренних конфликтов, глубокую рефлекссию и чрезмерное переживание из-за неудач и ошибок при выполнении материнской роли, избирательное отношение к себе, контроль над своим «Я» (38% имеют высокие значения по шкале «Внутренняя конфликтность», 83% отметили средние показатели по шкале «Самообвинение»). Следует отметить, что чрезмерная аутокритичность не меняет общее положительное отношение к себе.

У матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку, имеются статистически значимые различия по всем параметрам эмоционального компонента самосознания при $p < 0,01$ (приложение 3), однако отсутствуют различия по шкале «самопривязанность» ($U = 4376,5$ при $p = 0,13$). Если обратиться к качественному анализу, то можно увидеть неравномерность распределения данных средних и высоких значений, что уравнивало средние ранги. При тщательном анализе можно увидеть, что 45% матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, имеют высокие значения, что указывает на ригидность Я-концепции и нежелание меняться на фоне положительного отношения к себе. 89% матерей, не применяющих насилие по отношению к ребенку, имеют средние значения данной шкалы, что указывает на избирательность отношения к личностным качествам и стремление к изменению лишь некоторых своих качеств.

Для исследования поведенческого компонента самосознания использовалась методика «Взаимодействие родитель – ребенок» И. М. Марковской. Результаты методики представлены в таблице 6.

Таблица 6.

Выраженность параметров поведенческого компонента самосознания у матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

Параметры поведенческого компонента	Выраженность в %					
	Высокие		Средние		Низкие	
	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.	Экспер. гр.	Контр. гр.
Нетребовательность – требовательность	76	2	20	56	4	42
Мягкость – строгость	58	1	39	21	3	78
Автономность – контроль	8	12	59	78	33	10
Эмоциональная дистанция – близость	12	79	73	11	13	7
Отвержение – принятие	9	84	48	18	44	–
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	10	69	75	31	15	–
Тревожность за ребенка	8	5	68	87	24	9
Непоследовательность – последовательность	13	85	70	16	19	3
Воспитательная конфронтация в семье	46	14	45	29	9	57
Удовлетворенность отношениями с ребенком	28	90	64	10	9	–

Сравнительный анализ данных с помощью критерия Манна-Уитни позволил зафиксировать статистически значимые различия по всем параметрам поведенческого компонента самосознания (приложение 3). Для матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, характерны:

- суровость мер воздействия, о чем свидетельствуют высокие показатели по шкалам «требовательность» (76%), «строгость» (58%);
- безразличное отношение к ребенку (33% проявляют чрезмерную автономность), отвержение личностных качеств (43%);
- негативная реакция членов семьи на применение деструктивных методов воздействия (48% выбрали высокий уровень воспитательной конфронтации).

Матери, не применяющие насилие по отношению к ребенку, демонстрируют:

– близкий контакт, последовательность мер воспитания, заботу о ребенке, о чем свидетельствуют высокие показатели по шкалам «близость» (78%), «принятие» (83%), «сотрудничество» (70%), «последовательность» (83%);

– удовлетворенность отношениями с ребенком (93% имеют высокие показатели по соответствующей шкале).

Описанные нами данные подтверждаются статистически значимыми различиями при сопоставлении общего уровня развития самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку ($U = 414,0$, при $P < 0,01$). Уровень самосознания у женщин экспериментальной группы расположен в пределах нижних значений, у женщин контрольной группы значения соответствуют высокому уровню (таблица 7).

Таблица 7.

Уровень самосознания у матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку

	Выраженность в %					
	Высокие		Средние		Низкие	
	Экспер. Гр.	Контр. Гр.	Экспер. Гр.	Контр. Гр.	Экспер. Гр.	Контр. Гр.
Уровень самосознания	0	46	48	54	52	0

Матери, применяющие насилие, имеют преимущественно характеристики, соответствующие низкому уровню самосознания (52%). 46% матерей, не применяющих насилие, имеют высокие значения уровня самосознания, что характеризуется дифференцированным образом «Я – мать» и позволяет им принимать роль матери и себя в роли матери, при этом осознавая возможность самореализации в материнстве.

По итогам выявления различий на уровне отдельных компонентов и уровня самосознания, рассмотрим различия на уровне факторных структур. Для получения наиболее концентрированной (сжатой) информации и определения ведущих, не поддающихся прямому анализу значений связей

между переменными был применен анализ факторизации переменных методом Каменистой осыпи Кеттела. Был осуществлен статистический анализ взаимосвязи данных 54 переменных, описывающих содержание каждого из компонентов самосознания. Учитывались нагрузки выше – 0,65.

По результатам факторного анализа матрицы показателей матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку ($n=100$), были выделены 5 факторов, объясняющих 80,25% дисперсии (Приложение 4).

Первый фактор *«Необъективные оценки результатов воспитательного воздействия»*, описывающий **21,74%** от распределений дисперсии, включает параметры: оценка результатов воспитательного воздействия ($r = 0,85$), одобряемые характеристики личности ($r = 0,78$), чрезмерная требовательность ($r = 0,77$), отражение поступков и моделей поведения связанных с переносом воспитательных принципов в семье прародителей ($r = 0,74$), ценность себя ($r = 0,70$), временная ориентация, сопряженная с прошлым ($r = -0,67$), смысловое наполнение представлений о воспитании, задачах и средствах воспитательной деятельности ($r = 0,66$).

Данный фактор демонстрирует, что, даже несмотря на наличие насильственного отношения к ребенку, женщины считают осуществляемое воспитание эффективным и правильным, определяют себя как следующих за целями и задачами воспитательной деятельности, одобряют и ценят себя. Их родительская модель характеризуется автоматическим воспроизводством способов поведения из их родительской семьи и отсутствием рефлексии полученного детского опыта. Женщины не ориентированы на прошлые периоды детства ребенка.

Второй фактор *«Негативные приписывания ребенку с целью сохранения позитивного отношения к себе»*, описывающий **18,03%** всех дисперсий, распределил свою нагрузку на такие признаки, как: самокритика ($r = -0,84$), непринятие ребенка ($r = 0,81$), воспитательный конфликт в семье ($r = 0,75$),

двойственное отношение к ребенку ($r = -0,70$), представление матери о негативных чувства ребенка по отношению к ней ($r = 0,68$).

Анализ данных показал, что женщины, применяющие насилие по отношению к ребенку, сохраняют уважение к себе за счет неприятия, отвержения и принижения ребенка, что может приводить к конфликтам с мужем на основе различных моделей поведения при развитии ребенка. Негативные приписывания позволяют ей чувствовать себя лучше и самоутверждаться, предоставляют возможность снять с себя ответственность и сохранить свой позитивный образ.

Третий фактор обозначен как «*Неадекватный образ Я*», вклад фактора в общую дисперсию составил **15,35%** и распределил нагрузку на показатели: самоодобрение ($r = 0,82$), самопривязанность ($r = 0,75$), взаимные отношения с ребенком ($r = -0,68$), представления о материнской роли при осуществлении воспитательных функций ($r = 0,66$).

Этот фактор демонстрирует высокую выраженность аутосимпатии и принятия себя, одобрения своих качеств и желаний, принятие себя и отсутствие потребности в самоизменении, несмотря на не взаимность чувств с ребенком.

Четвертый фактор определен как «*Отрицание собственных проблем*», вклад в общую дисперсию исходных признаков составил **13,6%** и распределил свою нагрузку на показатели: внутренние противоречия ($r = -0,81$), аутосимпатия ($r = 0,79$), самообман ($r = 0,69$), самоуверенность ($r = 0,69$), зеркальное Я ($r = 0,65$).

Компоненты, вошедшие в IV фактор, свидетельствуют об отрицании проблем, самодовольстве, опосредовании отношения женщины к себе с аутосимпатией, самоуверенностью, а также претензиями на уважение и одобрение от окружающих.

Пятый фактор определен как «*Не взаимность*», описывает **9,89%** всех дисперсий и распределил свою нагрузку на показатели: невзаимные

отношения с ребенком ($r = 0,72$), ориентация на семейное времяпрепровождение ($r = -0,70$), отражение характера отношений, сотрудничества и стиля коммуникации с ребенком ($r = -0,65$)

При анализе V фактора обращают на себя внимание показатели, указывающие на отсутствие эмоционального контакта, что характеризуется восприятием негативного отношения к себе со стороны ребенка, а также фиксирует аналогичное отношение к нему. Можно констатировать отсутствие правильной интерпретации чувств матери и экспрессивный характер взаимодействия с ребенком. Также следует отметить факт направленного фокуса внимания на развитие вне семьи.

Факторная структура самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, представлена в таблице 8.

Таблица 8.

Факторная структура самосознания матерей,
применяющих насилие по отношению к ребенку

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Необъективные оценки результатов воспитательного воздействия, 24,21%	Представление об эффективности системы воспитания ($r = 0,85$), одобряемые индивидуально-личностные качества матери ($r = 0,78$), строгость ($r = 0,77$), представление матери о преобладании стилевых особенностей воспитательной деятельности, копирующих стиль воспитания в родительской семье ($r = 0,74$), самооценку ($r = 0,70$), временная ориентация на прошлое ($r = -0,67$), представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах ($r = 0,66$)
Негативные приписывания ребенку с целью сохранения позитивного отношения к себе, 18,03%	Самообвинение ($r = -0,84$), отвержение ребенка ($r = 0,81$), воспитательная конфронтация в семье ($r = 0,75$), амбивалентное отношение к ребенку ($r = -0,70$), представление матери о негативном отношении ребенка к ней ($r = 0,68$)
Неадекватный образ Я, 14,98%	Самопринятие ($r = 0,82$), самопривязанность ($r = 0,75$), взаимность отношений с ребенком ($r = -0,68$), представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,66$)
Отрицание собственных проблем 12,9%	Внутренняя конфликтность ($r = -0,81$), аутосимпатия ($r = 0,79$), закрытость ($r = 0,69$), самоуверенность ($r = 0,69$), зеркальное Я ($r = 0,65$)
Не взаимность с ребенком, 9,88%	Не взаимность с ребенком ($r = 0,72$), семейные предпочтения и интересы матери ($r = -0,70$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = -0,65$)

По результатам факторного анализа матрицы показателей матерей, не применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку ($n=100$), также были выделены 5 факторов. Факторы определены на основе следующих критериев: перегиб кривой «каменистой осыпи» (Приложение 5), собственные значения выделенных факторов больше единицы, объясненная дисперсия 81,26%, а также на основе интерпретации содержания факторов.

Первый фактор «*Корректные представления о ценностях и целях материнства*», характеризующий **26,27%** всех дисперсий, распределил свою нагрузку на следующие показатели: представление о ценностях и целях материнства ($r = 0,86$), временная ориентация, сопряженная с настоящим ($r = 0,78$), семейные предпочтения и интересы матери ($r = 0,75$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = 0,65$).

Анализ I фактора позволяет утверждать, что матери, не применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют корректные представления о целях, задачах и ценностях материнства, осознают особенности взаимодействия с ним. Женщины принимают роль матери и себя в роли матери. Их временная ориентация сопряжена с настоящим с целью получение ежедневного положительного и отрицательного опыта при взрослении ребенка, что подтверждает осознание личных возможностей для самореализации в материнстве. Женщины ориентированы на времяпрепровождение с ребенком и семьей. Отношения с ребенком характеризуются эмоциональной близостью и доверием.

Второй фактор «*Сверхкритичность к себе в вопросах развития ребенка*», описывающий **19,61%** всех дисперсий, распределил свою нагрузку на такие признаки, как: самообвинение ($r = 0,90$), внутренняя конфликтность ($r = 0,77$), наличие представлений матери о воспитательной функции ($r = 0,67$).

Женщины ставят себе в вину неудачу в процессе развития ребенка, которые определены их высоким уровнем требований к роли матери в рамках

исполнения материнской роли. С одной стороны, это указывает на внутренний локус контроля и отсутствие переноса ответственности на ребенка, но, с другой стороны, приносит дискомфорт в связи с внутренней неустроенностью и конфликтностью.

Третий фактор «*Принятие ребенка*», описывающий **13,75%** всех дисперсий, распределил нагрузку на показатели: принятие ребенка ($r = 0,83$), тревожность за ребенка ($r = 0,79$), отсутствие сотрудничества ($r = -0,68$), представления матери о позитивных чувствах ребенка по отношению к ней ($r = 0,66$).

Обобщая компоненты, вошедшие в III фактор, отметим базовое положительное отношение к личностным качествам и поведенческим реакциям ребенка. Это сопряжено с со значимостью ребенка, принятием его потребностей его и прав, равенством и сотрудничеством в отношениях, что, как следствие, отражено в позитивном отношении ребенка к матери.

Однако следует отметить, что наряду с принятием и любовью к ребенку мама проявляет повышенную тревожность за ребенка, в связи с чем ребенок для нее становится базисной ценностью.

Четвертый фактор «*Удовлетворенность отношениями*», описывающий **11,66%** всех дисперсий, распределил свою нагрузку на показатели: удовлетворенность отношениями с ребенком ($r = 0,79$), воспитательная конфронтация ($r = -0,71$), взаимные отношения с ребенком ($r = 0,65$),

Анализируя компоненты, вошедшие в IV фактор, отметим симметричность чувств, высокую степень удовлетворенности отношениями с ребенком, наличие схожих родительских позиций с мужем.

Пятый фактор «*Саморуководство*», описывающий **9,97%** всех дисперсий, распределил свою нагрузку на показатели: саморуководство ($r = 0,80$), признание необходимости в саморазвитии ($r = 0,75$), представление о воспитании и его системной эффективности ($r = 0,68$), представление о своей родительской роли и личного вклада в ребенка ($r = 0,65$).

При анализе V фактора значим факт внутреннего локуса контроля, который характеризуется высоким уровнем саморуководства и представлением о том, что основным источником активности и результатов является она сама. Несмотря на характеристику своей системы воспитания как эффективной, женщина ощущает потребность в развитии и нацелена на качественную реализацию материнской роли. Факторная структура самосознания матерей, не применяющих насилие, представлена в таблице 9.

Таблица 9.

Факторная структура самосознания матерей, не применяющих насилие по отношению к ребенку

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p=0,01$)
Корректные представления о ценностях и целях материнства, 26,7%	представление о ценностях и целях материнства ($r = 0,86$), временная ориентация на настоящее ($r = 0,78$), семейные предпочтения и интересы матери ($r = 0,75$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = 0,65$)
Чрезмерная критичность в оценке своей воспитательной роли 19,61%	самообвинение ($r = 0,90$), внутренняя неустроенность ($r = 0,77$), представления матери о воспитательной деятельности ($r = 0,67$)
Принятие ребенка, 13,75%	принятие ребенка ($r = 0,83$), тревожность за ребенка ($r = 0,79$), отсутствие сотрудничества ($r = -0,68$), представление матери о позитивном отношении ребенка к ней ($r = 0,66$)
Удовлетворенность отношениями, 11,66%	удовлетворенность отношениями с ребенком ($r = 0,79$), воспитательная конфронтация ($r = -0,71$), взаимность отношений с ребенком ($r = 0,65$)
Саморуководство, 9,97%	саморуководство ($r = 0,80$), осознание необходимости в развитии ($r = 0,75$), представление об эффективности системы воспитания ($r = 0,68$), представление о материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,65$)

Построение факторных структур позволяет зафиксировать их совпадение по форме при существенном различии содержания самосознания (таблица 10).

Сходство факторных структур самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку, при различии содержания

Параметры	Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку	Матери, не применяющие насилие по отношению к ребенку
Представления о материнстве	Необъективные оценки результатов воспитательного воздействия, 23,35%	Корректные представления о ценностях и целях материнства, 26,7%
Объект критики	Негативные приписывания ребенку с целью сохранения позитивного отношения к себе, 18,03%	Сверхкритичность к себе как матери, 19,61%
Объект принятия	Неадекватный образ Я, 15,35%	Принятие ребенка, 13,75%
Фокус внимания	Отрицание собственных проблем, 13,6%	Саморуководство, 9,97%
Характер отношений с ребенком	Негативное отношение друг к другу, 9,92%	Удовлетворенность отношениями с ребенком, 11,66%

Анализируя факторные структуры самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие, можно сделать выводы о существенных содержательных различиях:

1. Представления о материнстве. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют искаженные представления об эффективности воспитания, определяя его как бытовой уход и применение строгих мер с целью послушания ребенка, усвоения им норм и правил. Матери, не применяющие насилие, осуществляют анализ используемых моделей поведения и определяют для себя смысл и ценности в материнстве, четко осознают свою материнскую роль.

2. Объект критичности. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, обвиняют ребенка с целью сохранения положительного собственного образа. Матери, не применяющие насилие, склонны критично оценивать себя как мать, предъявляют к себе высокие требования.

3. Объект принятия. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют безусловное положительное отношение к себе, в связи с чем

демонстрируют нежелание меняться. Матери, не применяющие насилие, безусловно принимают ребенка.

4. Фокус внимания. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, отрицают собственные проблемы и, в связи с этим, не определяют необходимости в развитии. Матери, не применяющие насилие, характеризуются саморуководством, в рамках которого основным источником активности и результатов является она сама. Матери видят необходимость в развитии.

5. Характер отношений с ребенком. Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, не ориентированы на эмоциональные отношения и определяют их как совместно невзаимные. Матери, не применяющие насилие, удовлетворены отношениями и чувствуют взаимность со стороны ребенка.

Таким образом, полученные на данном этапе исследования данные позволяют зафиксировать факторные структуры самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку. При сопоставлении сходных факторных структур самосознания матерей нам удалось определить в содержании существенные различия. Матери имеют отличия в «Представлениях о материнстве», «Объекте критики», «Объекте принятия», «Фокусе внимания», «Характере отношений с ребенком».

Выявленные значимые различия во всех компонентах самосознания в контрольной и экспериментальной группах явились основой построения прогностической модели проявления насилия к ребенку с использованием линейного дискриминантного анализа с пошаговым включением. Получена высокоинформативная модель – Лямбда Уилкса: 0,02800 при бл. $F(14,185) = 458,76$ $p < 0,01$ (Приложение б).

Алгоритм определения прогноза проявления насилия к ребенку у женщины представлен на рисунке 4.

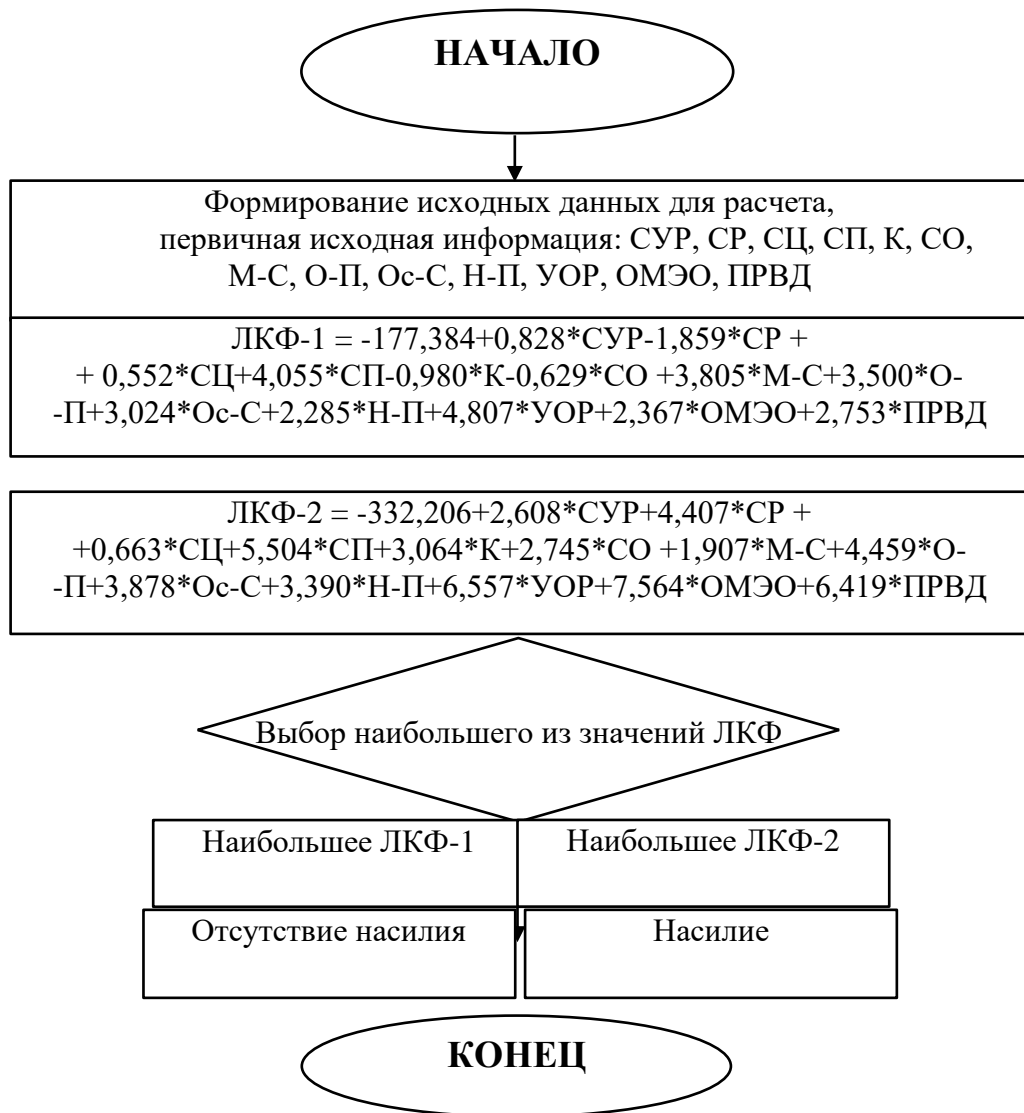

Рисунок 4. Алгоритм определения прогноза проявления насилия к ребенку у матери на основе характеристик самосознания

В результате анализа данных были выявлены предикторы на уровне каждого из компонентов самосознания:

1. На уровне когнитивного компонента: представления женщины о реализации воспитательной деятельности (ПРВД).

2. На уровне эмоционального компонента: Самоуверенность (СУР), Саморуководство (СР), Самоценность (СЦ), Самопринятие (СП), Конфликтность (К), Самообвинение (СО), отражение матерью эмоциональных отношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия (ОМЭО).

3. На уровне поведенческого компонента: Мягкость – строгость (М-С), Отвержение – принятие (О-П), Отсутствие сотрудничества – сотрудничество

(Ос-С), Непоследовательность – последовательность (Н-П), Удовлетворенность отношениями с ребенком (УОР).

В результате анализа полученных данных была разработана дискриминационная модель прогноза проявления насилия к ребенку у женщины. Компоненты классификационных функций для определения прогноза проявления насилия к ребенку у матерей представлены в Приложении 7.

Для определения прогноза проявления насилия к ребенку у респондента необходимо произвести расчеты по представленным формулам. При этом группа, результаты которой представляются наибольшими, и является искомой. Полученная дискриминантная модель имеет высокую прогностическую способность – 97,5% (Приложение 8).

Показатели самосознания у Респондента 1 (женщина из группы применяющих насилие): СУР = 7, СР = 3, СЦ = 6, СП = 5, К = 2, СО = 6, М-С = 20, О-П = 18,5, Ос-С = 15, Н-П = 12, УОР = 20, ОМЭО = 2, ПРВД = 4. При расчете формул ЛКФ-1 = 203,383; ЛКФ-2 = 164,79. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-1, таким образом, у женщины прогнозируется наличие проявлений насилия к ребенку.

Показатели самосознания у Респондента 2 (женщина из группы опрошенных, не применяющих насилие). У женщины определены показатели: СУР = 10, СР = 9, СЦ = 8, СП = 12, К = 10, СО = 6, М-С = 8, О-П = 19,5, Ос-С = 22, П = 23, УОР = 25, ОМЭО = 4, ПРВД = 3. При расчете формул ЛКФ-1 = 266,204; ЛКФ-2 = 347,898. Максимальное число соответствует расчету формулы для ЛКФ-2, таким образом, у женщины прогнозируется отсутствие проявлений насилия к ребенку.

Таким образом, нам удалось зафиксировать различия в 13 наиболее важных переменных содержания самосознания матери, которые позволяют выявить и диагностировать наличие/отсутствие риска проявления насилия по отношению к ребенку.

Описанные в данном параграфе данные позволили установить, что матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, имеют искаженные представления о материнстве во всех компонентах самосознания. Мы зафиксировали содержание каждого компонента самосознания (когнитивного, эмоционального и поведенческого), что позволило констатировать, что склонность к использованию насильственных методов отражена в самосознании матери.

У матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, доминируют следующие особенности самосознания: материнская роль для них представляет реализацию должного бытового ухода; условное принятие ребенка в зависимости от его поведения, совместная эмоциональная не взаимность; отрицание проблем, закрытость; отсутствие самообвинения; оправдание суровости, непоследовательности мер воспитания; воспитательная конфронтация в семье; при этом присутствует желание получить социальное одобрение.

У матерей, не применяющих насилие по отношению к ребенку, доминируют следующие особенности самосознания: осознание ценностей и целей материнства; рефлексия собственных воспитательных методов; гармоничные эмоциональные отношения с ребенком; ответственность и тревожность за ребенка, в связи с чем склонность к контролю; положительное отраженное самоотношение (по их мнению, они способны вызывать у других людей симпатию и уважение); при этом сверхкритичность к себе; несмотря на это, женщины демонстрируют положительный фон восприятия себя как матери, своей компетентности и знаний; считают систему развития ребенка успешной.

Полученные на данном этапе исследования результаты факторного анализа позволяют установить 5 наиболее важных содержательных маркеров насилия по отношению к ребенку в самосознании матерей в виде симптомокомплекса: «Необъективные оценки результатов воспитательного воздействия», «Критичность по отношению к ребенку», «Неадекватный образ

Я», «Отрицание собственных проблем», «Не взаимность отношений с ребенком». Выявленные маркеры могут быть использованы на уровне консультативной и индивидуальной работы с матерями, применяющими насилие по отношению к ребенку.

Верифицированная прогностическая модель на основании характеристик самосознания позволяет диагностировать наличие/отсутствие риска применения насилия по отношению к ребенку. Выявленные параметры позволяют ограничить список вопросов в применяемых методиках при сборе информации, тем самым сократить затраченное время респондента на прохождение диагностических методик, а также уменьшить временные затраты психолога на обработку и анализ полученных данных. Практическая значимость разработанной модели заключается в возможности выявления не только факта применения насилия, но и склонности к применению психологического и физического насилия по отношению к ребенку у беременных и женщин, планирующих беременность.

Таким образом на данном этапе исследования нам удалось зафиксировать общие особенности самосознания матерей и выявить содержательные и диагностические маркеры, которые будут свидетельствовать о применении психологического и физического насилия по отношению к ребенку.

2.4. Типология личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку

Ключевая задача нашего исследования представляется в виде эмпирической верификации типологии, которая позволяет провести описание типологических особенностей личности матерей. Для решения обозначенной задачи нами были использованы возможности кластерного и факторного анализа.

Применённый кластерный анализ (метод Уорда) позволил разделить выборку на пять качественно однородных кластеров, в каждую из которых вошло от 18 до 24 объектов (рисунок 5).

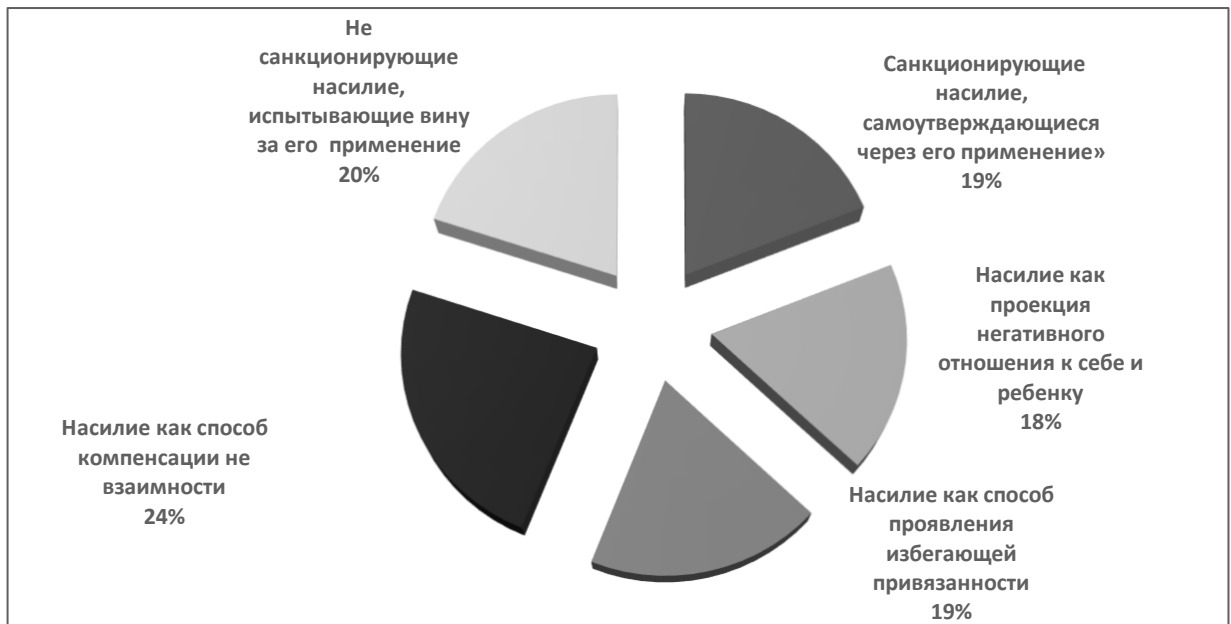

Рисунок 5. Распределение выборки матерей, применяющих насилие по отношению к детям, по типам личности

Далее был использован факторный анализ метод главных компонент, вращения Varimax. К математико-статистическому анализу были представлены данные респондентов, включающие в себя 54 исходных параметров эмпирического изучения содержания компонентов самосознания.

Это позволило зафиксировать факторную структуру самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку для каждого из пяти кластеров, что позволяет определить специфику личности матерей каждого типа. При анализе данных, полученные с помощью факторного анализа, мы учитывали вес каждой переменной, нагружающей факторы, используя данные А.Л. Комри.

Первый тип (19% выборки) получил название «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение». Факторная структура матерей, вошедших в данную группу, представлена 7 факторами (таблица 11).

Анализ I фактора позволяет утверждать, что матери данной группы определяют наличие прогностичности и динамичности своей позиции, способными корректировать методы воздействия, утверждают о преобладании поощрений в процессе развития ребенка. В свою очередь, ребенок, по их мнению, реагирует спокойствием, принятием матери, отсутствием амбивалентности и отрицательной реакции. Однако количественный анализ показал в этой группе наличие респондентов с самой высокой выраженностью проявляемого насилия. В этой связи I фактор был назван «Искаженное представление о материнской позиции».

Обобщая показатели II фактора, отметим, что крайне низкие баллы по внутренней конфликтности свидетельствуют об отрицании проблем, закрытости, самодовольстве. В связи с этим можно сделать вывод, что женщины демонстрируют положительное самоотношение и мнимую внутреннюю устроенность. В следствие этого у женщин нет оснований для собственного неприятия, как матери, и предположения о неэффективности своего стиля воспитания. Данной группе характерно смещение акцента с воспитательной функции на реализацию бытового ухода за ребенком. В связи с полученными данными, II фактор имеет название «Отрицание проблем».

Факторная структура самосознания матерей, описывающая тип личности матери «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение»

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Искаженное представление о материнской позиции (17,44%)	Представление о преобладании гибкости материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,84$), представление матери об амбивалентном отношении ребенка к ней ($r = -0,84$), представление матери о не взаимности эмоциональных отношений ($r = -0,84$), представление матери о преобладании принятия в отношении к ребенку ($r = 0,77$), представление матери о преобладании поощрения в стилевых особенностях воспитательной деятельности ($r = 0,72$)
Отрицание проблем (14,62%)	Внутренняя конфликтность ($r = -0,89$), представления женщины о реализации воспитательной деятельности ($r = -0,89$), внутренняя неустроенность ($r = -0,87$), представление об эффективности системы воспитания ($r = 0,80$)
Эмоциональная холодность (12,45%)	Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = -0,88$), воспитательная конфронтация в семье ($r = 0,83$), представление матери об эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания ребенка ($r = -0,75$)
Строгость и жестокость мер воздействия (9,47%)	Мягкость – строгость ($r = 0,83$), представление матери о преобладании стилевых особенностей воспитательной деятельности, копирующих стиль воспитания в родительской семье ($r = 0,76$), представление о преобладании ригидности материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,74$), представление матери о преобладании отвержения по отношению к ребенку ($r = 0,74$)
Санкционирование собственной жестокости (9,37%)	Представление о неэффективности системы воспитания ($r = -0,95$), представление матери о негативном отношении ребенка к ней ($r = -0,95$), саморуководство ($r = -0,87$), представление матери о дифференцированности и дефиците переживаний и чувств в процессе воспитания ребенка ($r = 0,74$)
Насилие как способ воспитания (9,15%)	Сумма психологического насилия ($r = 0,95$), общая сумма насилия ($r = 0,94$), уровень самосознания (сырые баллы) ($r = -0,91$)
Завышенные ожидания от ребенка (5,62%)	Нетребовательность – требовательность ($r = 0,77$), закрытость ($r = 0,77$), временная ориентация на будущее ($r = -0,72$)
19% выборки. Дисперсия 78%	

Анализ III фактора дает основания полагать, что отношения с ребенком у женщин в данной группе не становятся содержанием ее рефлексии, демонстрирует эмоциональное неприятие, дистанцированность от ребенка, в связи с чем появляются разногласия членов семьи по вопросу развития

ребенка. Опираясь на полученные данные, мы назвали III фактор «Эмоциональная холодность». IV фактор составили переменные, демонстрирующие строгость и суровость мер воспитания, жестокость правил, высокую степень принуждения ребенка. Также матери реализуют схожую систему воспитания с прародительской, что указывает на срабатывании защитных механизмов проекции и переноса с целью оправдания собственных деструктивных способов воздействия. Интерпретируя IV фактор, мы назвали его «строгость и жестокость мер воздействия».

Анализируя компоненты, вошедшие в V фактор, отметим, что женщины данной группы считают реализуемую систему воспитания эффективной и определяют её на благо ребенка. Женщины обладают низким уровнем локуса контроля, неспособностью противостоять судьбе, плохой саморегуляцией, отсутствием тенденций поиска причины поступков и результатов в себе самом. Женщины также отмечают дефицит переживаний и чувств в процессе воспитания ребенка, что может быть связано с декларируемым выполнением материнских функций, нежели чем внутренней ориентацией на эмоциональные счастливые отношения с ребенком. В соответствии с этим, V фактор получил название «Санкционирование собственной жестокости»

VI фактор демонстрирует высокую выраженность насилия, а также связь психологического и физического насилия между собой. Низкий уровень самосознания подтверждает, что женщины не осознают суровость применяемых мер. Фактор VI получил название «Насилие - как способ воспитания».

VII фактор демонстрирует высокую требовательность матери и завышенные ожидания к ребенку в настоящем моменте, ориентации на неразрешенные проблемы, актуальную ситуацию и решение тактических задач, а не стратегических. Также матери отличаются закрытостью, неспособностью или нежеланием осознавать и выдавать значимую информацию о себе. В этой связи фактор был назван «Завышенные ожидания от ребенка».

Подводя итог, можно сделать вывод, что во взаимоотношениях с ребенком данный тип личности женщин отрицает возможность равенства в детско-родительских отношениях и использует суровые, строгие меры, при этом оправдывая применяемые меры и демонстрируя отсутствие рефлексии негативных последствий авторитарного воспитания. Отсутствие негативной поведенческой и эмоциональной ответной реакции ребенка подкрепляет уверенность женщин в правильности используемых мер. Матери ориентированы на оказание бытового ухода и создание условий, способствующих оптимальному следованию ребенком нормам и правилам, подтверждая тем самым, что эффективно справляются со своими материнскими обязанностями, свои методы воспитания считают эффективными и гибкими. Развитию матерей в воспитательной деятельности препятствуют подсознательное избегание ответственности за воспитание ребенка и ригидность «Я-концепции», избирательное отношение к себе. Женщины автоматически копируют методы воспитания, используемые при их воспитании в родительской семье.

Второй тип (18% выборки) получил название «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку». Факторная структура самосознания матерей, вошедших в данную группу, представлена 5 факторами (таблица 12).

Обобщая компоненты, вошедшие в I фактор, отметим, что женщины проводят много совместного времени с ребенком, эмоционально включены в процесс развития ребенка, реализуют поведенческий, эмоциональный компонент и когнитивный компонент самосознания, осознают ценности материнства, однако, в рамках данной методики не представляется возможным сделать заключение о наличии реальных или декларируемых ценностей. При этом ориентация на настоящее и представление о трудностях в связи с внутренними обстоятельствами указывают об аффективных очагах неразрешенных конфликтов и перекладывании ответственности в этом вопросе на себя. В соответствие с этим, I фактор получил название «Семейные предпочтения и интересы».

Факторная структура самосознания матерей, описывающая тип личности матери «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку»

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Семейные предпочтения и интересы (20,71%)	Семейные предпочтения и интересы матери ($r = 0,89$), представление о ценностях и целях материнства ($r = 0,89$), представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах ($r = 0,86$), временная ориентация на прошлое ($r = -0,84$), представление матери об эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания ребенка ($r = 0,82$), временная ориентация на настоящее ($r = 0,81$), представление о преобладании гибкости материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = -0,79$), представление о проблемах и трудностях матери в связи с внешними обстоятельствами ($r = -0,71$), внесемейные предпочтения и интересы матери ($r = -0,69$), представления о материнстве и себе как матери ($r = 0,64$)
Самообвинение (18,68%)	Самообвинение ($r = 0,79$), самоуважение ($r = -0,79$), нетребовательность – требовательность ($r = 0,70$), мягкость – строгость ($r = 0,63$)
Непринятие ребенка (17,01%)	Представление матери о преобладании принятия в отношении к ребенку ($r = -0,94$), представление матери о преобладании поощрения в стилевых особенностях воспитательной деятельности ($r = -0,94$), отвержение – принятие ($r = -0,91$), самопривязанность ($r = -0,82$)
Копирование моделей поведения из родительской семьи (14,59%)	Представление матери о преобладании стилевых особенностей воспитательной деятельности, копирующих стиль воспитания в родительской семье ($r = 0,87$), внутренняя конфликтность ($r = 0,82$), внутренняя неустроенность ($r = 0,74$), самопринятие ($r = -0,73$)
Неэффективность системы воспитания (8,93%)	Представление о неэффективности системы воспитания ($r = 0,93$), представление о проблемах и трудностях матери в связи с внутренними психологическими обстоятельствами ($r = 0,93$), представление матери о не взаимности эмоциональных отношений ($r = 0,67$)
18% выборки. Дисперсия 80%	

Анализ II фактора демонстрирует высокий уровень самообвинения и позволяет утверждать, что матери выражают низкую оценку собственного Я по отношению к успешности, воле, целеустремленности, социальному одобрению. Показатели свидетельствуют о потребности респондента в психологической помощи. Также для женщин важно проявлять требовательность и строгость. В этой связи II фактор был назван «самообвинение».

Анализируя компоненты, вошедшие в III фактор, отметим отвержение личностных качеств и поведенческих проявлений ребенка. Непринятие ребенка сопряжено с отсутствием положительных способов стимулирования. Также отвержение ребенка сопряжено с отвержением себя, результатом неудовлетворенности собой, желанием в себе что-то изменить. В соответствие с этим, III фактор получил название «Непринятие ребенка»

Анализируя компоненты, вошедшие в IV фактор, можно сделать вывод о связи применяемых способов воздействия с теми, которые использовались к ним в детстве. Также можно сделать вывод о наличии внутренних конфликтов, сомнений, несогласии с собой, тревожно-депрессивных состояний, сопряженных с чувством вины. Перманентная неудовлетворенность и споры протекают на фоне неадекватно заниженной самооценки, что приводит к сомнениям в своей способности что-то предпринять или изменить. В соответствие с этим, IV фактор получил название «копирование моделей поведения из родительской семьи».

Обобщая компоненты, вошедшие в V фактор, мы сделали вывод об осознании женщинами неэффективности собственных воспитательных мер, обусловленными своими психологическими и поведенческими особенностями. Таким образом, женщина принимает личную ответственность за это. Эмоциональные отношения с ребенком характеризуются как невзаимные. В этой связи, V фактор был назван «неэффективность системы воспитания».

Таким образом, для матерей второго типа характерна неадекватно заниженная самооценка, которая реализуется через постоянную неудовлетворенность собой и ребенком, несмотря на значимость материнства и семейных ценностей для нее. В связи с непринятием ребенка при взаимодействии с ним женщины склонны демонстрировать отвергающее поведение, так как воспринимают его неприспособленным, плохим, что вызывает у них злость и обиду. Они не принимают личностные качества и поведение ребенка. В результате при неудовлетворенности поведением или

чертами характера ребенка женщина применяет строгие меры воздействия с целью изменить его. Однако, получая негативную обратную связь, женщина одновременно чувствует агрессию к ребенку и чувство вины как способ агрессии на себя. Матери попадают в циклический негативный сценарий: неприятие себя – неприятие ребенка – применение насилия – негативная обратная связь – чувство вины. Их неуверенность в себе и несформированность стратегий поведения не позволяют им разрешать как внешние, так и внутренние конфликтные ситуации. Постоянная неудовлетворенность собой и ребенком протекают на фоне неадекватно заниженной самооценки, что приводит к сомнениям в своей способности что-то предпринять или изменить. Данная группа матерей имеет сформированную потребность в психологической помощи.

Третий тип (19% выборки) получил название «Насилие как способ проявления избегающей привязанности». Факторная структура матерей, вошедших в данную группу, представлена 6 факторами (таблица 13).

Обобщая компоненты, вошедшие в I фактор, мы сделали вывод об отсутствии ценности материнства для данной группы женщин, направленности на внесемейные интересы. Мама ориентированы на прошлое, и когда в процессе взросления у ребенка появляются новые потребности – мама чувствует угнетение. При этом женщина отмечает позитивное отношение ребенка к ней. В этой связи, I фактор был назван «внесемейные предпочтения».

II фактор демонстрирует наличие самопринятия, уверенности и привязанности к себе, удовлетворенности собой. Женщины характеризуются отсутствием самообвинения, нежеланием меняться на фоне общего положительного отношения к себе. Опираясь на полученные данные, мы назвали II фактор «удовлетворенность собой».

Факторная структура самосознания матерей, описывающая тип личности матери «Насилие как способ проявления избегающей привязанности»

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Внесемейные предпочтения матери (19,42%)	Семейные предпочтения и интересы матери ($r = -0,86$), представление матери о позитивном отношении ребенка к ней ($r = 0,85$), представление о ценностях и целях материнства ($r = -0,82$), временная ориентация на прошлое ($r = 0,72$), временная ориентация на настоящее ($r = -0,70$), отвержение – принятие ($r = 0,66$)
Удовлетворенность собой (16,30%)	Внутренняя неустроенность ($r = -0,88$), внутренняя конфликтность ($r = -0,79$), самоуверенность ($r = 0,75$), самообвинение ($r = -0,69$), самопривязанность ($r = 0,65$)
Отсутствие необходимости в развитии (15,42%)	Осознание необходимости в развитии ($r = -0,90$), представление о проблемах и трудностях матери в связи с внутренними психологическими обстоятельствами ($r = -0,90$), представление матери об эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания ребенка ($r = -0,90$)
Позитивное отношение к матери со стороны ребенка (13,61%)	Представление матери о негативном отношении ребенка к ней ($r = -0,95$), представление матери о не взаимности эмоциональных отношений ($r = -0,95$), представление матери о преобладании отвержения в отношении к ребенку ($r = -0,90$), саморуководство ($r = -0,88$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($r = -0,65$), самоуважение ($r = 0,65$)
Восприятие воспитания как проявления должного бытового ухода и заботы (9,56%)	Представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах ($r = 0,85$), представление о преобладании гибкости материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = 0,82$), представление матери о преобладании принятия в отношении к ребенку ($r = 0,77$), представления женщины о реализации воспитательной деятельности ($r = 0,72$)
Удовлетворение системой воспитания (8,37%)	Представление о неэффективности системы воспитания ($r = -0,91$), отсутствие сотрудничества – сотрудничество ($r = 0,83$), представление о проблемах и трудностях матери в связи с внешними обстоятельствами ($r = 0,79$), непоследовательность – последовательность ($r = 0,69$)
19% выборки. Дисперсия 86%	

Обобщая компоненты III фактора, отметим, что женщины не определяют необходимости в развитии при выполнении материнских обязанностей, определяя встречающиеся трудности как внешние препятствия, не зависящие от нее. Женщины имеют ограниченность в ощущении и выражении эмоций относительно ребенка, характеризуются закрытостью. Интерпретируя III фактор, мы назвали его «отсутствие необходимости в развитии». Анализ IV

фактора позволяет утверждать, что женщины, несмотря на несдержанность и холодность в проявлении эмоций по отношению к ребенку, чувствуют позитивное отношение к ней со стороны ребенка. В соответствии с этим, IV фактор получил название «позитивное отношение к матери со стороны ребенка». Анализируя компоненты, вошедшие в V фактор, отметим наличие у матери представлений о воспитательной деятельности, однако интерпретируемых как наличие должного бытового ухода, проявление заботы о ребенке, передачу ответственности за заботу о ребенке на других взрослых. В этой связи их материнская деятельность, по их мнению, обусловлена гибкостью, принятием ребенка. Опираясь на полученные данные, мы назвали V фактор «Восприятие воспитания как проявление должного бытового ухода и заботы». Анализ VI фактора дает основания полагать, что женщины считают свое воспитание удовлетворительным, считают себя склонными к сотрудничеству и последовательными в своих требованиях, в применении наказаний и поощрений. В сложившихся трудностях они винят внешние причины. Фактор VI получил название «удовлетворение системой воспитания».

Таким образом, матери третьего типа характеризуются активной общественной и профессиональной жизнью, отсутствием ориентации на семейные предпочтения. Женщины удовлетворены методами воспитания, получают послушание со стороны ребенка, следование нормам и правилам, в связи с этим не стремятся к развитию и изменению ситуации. Женщины видят родительскую функцию в оказании бытового ухода и разделении ответственности за развитие ребенка с другими взрослыми.

Самый многочисленный, четвертый, тип (24% выборки) получил название «Насилие как способ компенсации не взаимности». Факторная структура матерей, вошедших в данную группу, представлена 4 факторами (таблица 14).

Факторная структура самосознания матерей, описывающая тип личности матери «Насилие как способ компенсации не взаимности»

Фактор, % дисперсии	Компоненты и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Принятие ребенка (24,5%)	Представление матери о преобладании отвержении ребенка ($r = -0,88$), отвержение – принятие ($r = 0,82$), закрытость ($r = -0,79$), преобладание гибкости материнской позиции ($r = -0,79$), осознание необходимости в развитии ($r = -0,64$)
Перманентное непринятие ребенком матери (24,19%)	Представление матери о не взаимности эмоциональных отношений ($r = 0,96$), представление матери о преобладании принятия ребенка ($r = 0,96$), представление матери об амбивалентном отношении ребенка к ней ($r = -0,88$), внутренняя неустроенность ($r = 0,82$), самообвинение ($r = 0,81$), эмоциональная дистанция – близость ($r = -0,77$), автономность – контроль ($r = 0,65$)
Критичное отношение к себе (20,31%)	Неодобряемые индивидуально-личностные качества матери ($r = 0,85$), аутосимпатия ($r = -0,88$), самопринятие ($r = -0,83$), внутренняя конфликтность ($r = 0,76$), самооценочность ($r = -0,74$)
Неумение открыто выразить свои переживания и положительные эмоции к ребенку (9,82%)	Представление матери о дефиците чувств матери ($r = 0,79$), отражение эмоциональных отношений с ребенком ($r = 0,73$), непоследовательность – последовательность ($r = -0,70$), представление матери о преобладании амбивалентного отношения к ребенку ($r = 0,69$), представление о проблемах и трудностях матери в связи с внутренними психологическими обстоятельствами ($r = 0,68$)
24% выборки. Дисперсия 79%	

Анализ I фактора позволяет утверждать, что женщины выделенной группы чувствуют принятие по отношению к ребенку, а также демонстрируют честность и критичность по отношению к себе, при этом отличаются ригидностью при реализации материнской позиции и не демонстрируют потребности в развитии, что может быть обусловлено защитным механизмом в связи с отсутствием получения положительной обратной связи со стороны ребенка. В этой связи I фактор был назван «принятие ребенка».

II фактор демонстрирует негативную реакцию со стороны ребенка на применяемое насилие, не взаимность с его стороны, при этом уже не амбивалентную, а перманентную и уже не зависящую от поведения матери. В связи с этим женщины ощущают беспомощность, и демонстрируют контролирующее поведение по отношению к ребенку, проявляемое в

мелочной опеке, навязчивости, ограниченности. Опираясь на полученные данные, мы назвали II фактор «перманентное непринятие ребенком матери»

Анализ III фактора дает основания полагать, что женщины критично относятся к себе, не ощущая ценности, притяжения, привязанности, акцентируясь на своих неодобряемых индивидуально-личностных качествах. Интерпретируя III фактор, мы назвали его «Критичное отношение к себе»

При анализе IV фактора обращает на себя внимание факт эмоциональной значимости для женщины ребенка с одной стороны, и неумение открыто выражать свои переживания по поводу взаимодействия с ним – с другой. Это выражается в незрелости материнского чувства, ограниченности в выражении положительных эмоций относительно ребенка, несмотря на его принятие. В связи с чем иногда проявляется амбивалентное отношение к нему. Также женщины характеризуются проявлением непостоянства и непоследовательности в требованиях, в применении наказаний и поощрений по отношению к ребенку. При этом женщины винят себя в сложившейся ситуации. Интерпретируя IV фактор, мы назвали его «неумение открыто выражать свои переживания и положительные эмоции к ребенку».

Подводя итог, можно утверждать, что матери четвертого типа принимают личностные качества ребенка, однако получают отвержение, непринятие и дистанцированность с его стороны. Состояние обиды и беспомощности провоцирует их на применение строгих мер по отношению к ребенку с целью изменить его отношение к ним, что, наоборот, только ухудшает ситуацию и приводит к перманентному неприятию матери. Матери склонны к самокритике, не ощущают своей ценности. Несмотря на любовь к ребенку и эмоциональные волнения, женщины не выражают открыто свои переживания в связи с отсутствием стратегии коммуникации в формате ненасильственного откровенного общения.

Пятый тип (20% выборки) получил название «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение». Факторная структура матерей, вошедших в данную группу, представлена 6 факторами (таблица 15).

Таблица 15.

Факторная структура самосознания матерей, описывающая тип личности матери «Не санкционирующие насилие, испытывающих вину за его применение»

Фактор, % дисперсии	Компоненты фактора и нагрузки на компоненты (r) (при $p = 0,01$)
Осознание ценностей, целей и задач материнства (17,10%)	Представления матери о воспитательной деятельности, ее целях и задачах ($r = 0,91$), представление о преобладании гибкости материнской позиции ($r = -0,91$), представления женщины о реализации воспитательной деятельности ($r=0,82$ $p=0,01$), представление о ценностях и целях материнства ($r=0,75$ $p=0,01$), представление о материнстве и себе в роли матери ($r=0,64$ $p=0,01$)
Принятие и взаимность эмоциональных отношений (15,77%)	Представление матери о не взаимности эмоциональных отношений ($r = -0,92$), представление матери о преобладании принятия в отношении к ребенку ($r = 0,86$), представление матери о негативном отношении ребенка к ней ($r = -0,80$), представление матери о преобладании поощрения в стилевых особенностях воспитания ($r = 0,80$), представление матери об эмоциональной вовлеченности в процесс воспитания ($r = 0,66$), отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком ($r = 0,65$)
Осознание необходимости в развитии (13,06%)	Осознание необходимости в развитии ($r = 0,93$), внутренняя конфликтность ($r = 0,93$), внутренняя неустроенность ($r = 0,88$), временная ориентация на будущее ($r = -0,82$), представление матери об амбивалентном отношении ребенка к ней ($r = -0,68$)
Общая удовлетворенность отношениями с ребенком (12,88%)	Удовлетворенность отношениями с ребенком ($r = 0,92$), представление о преобладании ригидности материнской позиции при реализации воспитательной деятельности ($r = -0,92$), семейные предпочтения ($r = 0,78$), взаимность ($r = 0,69$)
Отсутствие самопринятия (12,38%)	Аутосимпатия ($r = -0,95$), самопринятие ($r = -0,91$), представление матери о дифференцированности и дефиците переживаний и чувств матери в процессе воспитания ребенка ($r = -0,74$), самопривязанность ($r = -0,68$)
Признание прав и достоинств ребенка (5,67%)	Автономность – контроль ($r = -0,89$), отсутствие сотрудничества – сотрудничество ($r = 0,69$), непоследовательность – последовательность ($r = 0,64$), внесемейные предпочтения и интересы матери ($r = -0,64$)
20% выборки. Дисперсия 77%	

При анализе I фактора обращает на себя внимание факт понимания целей, задач, ценностей материнства, наличия представлений о своей материнской позиции. При этом женщины, осознавая это, считают себе ригидными, с ограниченным количеством методов воздействия. Такая материнская позиция, как правило, обусловлена воспитательной неуверенностью матери, ее

тревожностью. В связи с полученными данными, I фактор получил название «осознание ценностей, целей и задач материнства».

При анализе II фактора обращает на себя внимание общая тенденция на присутствие эмоциональной составляющей в отношениях, наличие взаимности, применение поощрений. Опираясь на полученные данные, мы назвали II фактор «принятие и взаимность эмоциональных отношений».

III фактор составили переменные, демонстрирующие осознание матери потребности в развитии, а также ориентация не на будущие цели, а на прошлое и настоящее с целью справиться с существующими сложностями. Отметим конфликтную аутокоммуникацию, свидетельствующую о чувстве вины и сомнениях, самообвинении. В этой связи III фактор был назван «осознание необходимости в развитии».

Обобщая показатели IV фактора, отметим общую удовлетворенность отношениями с ребенком, которая сопряжена с семейными предпочтениями и времяпрепровождением с ребенком, взаимностью чувств, использованием гибкости и разнообразных инструментов и подходов в применяемых методах воздействия. Интерпретируя IV фактор, мы назвали его «общая удовлетворенность отношениями с ребенком»

Анализируя компоненты, вошедшие в V фактор, отметим отсутствие принятия себя, фиксацию на недостатках, характеризующихся желанием меняться. При этом женщины эмоционально вовлечены в отношения, сопереживание, стремление помочь ребенку. В связи с полученными данными, V фактор получил название «отсутствие самопринятия»

Анализ VI фактора дает основания полагать, что женщины проявляют доверие к ребенку, стремятся привить ему самостоятельность. Характер взаимодействия с ребенком отражает равенство и партнерство в отношениях, признание прав и достоинств ребенка. Женщины ориентированы на времяпрепровождение с ребенком. В связи с полученными данными, VI фактор получил название «признание прав и достоинств ребенка».

Подводя итог, для матерей пятого типа характерны чрезмерная самокритичность и аутоагрессия при применении строгих и авторитарных мер по отношению к ребенку. Их отношения с ребенком отличаются взаимностью, принятием, симпатией.

Женщины в целом удовлетворены отношениями и следуют поставленным целям и задачам материнства, осознавая его ценность для себя. Несмотря на удовлетворительные результаты воспитания, женщины ориентированы на саморазвитие. При этом повышенная тревожность, неуверенность в себе не позволяют им противостоять внешнему воздействию и реагировать на критику, сохранить адекватную самооценку. Женщины сверхкритичны к себе, демонстрируют аутообвинение и внутренние конфликты.

Таким образом, полученные результаты на данном этапе исследования подтверждают, что матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, помимо общих особенностей, обладают индивидуальными характеристиками. Выявленная типология личности матерей описывает комбинацию различных проявлений самосознания, что обуславливает один из пяти типов проявления насилия: «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение», «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку», «Насилие как способ проявления избегающей привязанности», «Насилие как способ компенсации не взаимности», «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение». Таким образом, типология создана на основе уникальной комбинации содержательных характеристик самосознания и отражает смысловые коннотации самосознания женщины, способы насилия, и степень их санкционированности.

2.5. Гармонизация самосознания, как условие нивелирования применения матерью насилия по отношению к ребенку

Полученные данные на первом этапе исследования показали, что самосознание матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, имеет искажения, обнаруживаемые в содержании отдельных компонентов самосознания и на уровне самосознания в целом. Данный факт был подкреплен результатами, полученными с помощью метода многомерной математической статистики – факторного анализа, который позволил выделить наиболее значимые скрытые характеристики самосознания.

С целью проверки предположения о возможности нивелирования насилия путем гармонизации самосознания был применен квазиэкспериментальный план.

На данном этапе исследования в качестве респондентов были задействованы 70 матерей, применяющие психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, которые были разделены на две группы: контрольную и экспериментальную.

Процесс комплектования групп был осуществлен на основе попарного отбора (по 35 человек в каждой). Необходимо отметить, что составленные группы были подвергнуты уравниванию согласно внутренним признакам и внешним составляющим (данные сравнения параметров экспериментальной и контрольной групп представлены в Приложении 9), анализ статистических различий показал отсутствие таковых.

В экспериментальной группе был реализован цикл занятий, направленный на гармонизацию самосознания женщин (приложение 10). Тематический план представлен в приложении 11. Контрольная группа не подвергалась психологическому воздействию.

Ретест в обеих группах производился через 3 недели после завершения психологического воздействия с целью фиксации пролонгированного эффекта воздействия, устойчивого результата и проверки эффективности программы в долгосрочной перспективе.

Отсроченный характер проведения повторного тестирования обусловлен спецификой психологических механизмов рефлексии и антиципации, используемых в программе, которые предполагают, что для сформирования анализа полученного опыта, респондентам требуется время на его накопление.

Данные, о содержательных характеристиках компонентов самосознания матерей в контрольной и экспериментальной группах, после экспериментального воздействия на экспериментальную группу были представлены к математико-статистической обработке с помощью Т-критерия Вилкоксона (Приложение 12).

Сопоставление значений компонентов самосознания матерей экспериментальной группы до и после реализации программы гармонизации самосознания позволяет зафиксировать значимые изменения (рисунок 6).

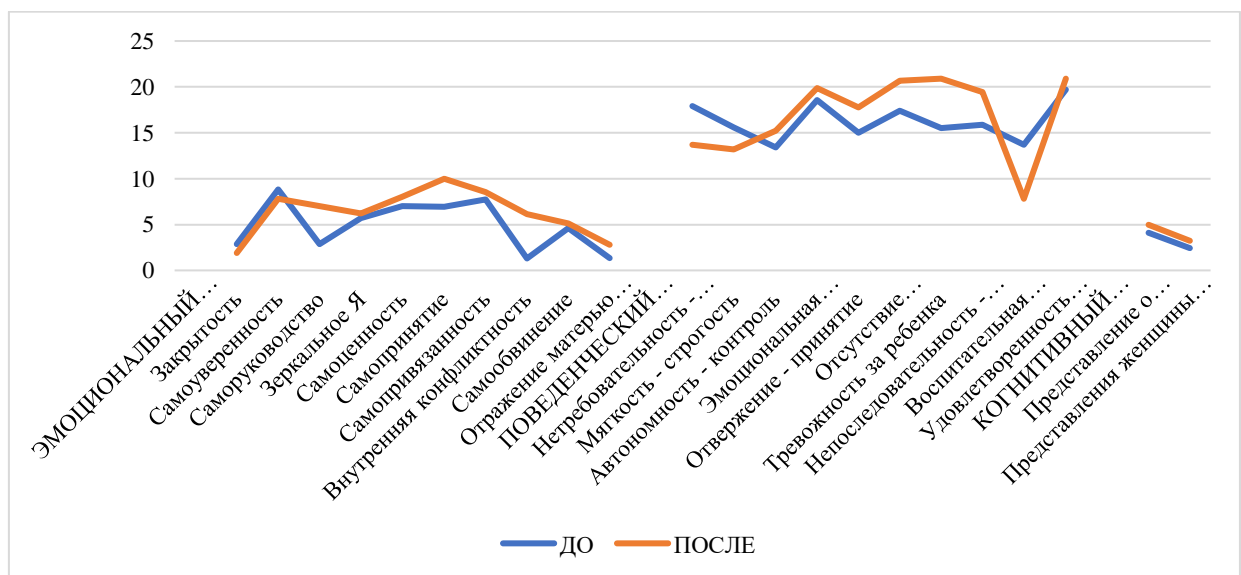

Рисунок 6. Значения параметров самосознания матерей экспериментальной группы До и После реализации программы гармонизации самосознания

Наблюдаемые изменения значений, которые входят в когнитивный компонент самосознания, позволили утверждать: у матерей в экспериментальной группе выше показатели (статистически значимо): представление о материнстве и себе как матери ($T = 31,5$, $P \leq 0,01$), представления женщины о реализации воспитательной деятельности ($T = 36$, $P \leq 0,01$).

Можно сделать вывод, что женщины стали акцентировать внимание при реализации материнских функций не на проявлении бытового ухода, а на создании надежной привязанности, выстраивании поведенческой стратегии, формировании адекватного образа «Я – мать».

Наибольшей положительной динамике среди переменных, описывающих эмоциональный компонент самосознания, подверглись параметры: отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия ($T = 0$, $P \leq 0,01$), саморуководство ($T = 5$, $P \leq 0,01$), самопринятие ($T = 0$, $P \leq 0,01$), внутренняя конфликтность ($T = 0$, $P \leq 0,01$), самообвинение ($T = 81$, $P \leq 0,01$), статистически значимо ниже уровень шкалы закрытость ($T = 68$, $P \leq 0,01$).

Таким образом, по итогам реализации экспериментального воздействия женщины начали ощущать ценность своей личности для ребенка, внутренний стержень, согласие с самой собой, влияние на результат своих действий. Однако при этом обострилась аутокритичность за свои неудачи, что связано с развитием рефлексии и принятием ответственности за свои действия. Однотипные закономерности были также определены у матерей, не применяющих насилие по отношению к ребенку.

Наибольшей динамике среди переменных, описывающих поведенческий компонент самосознания, подверглись параметры: автономность – контроль ($T = 64$, $P \leq 0,01$) и тревожность за ребенка ($T = 2$, $P \leq 0,01$), что связано с тем, что раньше были выявлены безразличное отношение к ребенку, вседозволенность, а после реализации воздействия стали проявляться забота о ребенке, ответственность и тревога за последствия

применения негативных методов воздействия. У матерей, не применяющих насилие по отношению к ребенку, также выражены данные параметры, что говорит о повышенной рефлексии и гиперответственности. Также выше стали шкалы: отвержение – принятие ($T = 17, P \leq 0,01$), отсутствие сотрудничества – сотрудничество ($T = 3, P \leq 0,01$), непоследовательность – последовательность ($T = 0, P \leq 0,01$), удовлетворенность отношениями с ребенком ($T = 108, P \leq 0,01$), и статистически значимо ниже уровень шкал: нетребовательность – требовательность ($T = 17,5, P \leq 0,01$), мягкость – строгость ($T = 62, P \leq 0,01$), воспитательная конфронтация в семье ($T = 0, P \leq 0,01$). Таким образом, женщины изменили воспитательную политику по отношению к ребенку в сторону мягкости и гибкости, что привело к снижению количества конфликтов в семье относительно реализуемых моделей поведения. Уровень самосознания повысился и стал соответствовать среднему уровню ($T = 0, P \leq 0,01$).

Таким образом, у матерей экспериментальной группы по итогам психологического воздействия наблюдается гармонизация самосознания. Женщины стали проявлять воспитательную гибкость, контролировать себя, ощущать самооценку, самопринятие и самопривязанность. Они демонстрируют развитие материнских функций и ориентацию не на бытовой уход, а на эмоциональные отношения с ребенком. У женщин появился более детализированный образ себя как матери. Следует отметить, что размер сочинения стал больше, содержание более разнообразным, что также говорит об ориентации матери на психологический контекст и рефлексии собственного опыта.

Наряду с ростом рефлексии и осознания возможных последствий применяемых насильственных методов по отношению к ребенку женщины стали демонстрировать критичность по отношению к качеству выполнения материнских функций, актуализировалась тревожность за ребенка, появилось желание изменить неодобряемые личностные качества, что стало фундаментом для принятия ответственности за реализацию воздействия на

ребенка и изменение поведенческих стратегий. Также по отношению к ребенку женщины стали демонстрировать последовательные методы воспитания, основанные на уважении и эмоциональном принятии. Однако при этом уровень тревожности и контроля стал выше, так как вместо безразличного отношения к ребенку и автономности, вседозволенности женщины стали демонстрировать заботу и тревогу за последствия применения деструктивных методов воздействия в прошлом.

Сопоставление значений компонентов самосознания матерей контрольной группы, полученные в первом и втором замерах (приложения 9, 12) указывает на их тождественность (рисунок 7).

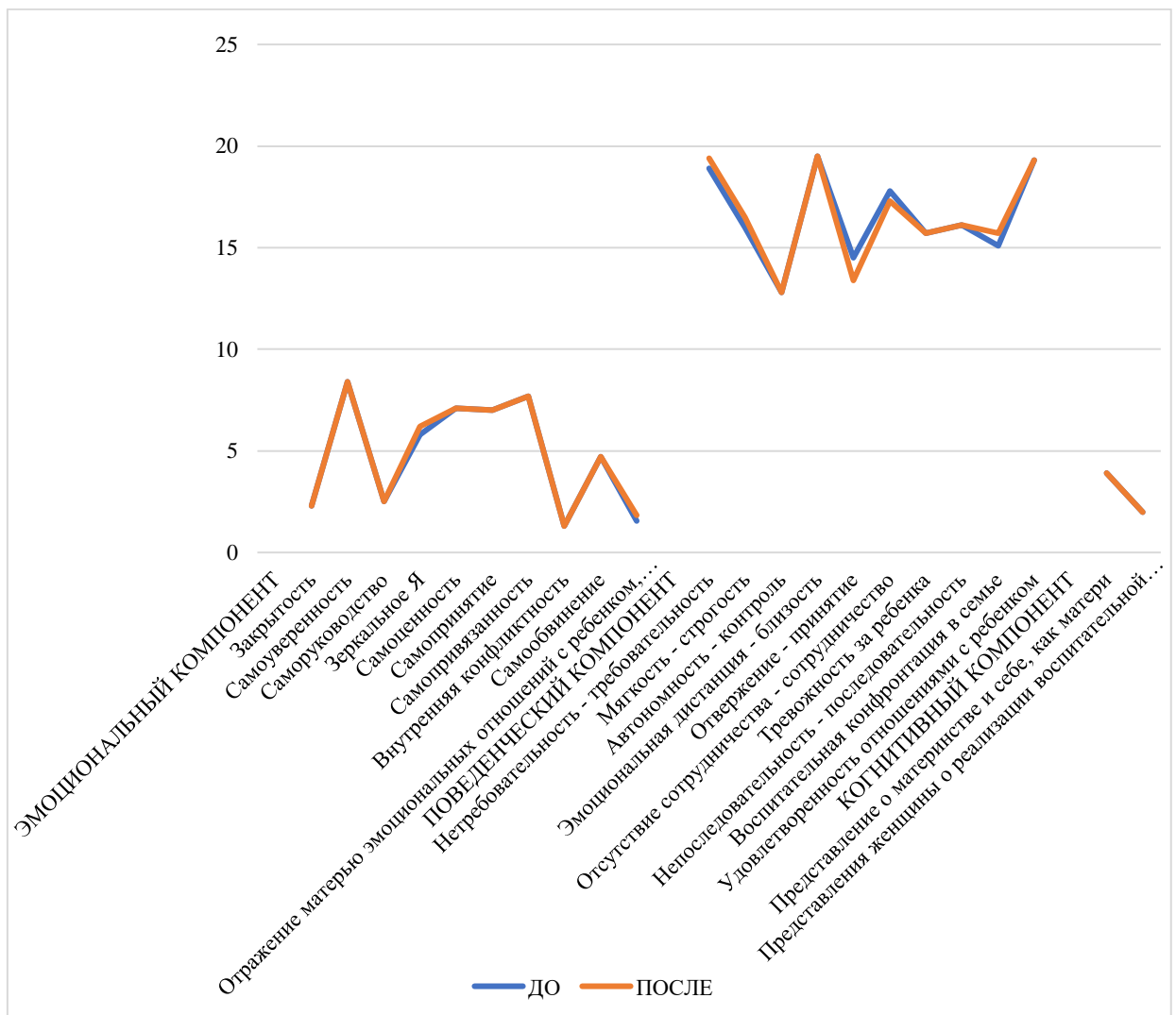

Рисунок 7. Значения параметров самосознания матерей контрольной группы при первом и втором замерах

Полученные данные подтверждают имеющиеся в отечественной психологии данные о динамическом характере самосознания и возможности его трансформации в условиях специально организованного психологического воздействия.

Рассмотрев изменения, которые произошли на уровне самосознания, обратимся к изменениям показателей применения насилия по отношению к ребенку (Приложение 13).

Для оценки сдвигов, которые произошли в применении насильственных способов воздействия был повторно использован опросник ICAST-P, который показал, что насилие как модель поведения существенно снизилось и практически перестало применяться в отношении детей ($T = 0$, $P \leq 0,01$) (рисунок 8, 9).

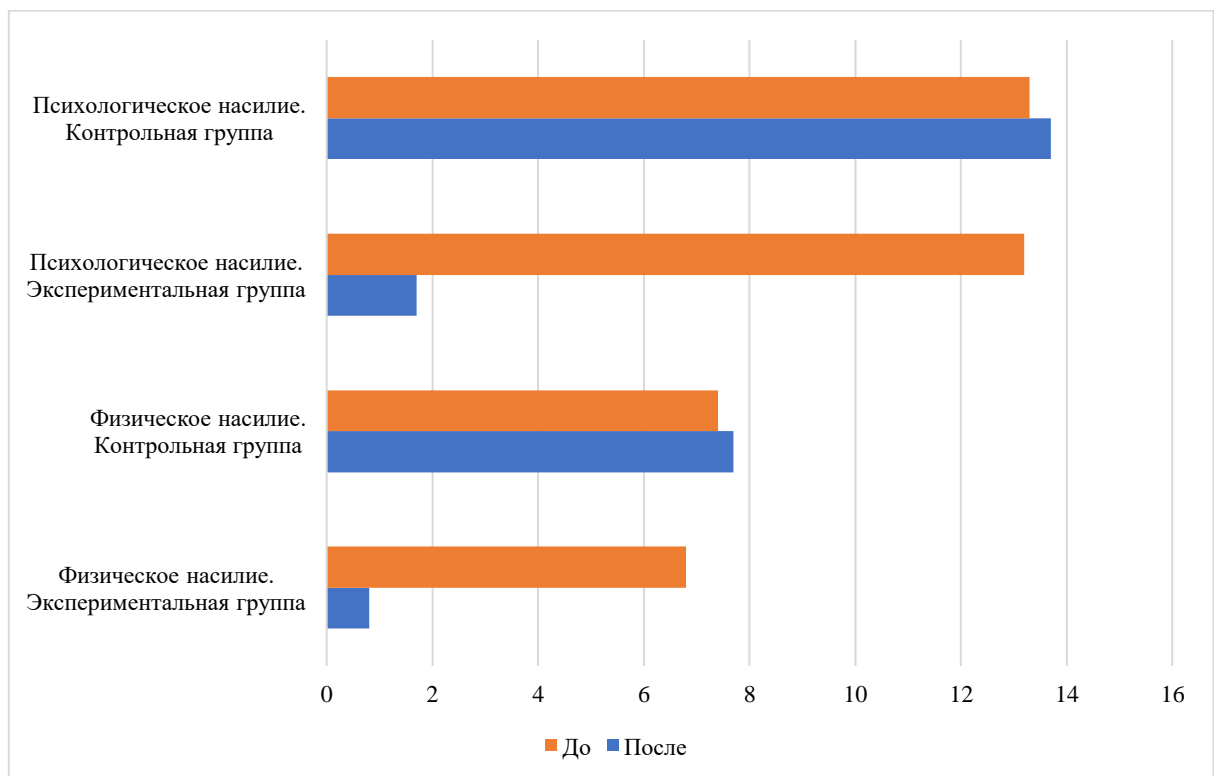

Рисунок 8. Динамика уровня психологического и физического насилия по отношению к ребенку у матерей экспериментальной группы До и После реализации программы гармонизации самосознания в сравнении с параметрами контрольной группы

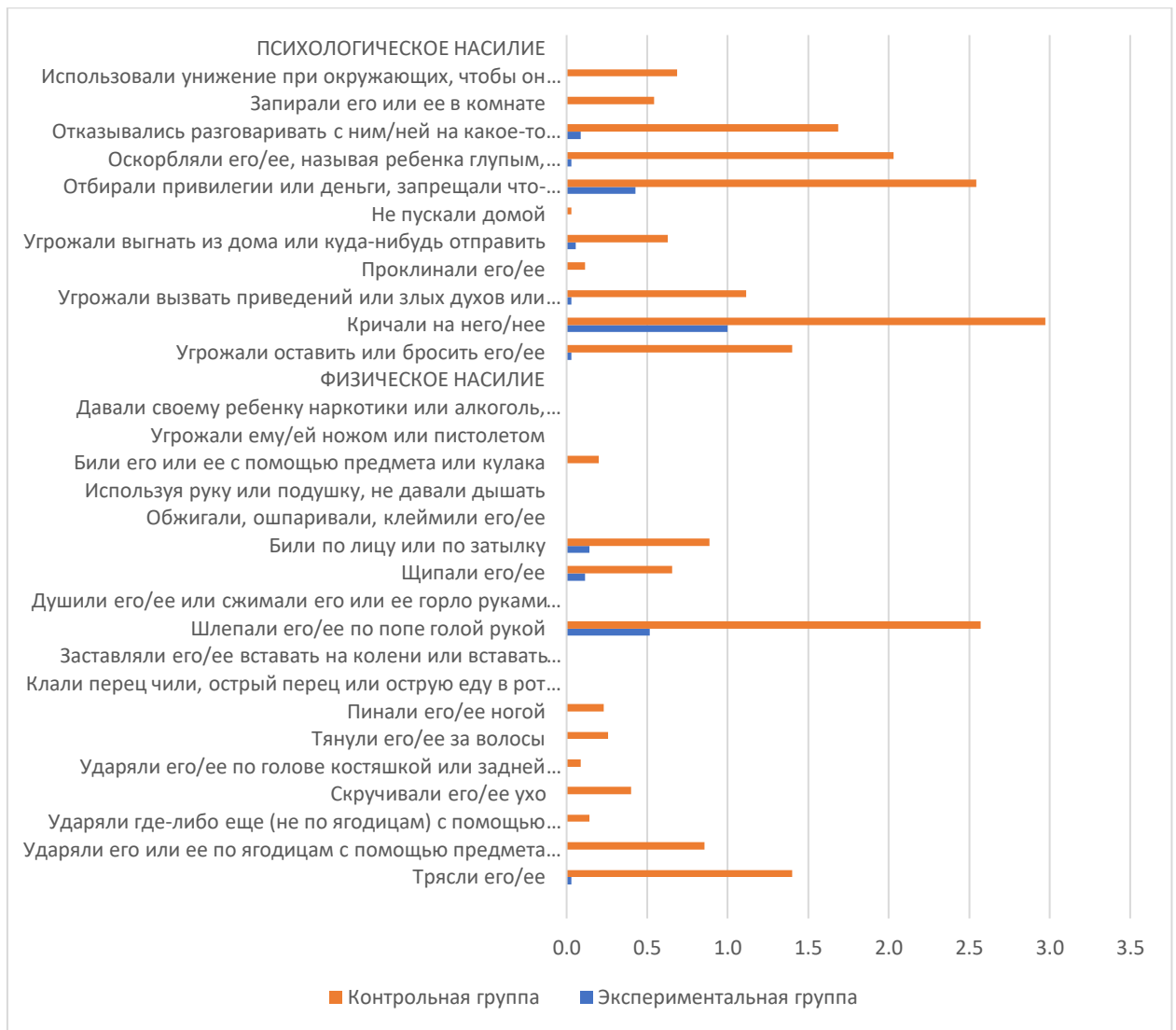

Рисунок 9. Способы психологического и физического насилия, применяемые матерями экспериментальной группы После реализации программы гармонизации самосознания в сравнении с параметрами контрольной группы

Представленные на рисунке 9 данные свидетельствуют, что по прошествии времени, у матерей контрольной группы сохранился весь репертуар методов и способов физического насилия.

Статистически значимых различий ни по одному из параметров психологического и физического насилия не обнаружено.

Анализ изменений с применением критерия Манна-Уитни, произошедших в группе матерей экспериментальной группы До и После психологического воздействия, направленного на гармонизацию самосознания, в сравнении с параметрами контрольной группы, показал, что матери экспериментальной группы прекратили применять в отношении детей

любые способы физического насилия: тряска ($U = 99,0$ при $p < 0,01$), удары по ягодицам с помощью предмета ($U = 280,0$ при $p < 0,01$), удары по лицу или по затылку ($U = 292,5$ при $p < 0,01$), шипки ($U = 373,0$ при $p < 0,01$).

Статистически значимо снизилось использование такого способа физического насилия как шлепки по попе голой рукой ($U = 28,5$ при $p < 0,01$).

Среди способов психологического насилия матери экспериментальной группы перестали использовать угрозы оставить или бросить ($U = 114,0$ при $p < 0,01$), вызвать привидений, злых духов или вредных людей ($U = 255,5$ при $p < 0,01$), выгнать из дома или куда-нибудь отправить ($U = 395,5$ при $p < 0,01$); оскорбления и унижения ($U = 23,5$ при $p < 0,01$), в том числе при других людях ($U = 385,0$ при $p < 0,01$); игнорирование ($U = 76,5$ при $p < 0,01$); лишение свободы перемещения ($U = 367,5$ при $p < 0,01$).

Статистически значимо снизилось использование таких способов психологического насилия как крик ($U = 4,5$ при $p < 0,01$) и лишение привилегий ($U = 98,0$ при $p < 0,01$).

Качественный анализ показал, в отношениях с ребенком женщины стали использовать конструктивные методы: методы активного слушания, Я-сообщение, убеждения, выбор альтернатив, систему последствий, изменение амплитуды голоса при обращении к ребенку.

Таким образом, полученные на данном этапе исследования результаты позволяют утверждать, что гармонизация самосознания обеспечивает нивелирование насилия по отношению к ребенку.

Выводы по второй главе

Проведенное нами эмпирическое исследование, направленное на изучение особенностей самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, позволяет сделать следующие выводы:

1. Виды и способы насилия, которые применяют матери по отношению к своему ребенку, представлены в ее самосознании. Психологическое и физическое насилие, в большинстве случаев, интерпретируется матерями как применение оправданных дисциплинарных мер. Виды и способы насилия по отношению к ребенку характеризуются неравномерной представленностью: психологическое насилие превалирует над физическим, распространенным способом психологического насилия является крик.

2. Психологический портрет личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку представлен совокупностью характеристик, существенно отличающих их от матерей не применяющих насилие: наличие среднего специального или неоконченного высшего образования, пребывание в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, статус многодетной матери, воспитание в неполной семье или с негармоничными отношениями родителей, являются объектами применения насилия со стороны мужа.

3. Существуют значимые различия в содержательных характеристиках самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку. У матерей, применяющих насилие к ребенку, были выявлены искаженные представления во всех компонентах самосознания, что позволило нам описать содержательные особенности самосознания матерей, применяющих насилие над ребенком. *В когнитивном компоненте:* неадекватные представления о целях и задачах воспитания, восприятие родительской компетенции как бытового ухода и реализации

послушания, усвоение норм и правил, незрелость материнской позиции; *в эмоциональном компоненте*: отрицание проблем, избирательное отношение к себе, самопринятие, отсутствие ориентации на эмоциональные отношения, условное принятие ребенка; *в поведенческом компоненте*: ригидность материнской позиции, преобладание строгих мер воспитания. Преобладающим является низкий уровень самосознания.

4. Основу прогностической модели, позволяющей оценить наличие/отсутствие применения насилия по отношению к ребенку составляют переменные, отражающие качественные различия содержания самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку и матерей, которые насилие не применяют (представления женщины о реализации воспитательной деятельности; отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, самоуверенность, саморуководство, самооценность, самопринятие, внутренняя конфликтность, самообвинение; мягкость – строгость; отвержение – принятие; отсутствие сотрудничества – сотрудничество; непоследовательность – последовательность; удовлетворенность отношениями с ребенком).

5. Факторная структура самосознания матерей, применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку, имеет существенные различия в смысловой интерпретации по каждому из значимых фокусов самосознания: «Представления о материнстве», «Объект критики», «Объект принятия», «Фокус внимания», «Характер отношений с ребенком».

Матери, применяющие насилие по отношению к ребенку, характеризуются искаженными представлениями о материнстве, критичностью по отношению к ребенку, самопринятием, отрицанием собственных проблем, не взаимностью отношений с ребенком. Матери, не применяющие насилие, имеют корректные представления о ценностях и целях материнства, характеризуются свехкритичностью к себе как матери, принятием ребенка, саморуководством, удовлетворенностью отношениями с ребенком.

Маркеры применения матерью насилия по отношению к ребенку обнаруживаются в ее самосознании в виде симптомокомплекса: необъективные оценки результатов воспитательного воздействия – критичность по отношению к ребенку – неадекватный образ Я – отрицание собственных проблем – не взаимность отношений с ребенком.

6. Уникальная комбинация содержательной наполненности самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, позволила выделить пять типов личности матерей: «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение», «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку», «Насилие как способ проявления избегающей привязанности», «Насилие как способ компенсации не взаимности», «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение».

7. Нивелировать проявление матерью насилия можно путем гармонизации ее самосознания. Были зафиксированы существенные изменения во всех компонентах самосознания.

8. Так, в *когнитивном компоненте* сдвиги произошли в создании реалистичных представлений о себе как о матери, реализации воспитательной деятельности. В *эмоциональном компоненте* сдвиги произошли в таких переменных, как саморуководство, открытость, осознание своей ценности для ребенка, эмоциональные отношения с ребенком.

Однако психологическое просвещение и развитие саморефлексии повлияли на формирование критичности по отношению к поведенческим стратегиям и личностным характеристикам матери.

Наибольшей динамике в *поведенческом компоненте* подверглись переменные: принятие ребенка, применение последовательных гибких мер, сотрудничества, удовлетворенность отношениями. Однако помимо проявления заботы о ребенке женщины стали проявлять тревогу и чрезмерный контроль.

Уровень самосознания повысился и стал соответствовать среднему уровню. Зафиксировано, что гармонизация самосознания обеспечила нивелирование использования психологического и физического насилия как модели поведения по отношению к ребенку.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В отечественных и в зарубежных исследованиях все чаще исследовательский интерес обращен к изучению личности женщины, ее трансформаций в связи с принятием роли матери. С одной стороны, степень принятия и реализации женщиной себя в роли матери имеет существенное значение для ребенка, поскольку вклады матери в развитии взрослеющего человека не могут сравниться по своей силе и значимости с вкладами других людей. С другой стороны, сама по себе роль матери создает новое пространство смыслов и ценностей женщины, которые определяют новые векторы ее становления и развития как личности в контексте реализации особой социально значимой роли, предполагающей передачу ребенку социокультурного опыта.

В зависимости от ценностно-смыслового отношения женщина может по-разному воспринимать роль матери и взаимодействовать с ребенком. Если материнство опирается на ценностное отношение к ребенку, то это может способствовать более качественному развитию личности ребенка и укреплению взаимоотношений между матерью и ребенком. Если материнство обусловлено социальным или только фаталистическим мотивом, отношение к ребенку будет не субъектным, а объектным. В таком случае взаимоотношения между матерью и ребенком могут быть напряженными и зависеть от восприятия женщиной своей социальной успешности как матери. Если же материнство определяется инструментальными мотивами, то это может привести к использованию ребенка как средства для достижения других целей, что может негативно повлиять на его развитие и взаимоотношения с матерью.

Ключевой характеристикой личности матери является ее самосознание, которое воплощает в себе основное содержание личности, мотивы действий и определяет внутренний смысл тех задач, которые женщина решает, реализуя

материнские функции. Являясь сложным структурным образованием, самосознание матери представлено совокупностью взаимосвязанных и взаимообусловленных структурных компонентов - когнитивного, эмоционального и поведенческого, уникальная комбинация содержания которых отражает смысловое наполнение концепта материнства, отношение к ребенку и себе как матери, сложившиеся модели материнского поведения. Самосознание матери является динамичным образованием. Достижение высокого уровня развития самосознания характеризуется его качественной перестройкой, обеспечивающей целостность и дифференцированность образа «Я – мать», укрепление ценностей материнства, безусловное принятие ребенка, позитивное отношение к себе как матери (при осознании своих сильных и слабых сторон), гармонизацию моделей поведения в отношениях в отношениях с собой, с ребенком, с супругом, с другими людьми.

Любые деформации и/или искажения, неразвитость самосознания матери накладывают свой отпечаток на специфике реализации материнских функций и определяют закрепление деструктивных моделей поведения матери по отношению к ребенку, распространенной среди которых является применение насилия к ребенку – модель поведения, отражающая систематическое (устойчивое) преднамеренное физическое или психологическое воздействие матери на ребенка, причиняющее ему психические и/или физические страдания и/или имеющие негативные последствия для его развития. В отличие от ненасильственного воздействия, например, в случае недостаточной мотивации, неразвитой произвольности поведения, которое обеспечивает удовлетворение важных потребностей ребенка, насилие имеет целью установление власти над ребенком и/или удовлетворение матерью своих потребностей.

Проведенное нами исследование позволило зафиксировать высокую частоту встречаемости феномена насилия. Установлено преобладание психологического насилия над физическим, распространенным способом психологического насилия является крик. Установлено, что у 51,3% матерей

насилие является устойчивой моделью поведения. При существовании множества видов насилия и широкого спектра способов его применения, современные психологи единодушно указывают на неблагоприятные последствия применения матерью любого вида насилия для ребенка, которые чаще всего проявляются в личностной деформации, понижении когнитивных функций, проблемах соматического плана, повышенной агрессивности и импульсивности, низкой самооценке, эмоциональной депривации и др. Спектр причин применения матерью насилия по отношению к ребенку весьма разнообразен, однако эти причины всегда обусловлены либо личностными особенностями матери (агрессивность, низкая самооценка, тревожность и др.) либо характером ее отношений с близким кругом (негативные сценарии воспитания в родительской семье, конфликтный характер отношений с супругом) и др.

Представленное в настоящей работе исследование изучения самосознания матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, позволило зафиксировать существенные выводы:

1. Виды и способы насилия, которые применяют матери по отношению к своему ребенку, представлены в ее самосознании. Психологическое и физическое насилие, в большинстве случаев, интерпретируется матерями как применение оправданных дисциплинарных мер. Наиболее значимыми характеристиками личности матери, применяющей насилие по отношению к ребенку, в отличии от матерей, не применяющих насилие, являются: наличие среднего специального или неоконченного высшего образования, находятся в декретном отпуске или в отпуске по уходу за ребенком, росли в семье с негармоничными отношениями между родителями, их детство проходило в неполных семьях, являются многодетными мамами, подвержены насилию со стороны мужа (психологическому, физическому или экономическому) или дисгармоничными отношениями с мужем.

2. В отличие от женщин, не применяющих насилие, у матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, преобладает низкий уровень развития самосознания, что характеризуется наличием искажений в каждом компоненте: эгоцентризм, незрелость материнской позиции, искаженные представления о целях и задачах материнской деятельности (*когнитивный компонент*); отрицание проблем, самоуважение, самопринятие, условное принятие ребенка, отсутствие ориентации на эмоционально близкие отношения с ребенком (*эмоциональный компонент*); ригидность материнской позиции, чрезмерная строгость и требовательность к ребенку, применение непоследовательных и конфликтных мер, нацеленность на реализацию бытового ухода и послушания (*поведенческий компонент*).

3. Маркеры применения матерью насилия по отношению к ребенку обнаруживаются в ее самосознании в виде симптомокомплекса: необъективные оценки результатов воспитательного воздействия – критичность по отношению к ребенку – неадекватный образ Я – отрицание собственных проблем – не взаимность отношений с ребенком.

4. Особенности личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку, представлены пятью типами: «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение», «Насилие как проекция негативного отношения к себе и ребенку», «Насилие как способ проявления избегающей привязанности», «Насилие как способ компенсации не взаимности», «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение», отражающими смысловые коннотации самосознания женщины, способы насилия, и степень их санкционированности.

5. Гармонизация самосознания позволяет нивелировать применение матерью насилия по отношению к ребенку и обеспечивает формирование ценностных представлений о материнстве, ребенке и себе как матери, навыков саморегуляции; укрепление эмоциональных связей с ребенком и создание надежной привязанности.

Перспективами дальнейшей работы могут стать изучение кросс-культурных особенностей самосознания матерей, применяющих насилие, а также разработка и валидизация опросника, направленного на определение выделенных нами типов личности матерей, применяющих насилие по отношению к ребенку.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Адлер, А. Воспитание детей. Взаимодействие полов / А. Адлер. – Ростов-на-Дону : Феникс, 1998. – 448 с. – Текст : непосредственный.
2. Акулич, М. М. Основные подходы к изучению семейного насилия над детьми в современной социологии / М. М. Акулич, О. А. Беседина. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 3: Общественные науки. – 2013. – № 2 (115). – С. 89–96.
3. Алексеева, И. А. Жестокое обращение с ребенком: причины, последствия, помощь / И. А. Алексеева, И. Г. Новосельский. – Москва : Генезис, 2005. – 270 с. – Текст : непосредственный.
4. Алексеева, Л. С. О насилии над детьми в семье / Л. С. Алексеева. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2003. – № 4. – С. 78–85.
5. Амбелен, Р. Драмы и секреты истории, 1306–1643 : пер. с фр. / Р. Амбелен. – Москва : Прогресс, 1993. – 302 с. – Текст : непосредственный.
6. Анохин, П. К. Биология и нейрофизиология условного рефлекса / П. К. Анохин. – Москва : Медицина, 1968. – 547 с. – Текст : непосредственный.
7. Антонян, Ю. М. Жестокость в нашей жизни / Ю. М. Антонян. – Москва : Инфра-М, 1995. – 319 с. – Текст : непосредственный.
8. Антонян, Ю. М. Причины насилия в семье / Ю. М. Антонян. – Текст : электронный // Пенитенциарная наука. – 2020. – № 14 (2). – С. 167–176. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/prichiny-nasiliya-v-semie> (дата обращения: 26.05.2022).
9. Аптикиева, Л. Р. Семья как фактор личностного развития ребенка / Л. Р. Аптикиева, А. Х. Аптикиев, М. С. Бурсакова. – Текст : электронный // Вестник Оренбургского государственного университета. – 2014. – № 7 (168).

– С. 185-190. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=22133052> (дата обращения: 26.02.2022).

10. Асанова, Н. Обретение радости: игровая психоаналитическая терапия в лечении детей, подвергшихся плохому обращению / Н. Асанова. – Текст : непосредственный // Прикладная психология и психоанализ. – 1997. – № 1. – С. 18–23.

11. Асмолов, А. Г. Личность как предмет психологического исследования : монография / А. Г. Асмолов. – Москва : МГУ, 1984. – 104 с. – Текст : непосредственный.

12. Бадинтер, Э. Любовь в дополнение: история материнской любви (18–20 века) / Э. Бадинтер. – Москва : Мир, 1990. – 284 с. – Текст : непосредственный.

13. Баженова, О. В. Готовность к материнству: выделение факторов, условий психологического риска для будущего развития ребенка / О. В. Баженова, Л. Л. Баз, О. А. Копыл. – Текст : непосредственный // Социологические исследования. – 2013. – № 4. – С. 15–20.

14. Белякова, Е. Г. Психология и педагогика : учебное пособие для студентов вузов / Е. Г. Белякова, И. Г. Фомичева. – Тюмень : ТюмГУ, 2010. – 267 с. – Текст : непосредственный.

15. Березина, О. А. Особенности самосознания матерей в связи с этнической принадлежностью / О. А. Березина, С. Ю. Жданова. – Текст : электронный // Теория, методология и практика интегрального исследования индивидуальности в современном человекознании : материалы Всероссийской научно-практической конференции, 06–08 октября 2016 года / Пермский государственный гуманитарно-педагогический университет. – Пермь : ПГППУ, 2016. – С. 213–216 – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26729375> (дата обращения: 26.10.2021).

16. Бернс, Р. Развитие Я-концепции и воспитание / Р. Бернс. – Москва : Прогресс, 1986. – 420 с. – Текст : непосредственный.

17. Большакова, Л. Н. Социально-психологическая адаптация родителей и детей в приемной семье : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Л. Н. Большакова ; Ярославский государственный педагогический университет им. К. Д. Ушинского. – Ярославль, 2004. – 236 с. – Текст : непосредственный.

18. Бондаревская, Е. В. Развитие идей педагогической культуры в новых условиях / Е. В. Бондаревская. – Текст : непосредственный // Введение в педагогическую культуру : учебное пособие / под общей редакцией Е. В. Бондаревской. – Ростов-на-Дону : РГПУ, 1995. – С. 23–45.

19. Боровикова, Н. В. Психологические аспекты трансформации Я-концепции беременной женщины / Н. В. Боровикова. – Текст : непосредственный // Перинатальная психология и нервно-психическое развитие детей : материалы конференции, 27 мая 1998 года. – Санкт-Петербург, 1998. – С. 12–15.

20. Борозинец, И. М. Социально-психологические аспекты помощи детям-сиротам, оставшимся без попечения родителей / И. М. Борозинец. – Ставрополь : СТАВГУ, 2003. – 98 с. – Текст : непосредственный.

21. Боулби, Дж. Привязанность / Дж. Боулби. – Москва : АСТ, 2003. – 240 с. – Текст : непосредственный.

22. Брутман, В. И. Формирование привязанности матери к ребенку в период беременности / В. И. Брутман, М. С. Радионова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 1997. – № 7. – С. 34–59.

23. Быстрова, Н. В. Материнство как социокультурный феномен / Н. В. Быстрова, Е. Е. Плотникова. – Текст : электронный // Теория и практика общественного развития. – 2015. – № 22. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/materinstvo-kak-sotsiokulturnyy-fenomen-1> (дата обращения: 21.07.2021).

24. Валитова, И. Е. Особенности самосознания матери ребенка с ограниченными возможностями здоровья / И. Е. Валитова. – Текст :

электронный // Развитие личности на разных этапах онтогенеза. – 2018. – № 4. – С. 57–85 – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=38511310> (дата обращения: 12.02.2022).

25. Валитова, И. Е. Содержание образа Я у матерей, имеющих детей раннего возраста с отклонениями в развитии / И. Е. Валитова. – Текст : электронный // Право. Экономика. Психология. – 2020. – № 3 (19). – С. 83–89. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=44022838> (дата обращения: 12.02.2022).

26. Варга, А. Я. Системная семейная психотерапия / А. Я. Варга. – Санкт-Петербург : Речь, 2001. – 142 с. – Текст : непосредственный.

27. Варга, А. Я. Структура и типы родительского отношения : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / А. Я. Варга ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 1986. – 189 с. – Текст : непосредственный.

28. Васягина, Н. Н. Мать как субъект социокультурного пространства : монография / Н. Н. Васягина. – Екатеринбург : [б. и.], 2010. – 339 с. – Текст : непосредственный.

29. Васягина, Н. Н. Обучение как форма психолого-педагогического сопровождения родителей / Н. Н. Васягина. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2011. – № 3. – С. 126–132.

30. Васягина, Н. Н. Особенности субъектности матери в период восстановления родительских прав : монография / Н. Н. Васягина, Е. О. Мазурчук ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2021. – 180 с. – Текст : непосредственный.

31. Васягина, Н. Н. Самосознание матери: структурно-содержательный анализ : монография / Н. Н. Васягина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2007. – 168 с. – Текст : непосредственный.

32. Васягина, Н. Н. Субъектное становление матери в современном социокультурном пространстве / Н. Н. Васягина ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2013. – 309 с. – Текст : непосредственный.

33. Векленко, В. В. Психическое насилие как средство совершения преступлений: проблемы квалификации / В. В. Векленко. Е. Н. Бархатова. – Текст : непосредственный // Современное право. – 2013. – № 7. – С. 134–141.

34. Винкушина, Л. З. Насилие в семье / Л. З. Винкушина, – Текст : непосредственный // Современное право. – 2019. – № 7. – С. 54–57.

35. Винникотт, Д. В. Семья и развитие личности. Мать и дитя : руководство по начальным взаимоотношениям / Д. В. Винникотт. – Екатеринбург : Литур, 2004. – 390 с. – Текст : непосредственный.

36. ВОЗ. информационный бюллетень. ноябрь 2022. – Текст : электронный // Социальные аспекты здоровья населения. – 2022. – № 6. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/voz-informatsionnyy-byulleten-noyabr-2022> (дата обращения: 26.09.2022).

37. Волкова, Е. Н. Диагностика распространенности насилия и жестокого обращения среди детей / Е. Н. Волкова, О. М. Исаева. – Нижний Новгород : Нижегородская радиолоборатория, 2013. – 97 с. – Текст : непосредственный.

38. Вундер, Д. С. Особенности самосознания работающих и неработающих матерей / Д. С. Вундер. – Текст : непосредственный // Личность в современном мире : сборник научных статей Всероссийской научно-практической конференции / Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор Н. С. Белоусова. – Екатеринбург : [б. и.], 2014. – С. 107–113.

39. Выготский, Л. С. Психология развития человека / Л. С. Выготский. – Москва : Смысл ; Эксмо, 2005. – 1136 с. – Текст : непосредственный.

40. Галтунг, Д. Культурное насилие / Д. Галтунг. – Текст : непосредственный // Социальные конфликты. Экспертиза. Прогнозирование.

Технологии разрешения. Выпуск 8 / Международный центр общечеловеческих ценностей. – Москва : Центр конфликтологии, 1995. – С. 34–55.

41. Галицкий, М. Психологическое насилие в семье / М. Галицкий. – Текст : непосредственный // Юрист. – 2011. – № 20. – С. 4–9.

42. Галлямов, Н. А. Детство без жестокости и насилия: защита и помощь / Н. А. Галлямов. – Текст : непосредственный // Вопросы ювенальной юстиции. – 2010. – № 3. – С. 13–16.

43. Галстян, М. Н. Профилактика насилия и жестокого обращения с детьми / М. Н. Галстян, Н. А. Переломова. – Текст : непосредственный // Работа социального педагога в школе и микрорайоне. – 2016. – № 6. – С. 65–102.

44. Гирфанова, Л. П. Системный подход к общечеловеческим ценностям как общечеловеческим целям образования / Л. П. Гифанова. – Текст : непосредственный // Педагогический журнал Башкортостана. – 2010. – № 4 (29). – С. 173–178.

45. Глозман, Ж. М. Детско-родительские отношения как фактор личностного и социального благополучия ребенка / Ж. М. Глозман, Л. М. Винникова. – Текст : непосредственный // Современное дошкольное образование теория и практика. – 2012. – № 2. – С. 52–55.

46. Глуханюк, Н. С. Практикум по психодиагностике : учебное пособие / Н. С. Глуханюк. – Москва : МПСИ, 2005. – 216 с. – Текст : непосредственный.

47. Гордеева, М. Зона особого внимания / М. Гордеева. – Текст : непосредственный // Семья и школа. – 2013. – № 7/8. – С. 24–27.

48. Григорян, Е. Н. Типологические особенности дисгармоничных матерей / Е. Н. Григорян. – Текст : электронный // Психологические проблемы современной семьи : сборник материалов VIII международной научно-практической конференции, 03–06 октября 2018 года / Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург : [б. и.], 2018.

– С. 757–763. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=37250618> (дата обращения: 12.04.2022).

49. Девиантное материнское поведение (опыт междисциплинарного анализа случая отказа от ребенка) / В. И. Брутман, А. Я. Варга, М. С. Радионова, О. Г. Исупова. – Текст : непосредственный // Консультативная психология и психотерапия. – 1996. – Т. 4, № 4. – С. 81–98.

50. Демоз, Л. Психоистория / Л. Демоз. – Ростов-на-Дону : Феникс, 2000. – 509 с. – Текст : непосредственный.

51. Динамические характеристики системы идентичности студентов-психологов в процессе обучения / О. А. Браун, М. Г. Аркузин, Е. В. Аршинова, М. А. Билан. – Текст : электронный // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Психология. – 2019. – Т. 30. – С. 15–29. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/dinamicheskie-harakteristiki-sistemy-identichnosti-studentov-psihologov-v-protssesse-obucheniya> (дата обращения: 22.05.2021).

52. Дольто, Ф. На стороне ребенка / Ф. Дольто. – Екатеринбург : У-Фактория, 2003. – 672 с. – Текст : непосредственный.

53. Домашний тиран. – Текст : электронный // Психология для жизни. – 2019. – № 3. – С. 5–10. – URL: <https://www.mgpu.ru/wp-content/uploads/2020/11/2019-3-Abyuz-Nasilie.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

54. Ерусланова, Р. И. Насилие в семье : учебное пособие / Р. И. Ерусланова, К. В. Милюхин. – Москва : Дашков и К, 2011. – 208 с. – Текст : непосредственный.

55. Жданова, С. Ю. Метафора как способ изучения особенностей самосознания матерей разных этносов / С. Ю. Жданова, О. А. Березина. – Текст : электронный // Metaphor as means of knowledge Communication : International Symposium: book of abstracts, 10–14 октября 2016 года. – Perm : ПГНИУ, 2016. – С. 146–147. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=28988060> (дата обращения: 21.03.2022).

56. Захаров, А. И. Происхождение детских неврозов и психотерапия / А. И. Захаров. – Москва : Эксмо-Пресс, 2000. – 448 с. – Текст : непосредственный.

57. Захаров, А. И. Ребенок до рождения и психотерапия последствий психических травм / А. И. Захаров. – Санкт-Петербург : СОЮЗ, 1998. – 144 с. – Текст : непосредственный.

58. Захарова, Е. И. Родительство как возрастно-психологический феномен : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Е. И. Захарова ; Московский государственный университет им. М. В. Ломоносова. – Москва, 2017. – 548 с. – Текст : непосредственный.

59. Защита прав и достоинства маленького ребенка: координация усилий семьи и детского сада : пособие для работников дошкольных образовательных учреждений / Т. Н. Доронова, Л. Г. Голубева, А. Е. Жичкина [и др.]. – Москва : Образование, 2001. – 228 с. – Текст : непосредственный.

60. Зенкова, Т. М. Особенности мотивационной сферы материнства беременных женщин с различным отношением к ребенку : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Т. М. Зенкова ; Дальневосточный государственный университет путей сообщений. – Хабаровск, 2005. – 224 с. – Текст : непосредственный.

61. Зиновьева, Н. О. Психология и психотерапия насилия. Ребенок в кризисной ситуации / Н. О. Зиновьева, Н. Ф. Михайлова. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 248 с. – Текст : непосредственный.

62. Иващенко, А. В. Я-концепция личности в отечественной психологии / А. В. Иващенко, В. С. Агапов, И. В. Барышникова. – Москва : МГСА, 2000. – 153 с. – Текст : непосредственный.

63. Илгамова, Э. З. Феномен семейного насилия в отношении детей / Э. З. Илгамова. – Текст : электронный // Вестник Казанского технологического

университета. – 2011. – № 1. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/fenomen-semeynogo-nasiliya-v-otnoshenii-detey> (дата обращения: 22.10.2021).

64. Ильин, И. А. О сопротивлении злу силою / И. А. Ильин. – Текст : непосредственный // Ильин И. А. Путь к очевидности. – Москва : Республика, 1993. – С. 6–132.

65. Исаева, О. М. Разработка измерительных инструментов для оценки распространенности насилия над детьми / О. М. Исаева. – Текст : непосредственный // Система защиты детей от насилия: достижения и задачи развития : материалы 10 международной научно-практической конференции. – Москва : [б. и.], 2010. – С. 78–82.

66. Исенина, Е. И. Понятие «базовые качества матери» / Е. И. Исенина. – Текст : непосредственный // Материнство. Психолого-социальные аспекты (норма и девиация). – Иваново : [б. и.], 2002. – С. 20–24.

67. Исупова, О. Г. Материнская любовь: еще один вид долга, основанного на любви / О. Г. Исупова. – Текст : электронный // Социодиггер. – 2022. – Т. 3, № 1–2 (16). – С. 79–82. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=49386689> (дата обращения: 12.06.2022).

68. К столетию «Принципов психологии» У. Джемса. – Текст : непосредственный // Джемс У. Психология. – Москва : Педагогика, 1991. – С. 5–10.

69. Карабанова, О. А. В поисках оптимального стиля родительского воспитания / О. А. Карабанова. – Текст : электронный / Национальный психологический журнал. – 2019. – № 3 (35). – С. 71–79. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/v-poiskah-optimalnogo-stilya-roditelskogo-vozpitanija> (дата обращения: 26.05.2022).

70. Карабанова, О. А. Психология семейных отношений и основы семейного консультирования : учебное пособие / О. А. Карабанова. – Москва : ВЛАДОС, 2005. – 320 с. – Текст : непосредственный.

71. Каракастанда, Л. М. Психологическое насилие: оценка масштаба проблемы в три поколения / Л. М. Каракастанда, М. Д. Красилова. – Текст :

электронный // Молодой ученый. – 2022. – № 49 (444). – С. 373–375. – URL: <https://moluch.ru/archive/444/97533/> (дата обращения: 26.09.2022).

72. Кауфман, М. Семь «П» мужского насилия / М. Кауфман. – Текст : непосредственный // Женские миры-99: западный опыт и гендерные исследования в России : материалы VII всемирный женский междисциплинарный конгресс в Тромсо и гендерные исследования в России / под редакцией О. В. Шныровой. – Иваново : [б. и.], 1999. – С. 56–77.

73. Кодекс Российской Федерации об административных правонарушениях : официальный текст. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_34661/ (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

74. Козер, Л. А. Функции социального конфликта / Л. А. Козер. – Москва : Идея-Пресс, 2000. – 205 с. – Текст : непосредственный.

75. Колдаева, Н. Последствия крика на детей / Н Колдаева. – Текст : электронный // Филиал ФБУЗ «Центр гигиены и эпидемиологии в Рязанской области в Шиловском районе». – URL: <http://cgie.62.rospotrebнадzor.ru/content/1184/> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

76. Кон, И. С. В поисках себя. Личность и ее самосознание / И. С. Кон. – Москва : Прогресс, 1990. – 367 с. – Текст : непосредственный.

77. Кон, И. С. Открытие «Я» / И. С. Кон. – Москва : Политиздат, 1978. – 367 с. – Текст : непосредственный.

78. Конвенция о правах ребенка : [принята резолюцией 44/25 Генеральной Ассамблеи ООН от 20 ноября 1989 года]. – URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_9959/ (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

79. Кохут, Х. Анализ самости: систематический подход к лечению нарциссических нарушениям личности / Х. Кохут. – Москва : Когито-Центр, 2003. – 308 с. – Текст : непосредственный.

80. Лактионова, М. А. Гендерное насилие как глобальная проблема: экспертный анализ / М. А. Лактионова. – Текст : непосредственный // Национальная безопасность. – 2011. – № 4 (15). – С. 27–35.

81. Леонтьев, Д. А. Что дает психологии понятие субъекта: субъектность как измерение личности / Д. А. Леонтьев. – Текст : электронный // Эпистемология и философия науки. – 2010. – Т. 25, № 3. – С. 135–153. – URL: <https://elibrary.ru/ncjxar> (дата обращения: 12.06.2022).

82. Леонтьев, Д. А. Феномен рефлексии в контексте проблемы саморегуляции / Д. А. Леонтьев. – Текст : непосредственный // Психологические исследования. – 2011. – № 2 (16). – С. 34–38.

83. Лидерс, А. Г. Стиль семейного воспитания и личностные особенности родителей / А. Г. Лидерс, Е. Н. Спирева. – Москва : Омега, 2006. – 218 с. – Текст : непосредственный.

84. Мазурчук, Е. О. Актуализация субъектности матери в период восстановления родительских прав : специальность 19.00.07 «Педагогическая психология» : диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е. О. Маурчук ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2019. – 266 с. – Текст : непосредственный.

85. Мазурчук, Е. О. Субъектность матери в период восстановления родительских прав / Е. О. Мазурчук. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы психологии личности : сборник научных трудов. Выпуск 14 / Уральский государственный педагогический университет ; ответственный редактор Н. Н. Васягина. – Екатеринбург : [б. и.], 2017. – С. 119–122.

86. Малюкова, Ф. Р. Факторы аутодеструктивной интенции самосознания женщин, характеризующихся рискованным репродуктивным поведением / Ф. Р. Малюкова. – Текст : непосредственный // Известия международной академии аграрного образования. – 2012. – № 15 (3). – С. 9–18.

87. Марковская, И. М. Тренинг взаимодействия родителей с детьми / И. М. Марковская. – Санкт-Петербург : Речь, 2005. – 150 с. – Текст : непосредственный.

88. Микрушина, А. В. Рефлексия в психологии / А. В. Микрушина. – Санкт-Петербург : Речь, 2005. – 76 с. – Текст : непосредственный.

89. Матвеева, Е. В. Анализ материнства с позиции теории деятельности / Е. В. Матвеева. – Киев : ВГГУ, 2004. – 250 с. – Текст : непосредственный.

90. Мещерякова, С. Ю. Психологическая готовность к материнству / С. Ю. Мещерякова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2000. – № 5. – С. 18–27.

91. Мещерякова, С. Ю. Путь к материнству начинается с младенчества / С. Ю. Мещерякова. – Текст : непосредственный // Дошкольное воспитание. – 2002. – № 11. – С. 81–89.

92. Мигунова, Ю. В. Жестокое обращение с детьми в семье как предмет социологического анализа / Ю. В. Мигунова. – Текст : электронный // Современные проблемы науки и образования. – 2014. – № 2. – URL: <https://science-education.ru/ru/article/view?id=12905> (дата обращения: 12.02.2022).

93. Мид, М. Культура и мир детства : избранные произведения / М. Мид. – Москва : Наука, 1988. – 429 с. – Текст : непосредственный.

94. Минюрова, С. А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства / С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 63–75.

95. Минюрова, С. А. Психологическое сопровождение материнства: Смысловое переживание материнства : учебное пособие / С. А. Минюрова, Е. А. Тетерлева. – Екатеринбург : [б. и.], 2005. – 166 с. – Текст : непосредственный.

96. Миронова, Т. И. Детско-молодежная девиантология : учебное пособие / Т. И. Миронова, Н. П. Фетискин, С. В. Шепелева. – Кострома : КГУ, 2016. – 379 с. – Текст : непосредственный.

97. Миронова, Т. И. Реабилитация социально-психологического здоровья детско-молодежных групп: основы и механизмы : учебное пособие / Т. И. Миронова. – Кострома : Авантитул, 2015. – 521 с. – Текст : непосредственный.

98. Моросанова, В. И. Индивидуальные особенности осознанной саморегуляции произвольной активности человека / В. И. Моросанова. – Текст : непосредственный // Вестник Московского университета. Серия 14: Психология. – 2010. – № 1. – С. 36–45.

99. Моросанова, В. И. Самосознание и саморегуляция поведения : монография / В. И. Моросанова, Е. А. Аронова. – Москва : Институт психологии РАН, 2007. – 214 с. – Текст : непосредственный.

100. Мохова, Ю. А. Психологическая сущность самосознания личности / Ю. А. Мохова. – Текст : электронный // ОНВ. – 2011. – № 6 (102). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskaya-suschnost-samosoznaniya-lichnosti> (дата обращения: 21.05.2022).

101. Мухина, В. С. Проблема материнства и ментальности в местах лишения свободы / В. С. Мухина. – Текст : непосредственный // Развитие личности. – 2003. – № 1. – С. 141–154.

102. Мухина, В. С. Психологические проблемы материнства / В. С. Мухина. – Текст : непосредственный // Перинатальная психология и психотерапия : сборник материалов конференции по перинатальной психологии. – Москва : [б. и.], 2003. – С. 4–15.

103. Мухина, Т. Г. Психология и педагогика : учебное пособие / Т. Г. Мухина. – Нижний Новгород : ННГАСУ, 2015. – 227с. – Текст : непосредственный.

104. Насилие в семье : методическое пособие для специалистов / ответственные редакторы Е. А. Яблочкина, Н. В. Васильева. – Псков : ЛОГОС Плюс, 2013. – 52 с. – Текст : непосредственный.

105. Насилие в семье: особенности психологической реабилитации : учебное пособие / под редакцией Н. М. Платоновой, Ю. П. Платонова. – Санкт-Петербург : Речь, 2004. – 153 с. – Текст : непосредственный.

106. Насилие и жестокое обращение с детьми: источники, причины, последствия, решения : коллективная монография / под редакцией Е. Н. Волковой. – Нижний Новгород, 2008. – 384 с. – Текст : непосредственный.

107. Недостойное обращение с детьми / Р. Соонетс, А. Попова, М. И. Роомельди [и др.]. – Тарту : Атлекс, 2007. – 215 с. – Текст : непосредственный.

108. Нефедов, В. А. Миф и реальность в романе К. Воннегута «Бойня номер 5 или Крестовый поход детей» / В. А. Нефедов. – Текст : непосредственный // Известия Самарского научного центра Российской академии наук. – 2010. – Т. 12, № 3. – С. 93–197.

109. Нижников С. А. Противиться ли злу силой: проблема морали в философско-политическом дискурсе / С. А. Нижников. – Текст : электронный // Пространство и Время. – 2013. – № 2. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/protivitsya-li-zlu-siloy-problema-morali-v-filosofsko-politicheskom-diskurse> (дата обращения: 29.11.2022).

110. Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2021 № 2 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388750/ (дата обращения: 29.05.2022). – Текст : электронный.

111. Образцова, А. С. Самосознание многодетных женщин / А. С. Образцова, Э. П. Бахчиева. – Текст : электронный // Личность, семья и общество, вопросы педагогики и психологии. – 2014. – № 36. – С. 206–211. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/samosoznanie-mnogodetnyh-zhenschin> (дата обращения: 22.10.2021).

112. Овчарова, Р. В. Родительство как психологический феномен : учебное пособие / Р. В. Овчарова. – Москва : МПСИ, 2016. – 496 с. – Текст : непосредственный.

113. Ожегов, С. И. Словарь русского языка / С. И. Ожегов. – Москва : Русский язык, 1990. – 921 с. – Текст : непосредственный.

114. Орлов, А. Б. Психологическое насилие в семье – определение, аспекты, основные направления оказания психологической помощи / А. Б. Орлов. – Текст : непосредственный // Психолог в детском саду. – 2000. – № 2/3. – С. 182–187.

115. Оскорбления, совершенные путем направления СМС-сообщений либо личных сообщений, в том числе голосовых, в мессенджерах или социальных сетях, подлежат квалификации по ч. 1 ст. 5.61 КоАП РФ (п. 48). – Текст : электронный // Обзор судебной практики Верховного Суда Российской Федерации 2021 № 2 : утвержден Президиумом Верховного Суда Российской Федерации 30 июня 2021 года. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_388750/ (дата обращения: 29.05.2022).

116. Осухова, Н. Психологическое сопровождение семьи и личности в кризисной ситуации / Н. Осухова. – Текст : непосредственный // Школьный психолог – Первое сентября. – 2001. – № 31. – С. 14–16.

117. Почти 300 млн детей от 2 до 4 лет подвергаются физическим наказаниям. – URL: <https://news.un.org/ru/story/2020/06/1380372> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

118. Предотвращение насилия в семье (опыт регионов) / под редакцией Ж. А. Захаровой, М. Н. Бородатой. – Москва : Оргсервис-2000, 2005. – 128 с. – Текст : непосредственный.

119. Проблемы насилия над детьми и пути их преодоления / под редакцией Е. Н. Волковой. – Санкт-Петербург : Питер, 2008. – 240 с. – Текст : непосредственный.

120. Просекова, В. М. Динамика профессионального самосознания психологов-практиков: (психосемантический аспект) : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / В. М. Просекова ; Тюменский государственный университет. – Казань, 2001. – 23 с. – Текст : непосредственный.

121. Психологический словарь / под редакцией В. П. Зинченко, Б. Г. Мещерякова. – Москва : АСТ ; Транзиткнига, 2004. – 479 с. – Текст : непосредственный.

122. Психолого-педагогические проблемы насилия над детьми : учебно-методическое пособие / С. В. Ардашева, Н. М. Борозинец, Е. Е. Евмененко, Г. Ю. Козловская. – Ставрополь : СГПИ, 2014. – 148 с. – Текст : непосредственный.

123. Пузанкова, И. Е. Психологическое насилие в семье: что это такое и как с ним бороться / И. Е. Пузанкова, О. М. Дическул. – Текст : электронный // Вестник Прикамского социального института. – 2020. – № 1 (85). – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/psihologicheskoe-nasilie-v-semie-chto-eto-takoe-i-kak-s-nim-borotsya> (дата обращения: 21.02.2021).

124. Разуваева, Т. Н. Эмоционально-оценочный компонент самосознания несовершеннолетних беременных / Т. Н. Разуваева, Т. П. Омельченко. – Текст : электронный // Научный результат. Педагогика и психология образования. – 2015. – № 1 (3). – С. 47–53. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/emotsionalno-otsenochnyy-komponent-samosoznaniya-nesovershennoletnih-beremennyh> (дата обращения: 19.03.2022).

125. Рамих, В. А. Материнство как социокультурный феномен : специальность 24.00.01 «Теория и история культуры» : диссертация на соискание ученой степени доктора философских наук / В. А. Рамих ; Ростовский государственный университет. – Ростов-на-Дону, 1997. – 236 с. – Текст : непосредственный.

126. Решение Железнодорожного районного суда г. Читы от 17 июня 2021 по делу № 12-61/2021. – URL: https://gd-cht.sudrf.ru/modules.php?name=sud_delo&srv_num=1&name_op=case&case_id=297127545&case_uid=c1583b41-ce04-4971-a196-5a96eeba2638&de-lo_id=1540005&new= (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

127. Решение Копейского городского суда Челябинской области от 30 июня 2021 по делу № 12-185/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-kopeiskii-gorodskoi-sud-cheliabinskaia-oblast/> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

128. Решение Северского городского суда Томской области от 14 мая 2021 года по делу № 12-49/2021. – URL: <https://sudact.ru/regular/court/reshenya-severskii-gorodskoi-sud-tomskaia-oblast/> (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

129. Рубинштейн, С. Л. Основы общей психологии : учебник / С. Л. Рубинштейн. – Санкт-Петербург : Питер, 2000. – 712 с. – Текст : непосредственный.

130. Рыбакова, Е. Н. Структурная организация самосознания матери : специальность 19 00 01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Е. Н. Рыбакова ; Санкт-Петербургский государственный университет. – Санкт-Петербург, 2007. – 280 с. – Текст : непосредственный.

131. Савенышева, С. С. Отношение к материнству у современных женщин / С. С. Савенышева. – Текст : электронный // Вестник Санкт-Петербургского университета. Социология. – 2008. – № 4. – С. 45–55. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/otnoshenie-k-materinstvu-u-sovremennyh-zhenschin> (дата обращения: 21.10.2021).

132. Саночкина, А. В. Влияние супружеских конфликтов на воспитательные функции семьи / А. В. Саночкина. – Текст : электронный //

Научный форум: педагогика и психология : сборник статей по материалам XXXIX международной научно-практической конференции, 04 мая 2020 года.

– Москва : Международный центр науки и образования, 2020. – С. 46–49. –

URL: [https://elibrary.ru/](https://elibrary.ru/item.asp?id=42873627)

[item.asp?id=42873627](https://elibrary.ru/item.asp?id=42873627) (дата обращения: 12.02.2022).

133. Саночкина, А. В. Особенности психологического и физического абьюза в материнско-детских отношениях / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, К. Браун. – Текст : непосредственный // Обзор педагогических исследований. – 2021. – Т. 3, № 5. – С. 195–204.

134. Саночкина, А. В. Проблемы самореализации женщин в период отпуска по уходу за ребенком / А. В. Саночкина. – Текст : электронный // Актуальные проблемы психологии личности : сборник научных трудов. Вып. 16 / Уральский государственный педагогический университет ; под научной редакцией Н. Н. Васягиной, Е. А. Казаевой. – Екатеринбург : [б. и.], 2019. – С. 234–238. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=42466861> (дата обращения: 20.02.2022).

135. Саночкина, А. В. Психолого-педагогическое сопровождение матерей, воспитывающих детей с ограниченными возможностями здоровья / А. В. Саночкина. – Текст : электронный // Современный взгляд на науку и образование : сборник научных статей. – Москва : Перо, 2020. – С. 143–146. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43038880> (дата обращения: 11.04.2022).

136. Саночкина, А. В. Связь субъективной оценки самореализации женщины и отношения к разным сторонам действительности / А. В. Саночкина, Г. И. Морева. – Текст : непосредственный // Экспериментальная психология. – 2020. – Т. 13, № 3. – С. 156–168.

137. Саночкина, А. В. Специфика самосознания матерей, ориентированных на онлайн психолого-педагогическое сопровождение / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, С. Игнатжева. – Текст : непосредственный // Педагогическое образование в России. – 2021. – № 1. – С. 96–104.

138. Саночкина, А. В. Ситуативно-обусловленное или полевое поведение у мам, которые прибегают к психологическому насилию в детско-родительских отношениях и ориентированы на психолого-педагогическое сопровождение / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина. – Текст : электронный // Международный журнал медицины и психологии. – 2022. – Т. 5, № 3. – С. 55–61. – URL: <https://elibrary.ru/xxdprbh> (дата обращения: 29.05.2022).

139. Саночкина, А. В. Типологические особенности самосознания женщин, применяющих насилие по отношению к ребенку / А. В. Саночкина, Н. Н. Васягина, К. Браун. – Текст : электронный // Психология. Психофизиология. – 2022. – Т. 15, № 3. – С. 5–13. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/tipologicheskie-osobennosti-samosoznaniya-zhenschin-primenyayuschih-nasilie-po-otnosheniyu-k-rebenku> (дата обращения: 29.04.2021).

140. Саночкина, А. В. Формирование психологической готовности к материнству у современных женщин / А. В. Саночкина. – Текст : электронный // Концепции современного образования: системные изменения и перспективные направления развития : сборник научных трудов. – Казань : СитИвент, 2020. – С. 162–165. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=43047661&pff=1> (дата обращения: 12.03.2022).

141. Сафонова, Т. Я. Последствия сексуального насилия, перенесенного в детстве: дети от 3 до 17 лет / Т. Я. Сафонова, Е. И. Цымбал, Н. Д. Ярославцева. – Текст : непосредственный // Актуальные проблемы современного детства : сборник научных трудов / под общей редакцией Е. М. Рыбинского. – Москва : [б. и.], 1996. – С. 57–60.

142. Семенова-Полях, Г. Г. Обобщенные параметры развития детско-родительских отношений в осложненных условиях жизни семьи : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : автореферат диссертации на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Г. Г. Семенова-Полях ; Казанский государственный университет им. В. И. Ульянова-Ленина. – Казань, 2003. – 24 с. – Текст : непосредственный.

143. Сеченов, И. М. Рефлексы головного мозга / И. М. Сеченов. – Текст : непосредственный // Избр. произведения : в 2 томах. Том 1. – Москва : АН СССР, 1952. – С. 7–129.

144. Сеченов, И. М. Учение о несвободе воли с практической стороны / И. М. Сеченов. – Текст : непосредственный // Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. – Москва : АН СССР, 1947. – С. 309–327.

145. Синягина, Н. Ю. Стратегии семейного воспитания, определяющие неадекватное поведение потерпевшей в ситуации насилия / Н. Ю. Синягина. – Текст : непосредственный // Беспризорник. – 2008. – № 2. – С. 9–17.

146. Смагина, М. В. Стратегические направления решения проблемы насилия над детьми: социологический аспект / М. В. Смагина. – Текст : электронный // Экономические и гуманитарные исследования регионов. – 2016. – № 3. – С. 102–106. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=26342066> (дата обращения: 12.02.2022).

147. Собчик, Л. Н. МЦВ – метод цветowych выборов. Модифицированный восьмицветовой тест Люшера : практическое руководство / Л. Н. Собчик. – Санкт-Петербург : Речь, 2001. – 99 с. – Текст : непосредственный.

148. Соколова, Е. Т. Влияние на самооценку нарушений эмоциональных контактов между родителем и ребенком и формирование аномалий личности / Е. Т. Соколова. – Текст : непосредственный // Семья и формирование личности / под редакцией А. А. Бодалева. – Москва : МГУ. 1981. – С. 78–82.

149. Соколова, Е. Т. Общая психотерапия / Е. Т. Соколов. – Москва : Тривола, 2001. – 304 с. – Текст : непосредственный.

150. Солина, В. Г. Психологическое сопровождение семьи / В. Г. Солина. – Москва : МГУ. 2021. – 127 с. – Текст : непосредственный.

151. Спиваковская, А. С. Как быть родителями (о психологии родительской любви) / А. С. Спиваковская. – Москва : Педагогика, 1986. – 160 с. – Текст : непосредственный.

152. Степченко, Е. В. Профилактика психологического насилия в детско-родительских отношениях / Е. В. Степченко. – Текст : электронный // Вестник СМУС. – 2017. – № 1 (16). – С. 45–49. – URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/profilaktika-psihologicheskogo-nasiliya-v-detsko-roditelskih-otnosheniyah> (дата обращения: 19.01.2022).

153. Столин, В. В. Самосознание личности / В. В. Столин. – Москва : МГУ, 1983. – 285 с. – Текст : непосредственный.

154. Стратегии борьбы с насилием в семье : справочное руководство. – Нью Йорк : ООН. 1998. – 176 с. – Текст : непосредственный.

155. Тарабрина, Н. В. Практикум по психологии посттравматического стресса / Н. В. Тарабрина. – Санкт-Петербург : Питер, 2001. – 272 с. – Текст : непосредственный.

156. Тевлюкова, О. Ю. Насилие в духовной сфере общества / О. Ю. Тевлюкова. – Текст : непосредственный // Труды НГАСУ. – 2002. – Т. 5, вып. 1 (16). – С. 151–155.

157. Тетерлева, Е. А. Диалогический подход к анализу смыслового переживания материнства / Е. А. Тетерлева. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2003. – № 4. – С. 63–75.

158. Ткачева, В. В. Технологии психологической помощи семьям детей с отклонениями в развитии : учебное пособие / В. В. Ткачева. – Москва : ВЛАДОС, 2007. – 187 с. – Текст : непосредственный.

159. Толстошеина, Н. В. Антиципация как одно из условий прогнозирования, выбора и регуляции будущей деятельности / Н. В. Толстошеина. – Текст : непосредственный // Гаудеамус. – 2002. – № 2. – С. 24–28.

160. Уголовный кодекс Российской Федерации : официальный текст. – URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_10699/ (дата обращения: 12.02.2022). – Текст : электронный.

161. Устинова, Н. А. Внутриличные детерминанты самосознания матери : специальность 19.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / Н. А. Устинова ; Уральский государственный педагогический университет. – Екатеринбург, 2009. – 199 с. – Текст : непосредственный.

162. Фахретдинова, А. Б. Факторы, провоцирующие насилие над женщиной в супружеских взаимоотношениях / А. Б. Фахретдинова. – Текст : электронный // Вестник Нижегородского университета им. Н. И. Лобачевского. Серия: Социальные науки. – 2008. – № 1. – С. 133–130.

163. Феклин, С. И. Ответственность родителей за противоправные действия в отношении детей / С. И. Феклин. – Текст : непосредственный // Справочник классного руководителя. – 2010. – № 11. – С. 6–15.

164. Филиппова, Г. Г. Материнство и основные аспекты его исследования в психологии / Г. Г. Филиппова. – Текст : непосредственный // Вопросы психологии. – 2001. – № 2. – С. 22–36.

165. Филиппова, Г. Г. Психологическая готовность к материнству / Г. Г. Филиппова. – Текст : непосредственный // Психология беременности, родов и послеродового периода : хрестоматия по перинатальной психологии / составитель А. Н. Васина. – Москва : УРАО, 2005. – С. 62–65.

166. Филиппова, Г. Г. Психология материнства : учебное пособие для вузов / Г. Г. Филиппова. – Москва : Юрайт, 2023. – 212 с. – Текст : непосредственный.

167. Филиппова, Г. Г. Психология материнства: концептуальная модель : специальность 09.00.01 «Общая психология, психология личности, история психологии» : диссертация на соискание ученой степени доктора психологических наук / Г. Г. Филиппова ; Институт дошкольного и семейного воспитания РАО. – Москва, 2000. – 449 с. – Текст : непосредственный.

168. Фрейд, З. Введение в психоанализ / З. Фрейд. – Москва : Директ-Медиа, 2008. – 1070 с. – Текст : непосредственный.

169. Фурманов, И. А. Психологические особенности детей, лишенных родительского попечительства / И. А. Фурманов, А. А. Аладьин, Н. В. Фурманова. – Минск : Тесей, 1999. – 160 с. – Текст : непосредственный.

170. Холл, З. Последствия сексуальных и психологических травм детства / З. Холл. – Текст : непосредственный // Психологический журнал. – 1992. – Т. 13, № 5. – С. 120–129.

171. Холостова, Е. И. Социальная работа с семьей : учебное пособие / Е. И. Холостова. – Москва : ВЛАДОС, 2007. 211 с. – Текст : непосредственный.

172. Чермашенцева, Т. Д. Признаки психологического насилия в семье / Т. Д. Чермашенцева, Д. В. Кошелева, А. А. Инкин. – Текст : непосредственный // Законность и правопорядок в современном обществе. – 2014. – № 17. – С. 109–115.

173. Черникова, Т. А. Проблема социальной профилактики семейного насилия в современных условиях / Т. А. Черникова, Л. Д. Шайдукова, Е. В. Ямаева. – Текст : непосредственный // Международный научно-исследовательский журнал. – 2020. – № 9–2 (99). – С. 52–57.

174. Чибисова, М. Ю. Феномен материнства и его отражение в самосознании современной молодой женщины : специальность 19.00.13 «Психология развития, акмеология» : диссертация на соискание ученой степени кандидата психологических наук / М. Ю. Чибисова. – Москва, 2003. – 272 с. – Текст : непосредственный.

175. Шадрина, А. Дорогие дети : сокращение рождаемости и рост «цены» материнства в XXI веке / А. Шадрина. – Москва : Новое литературное обозрение, 2017. – 392 с. – Текст : непосредственный.

176. Шамшикова, Е. О. Адаптация зарубежной методики «Границы Я» Н. Браун / Е. О. Шамшикова. – Текст : электронный // Мир науки, культуры, образования. – 2009. – № 4 (16). – С. 167–173. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=13050360> (дата обращения: 29.04.2022).

177. Школа без насилия : методическое пособие / под редакцией Н. Ю. Синягиной, Т. Ю. Райфшнайдер. – Москва : АНО «ЦНПРО», 2015. – 150 с. – Текст : непосредственный.

178. Шкурихина, Н. В. К вопросу о понятии «семейное насилие / Н. В. Шкурихина. – Текст : электронный // Правовые проблемы укрепления Российской государственности : сборник статей по итогам Всероссийской научно-практической конференции, 26–28 января 2017 года. Часть 74 / Томский государственный университет. – Томск : НИТГУ, 2017. – С. 170-172. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=30044580> (дата обращения: 22.04.2022).

179. Шнейдер, Л. Б. Основы семейной психологии / Л. Б. Шнейдер – Москва : МПСИ ; Воронеж : МОДЭК, 2003. – 928 с. – Текст : непосредственный.

180. Шнейдер, Л. Б. Семейная психология : учебное пособие для вузов / Л. Б. Шнейдер. – Москва : Академия, 2006. – 768 с. – Текст : непосредственный.

181. Шульга, Т. И. Психологическое сопровождение семьи : учебное пособие / Т. И. Шульга. – Москва : МЭИ, 2014. – 153 с. – Текст : непосредственный.

182. Щеглова, А. Е. Использование поощрений и наказаний в воспитании детей в эпоху античности и средневековья / А. Е. Щеглова. – Текст : непосредственный // Известия Уральского федерального университета. Серия 1: Проблемы образования, науки и культуры. – 2010. – Т. 84, № 5. – С. 148–156.

183. Щукин, А. М. Психическое насилие как признак изнасилования (по материалам судебно-следственной практики Тюменской области) / А. М. Щукин. – Текст : электронный // Концепт. – 2015. – Т. 30. – С. 346–350 – URL: <https://e-koncept.ru/2015/65140.htm> (дата обращения: 12.04.2022).

184. Эйдемиллер, Э. Г. Психология и психотерапия семьи / Э. Г. Эйдемиллер, В. Юстицкис. – Санкт-Петербург : Питер, 1999. – 651 с. – Текст : непосредственный.

185. Эйдемиллер, Э. Г. Семейный диагноз и семейная психотерапия : учебное пособие для врачей и психологов / Э. Г. Эйдемиллер, И. В. Добряков, И. М. Никольская. – Санкт-Петербург : Речь, 2003. – 332 с. – Текст : непосредственный.

186. Энциклопедия социальной работы : в 3 томах. Том 2 : перевод с английского. – Москва : Центр общечеловеческих ценностей, 1994. – 498 с. – Текст : непосредственный.

187. Юрина, М. М. Ненужный ребенок: проблема насилия в семье / М. М. Юрина. – Текст : электронный // Вестник Томского государственного педагогического университета. – 2009. – № 7 (85). – С. 79–83. – URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=12912922> (дата обращения: 16.03.2022).

188. Allport, F. H. Theories of perception and the concept of structure: A review and critical analysis with an introduction to a dynamic–structural theory of behavior / F. H. Allport. – New York : Wiley, 1955. – 709 p. – Текст : непосредственный.

189. Bandura, A. Aggression : A social learning analysis / A. Bandura. – Englewood Cliffs : Prentice Hall; 1973. – 390 p. – Текст : непосредственный.

190. Baumeister, R. F. Social psychology and human nature / R. F. Baumeister, V. J. Bushman. – London : Wadsworth Publishing; 2014. – 640 p. – Текст : непосредственный.

191. Baumrind, D. Effects of authoritative parental control on child behavior / D. Baumrind. – Текст : непосредственный // Child development. –1966. – № 37. – P. 87–907.

192. Bowlby, J. Attachment and Loss. Vol. 2. Separation: Anxiety and Anger / J. Bowlby. – New York : Basic Books, 1973. – 327 p. – Текст : непосредственный.

193. Browne, K.D., Herbert, M. (1997) Risk factors of parents abused as children: a mediational analysis of the intergenerational continuity of child maltreatment (Part I). Journal of Child Psychology and Psychiatry, 1998. – 291 p. – Текст : непосредственный.

194. Browne, K.D., Herbert, M. Preventing family violence, 1997. – 114 p. – Текст: непосредственный.

195. Cabrera, N. J. Explaining the long reach of fathers' prenatal involvement on later paternal engagement / N. J. Cabrera, J. Fagan, D. Farrie. – Текст : непосредственный // Journal of Marriage and Family. – 2008. – № 70. – P. 1094–1107.

196. Cherry, K. The Everything Psychology Book: An Introductory Guide to the Science of Human Behavior and Mental Processes / K. Cherry. – Avon : Adams Media, 2018. – 304 p. – Текст : непосредственный.

197. Committee on the Rights of the Child. – Текст : электронный // General Comment. – 2011. – № 13. – URL: https://archive.crin.org/docs/CRC.C.GC.13_en_AUV-1.pdf (дата обращения: 12.02.2022).

198. Complex trauma in children and adolescents / A. Cook, J. Spinazzola, J. Ford et al. – Текст : электронный // Psychiatric annals. – 2017. – P. 390–398. – URL: <https://www.complext trauma.org/wp-content/uploads/2019/01/Complex-Trauma-1-Joseph-Spinazzola.pdf> (дата обращения: 12.02.2022).

199. Dorjee, D. Defining contemplative science: The metacognitive self-regulatory capacity of the mind, context of meditation practice and modes of existential awareness / D. Dorjee. – Текст : непосредственный // Frontiers in Psychology. – 2016. – Vol. 17, № 7. – P. 1788–1791.

200. Early prediction and prevention of child abuse / K D. Browne, H. Hanks, P. Stratton, C. Hamilton. – New York : Wiley Collection in library, 2002. – 193 p. – Текст : непосредственный.

201. Ertem, I, Intergenerational continuity of child physical abuse: How good is the evidence? / I. Ertem, J. M. Leventhal, S. Dobbs. – Текст : непосредственный // Lancet. Sep. 2. – 2000. – № 356. – P. 814–823.

202. Gil, D. Violence Against Children / D. Gil. – Cambridge : Harvard University Press, 1970. – 218 p. – Текст : непосредственный.

203. Global prevalence of past-year violence against children: a systematic review and minimum estimates / S. Hillis, J. Mercy, A. Amobi, H. Kress. – Текст : непосредственный // *Pediatrics*. – 2016. – № 173. – P. 137–139.

204. Harris, T. E. I'm ok, you're ok / T. E. Harris. – London : Cornerstone, 1967. – 320 p. – Текст : непосредственный.

205. Kassin, S. M. Social psychology / S. M. Kassin, S. Fein, H. R. Markus. – Boston : Houghton Mifflin, 2020. – 348 p. – Текст : непосредственный.

206. Kingston, A. K. Mothering special needs: a different maternal journey / A. K. Kingston. – London : Philadelphia, 2007. – 135 p. – Текст : непосредственный.

207. Klevens, J. Are the perpetrators of violence one and the same? Exploring the co-occurrence of perpetration of physical aggression in the United States / J. Klevens, T. R. Simon, J. Chen. – Текст : непосредственный // *Interpers Violence*. – 2012. – № 27. – P. 1987–2000.

208. Lally, J. R. The development of maternal self-awareness in the context of attachment relationships / J. R. Lally, M. S. Cangelsdorf, C. A. Frosch. – Текст : непосредственный // *Infant Mental Health Journal*. – 2011. – № 32 (2). – P. 173–195.

209. Lampert, A. The evaluation of Love / A. Lampert. – Westport : Publ., 1997. – 144 p. – Текст : непосредственный.

210. Main, M. A typological examination of attachment and control constructs. – Текст : непосредственный / M. Main // *Attachment & human development*. – 2012. – № 14 (2). – P. 121–136.

211. Morin, A. Self-awareness. Part 1. Definition, measures, effects, functions, and antecedents / A. Morin. – Текст : электронный // *Social and Personality Psychology Compass*. – 2011. – № 5/10. – P. 807–823. – URL: <https://philpapers.org/archive/MORSP-2.pdf> (дата обращения: 11.03.2022).

212. Mothers' and fathers' sensitivity with their two children: A longitudinal study from infancy to early childhood / E. T. Hallers-Haalboom, M. G. Groeneveld,

S. R. Berkel van et al. – Текст : непосредственный // *Developmental Psychology*. – 2017. – № 53. – P. 860–872.

213. Parenting Attitudes and Infant Spanking : The Influence of Childhood Experiences. – Текст : непосредственный // *Paediatrics*. – 2018. – № 124. – P. 278–286.

214. Pears, K. C. Intergenerational transmission of abuse: A two–generational prospective of an at-risk sample / K. C. Pears. D. M. Capaldi. – Текст : непосредственный // *Child Abuse & Neglect*. – 2001. – № 25. – P. 1439–1461.

215. Rabin, A. I. Motivation for Parenthood / A. I. Rabin. – Текст : непосредственный // *Journal of Projective Techniques and Personality Assessment*. – 1965. – № 29. – P. 405–413.

216. Role of Maternal Childhood Trauma on Parenting Among Depressed Mothers of Psychiatrically Ill Children. – Текст : непосредственный // *Depression and Anxiety*. – 2013. – № 30. – P. 792–799.

217. Sanochkina, A. Psychological and physical abuse in parent-child relationship and how it could be addressed in seeking parenting support / A. Sanochkina, N. Vasyagina. – Текст : непосредственный // *Теория права и межгосударственных отношений*. – 2022. – Т. 2, № 13 (25). – С. 666–680.

218. Schore, A. N. The effects of early relational trauma on right brain development, affect regulation, and infant mental health / A. N. Schore. – Текст : электронный // *Infant Mental Health Journal*. – 2017. – № 4. – P. 204–269.

219. Smith, C. L. Mother self–awareness and mother-infant attachment in a sample of at-risk mothers / C. L. Smith, H. F. Rasmussen. – Текст : непосредственный // *Infant Mental Health Journal*. – 2018. – № 4. – P. 30–40.

220. Sternberg, R. J. *Cognitive psychology* / R. J. Sternberg, K. Sternberg. – London : Thomson Learning, 2018. – 640 p. – Текст : непосредственный.

221. The Impact of Maternal Childhood Abuse on Parenting and Infant Temperament / A. J. Lang, M. A. Gartstein. R, C. Sodgers, L, M. Mebeck. – Текст : непосредственный // *Journal of Child and Adolescent Psychiatric Nursing*. – 2010. – № 23. – P. 100–110.

222. Vasyagina, N. N. Psychological and Pedagogical Support of Parents Through Online Courses / N. N. Vasyagina, A. V. Sanochkina. – Текст : непосредственный // Digitalization of Education: History, Trends and Prospects : International Scientific Conference, 23–24 апреля 2020 года. Vol. 437. – Ekaterinburg : Atlantis Press, 2020. – P. 419–423.

223. Wang, Q. Maternal reflective functioning and parenting : The mediating role of maternal self-efficacy and the moderating role of child temperament / Q. Wang, X. Lu. – Текст : непосредственный // Journal of Child and Family Studies. – 2019. – № 23. – P. 22–34.

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Частота встречаемости физического и психологического насилия (N=423)

Физическое насилие	Общее количество респондентов	Количество в выборке	%
Тряска	423	138	32,6
Удары по ягодицам с помощью предмета, такого как палка, веник, розги или ремень	423	67	15,8
Скручивание уха	423	72	17,0
Удары по голове костяшкой или задней стороной руки	423	16	3,8
Тянуть за волосы	423	32	7,6
Пинать ногой	423	25	5,9
Класть перец чили, острый перец или острую еду в рот с целью вызвать боль	423	0	0,0
Заставлять вставать на колени или вставать так, что это бы вызывало боль	423	2	0,5
Шлепки по попе голой рукой	423	127	30,0
Душить или сжимать горло руками	423	3	0,7
Щипки	423	78	18,4
Бить по лицу или по затылку	423	69	16,3
Обжигать, ошпаривать, клеймить	423	0	0,0
Не давали дышать, используя руку или подушку	423	0	0,0
Бить с помощью предмета или кулака	423	14	3,3
Угрозы ножом или пистолетом	423	0	0,0
Давать ребенку наркотики или алкоголь с целью изменения его поведения	423	0	0,0
Угрозы оставить или бросить	423	123	29,1
Крик	423	298	70,4
Угрозы вызвать привидений, злых духов или вредных людей	423	77	18,2
Проклинания	423	37	8,7
Угрозы выгнать из дома или куда-нибудь отправить	423	52	12,3
Не пускали домой	423	13	3,1
Лишение привилегий	423	48	11,3
Оскорбления	423	132	31,2
Игнорирование	423	101	23,9
Лишение свободы перемещения	423	46	10,9
Унижение при окружающих	423	50	11,8

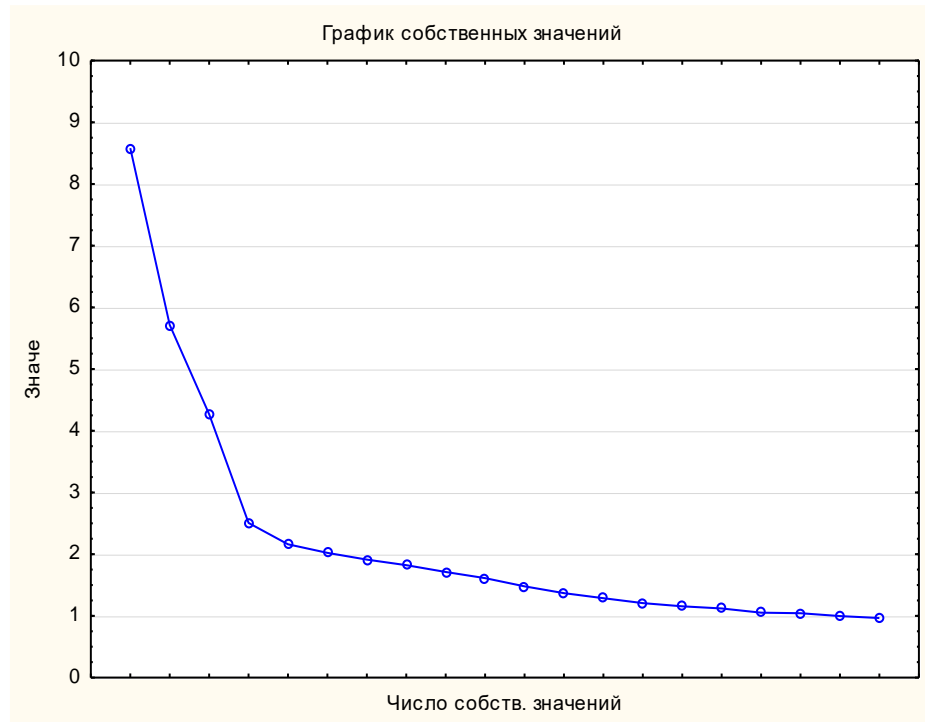
**Различия в характеристиках матерей,
применяющих и не применяющих насилие по отношению к ребенку
(N=200)**

Характеристики	Эксперим. группа (N=100)	Контрол. группа (N=100)	Хи- квадрат Пирсона	P
Высшее образование	49%	78%	25,5	P < 0,01
Среднее специальное или неоконченное высшее образование	48%	22%	25,5	P < 0,01
Работают	36%	68%	8,6	P < 0,05
Находятся в отпуске по уходу за ребенком / декрете / не работают	64%	32%	8,6	P < 0,05
Воспитание в полной семье	62%	81%	11,7	P < 0,05
Гармоничные отношения между родителями	32%	87%	67	P < 0,01
Отсутствие партнера	11%	9%	0,110	P = 0,947
Насилие со стороны партнера	26%	2%	17,8	P < 0,01
1 ребенок	34%	51%	26,1	P < 0,01
2 ребенка	32%	40%	26,1	P < 0,01
3 и более детей	34%	9%	26,1	P < 0,01

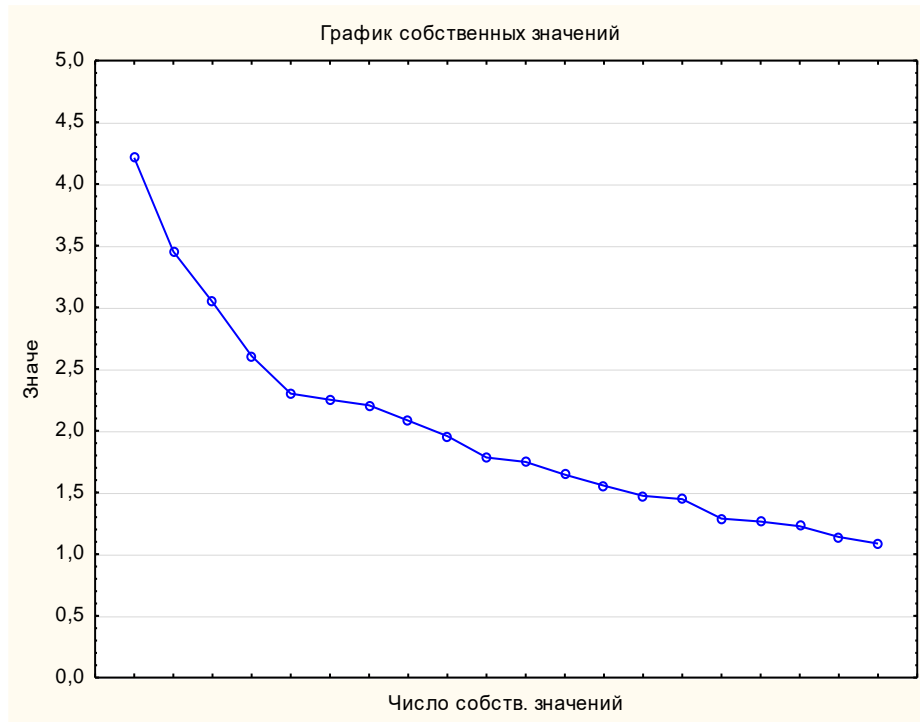
**Различия в содержательных характеристиках самосознания у матерей,
применяющих и не применяющих насилие (N=200)**

Показатель	Сумма рангов Экспер. группа N=100	Сумма рангов Контрол. группа N=100	U	P
Когнитивный компонент самосознания матери				
Представление о материнстве и себе как матери	8404,0	11696,0	3354,0	0,0001
Представления женщины о реализации воспитательной деятельности	5834,0	14266,0	784,0	0,0000
Эмоциональный компонент самосознания матери				
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия	5291,0	14809,0	241,0	0,0000
Закрытость	12384,0	7716,0	2666,0	0,0000
Самоуверенность	7235,5	12864,5	2185,5	0,0000
Саморуководство	5072,0	15028,0	22,0	0,0000
Зеркальное Я	8773,0	11327,0	3723,0	0,002
Самоценность	6100,5	13999,5	1050,5	0,0000
Самопринятие	5663,0	14437,0	613,0	0,0000
Самопривязанность	10673,5	9426,5	4376,5	0,13
Внутренняя конфликтность	5058,5	15041,5	8,5	0,0000
Самообвинение	5406,5	14693,5	356,5	0,0000
Поведенческий компонент самосознания матери				
Нетребовательность – требовательность	14003,0	6097,0	1047,0	0,0000
Мягкость – строгость	14836,5	5263,5	213,5	0,0000
Автономность – контроль	7562,0	12538,0	2512,0	0,0000
Эмоциональная дистанция – близость	6874,0	13226,0	1824,0	0,0000
Отвержение – принятие	5845,5	14254,5	795,5	0,0000
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	5998,0	14102,0	948,0	0,0000
Тревожность за ребенка	8375,0	11725,0	3325,0	0,0000
Непоследовательность – последовательность	5897,5	14202,5	847,5	0,0000
Воспитательная конфронтация в семье	14725,0	5375,0	325,0	0,0000
Удовлетворенность отношениями с ребенком	5699,0	14401,0	649,0	0,0000
Уровень самосознания				
Уровень самосознания	5464,0	14636,0	414,0	0,0000

**График «каменистой осыпи» показателей матерей,
применяющих физическое и психологическое насилие**

**График «каменистой осыпи» показателей матерей,
не применяющих физическое и психологическое насилие**

**Параметры проявления насилия к ребенку
на основе характеристик самосознания**

Показатель	Лямбда Уилкса	Частная Лямбда	F-исключ.	p-уров.	Толер.	1-толер. (R-кв.)
Конфликтность	0,039618	0,706700	76,78000	0,000000	0,857473	0,142528
Саморуководство	0,037594	0,744752	63,40488	0,000000	0,552613	0,447387
Самообвинение	0,032184	0,869936	27,65931	0,000000	0,917949	0,082051
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия	0,031016	0,902707	19,93916	0,000014	0,944582	0,055418
Удовлетворенность отношениями с ребенком	0,030321	0,923398	15,34694	0,000126	0,882523	0,117477
Мягкость – строгость	0,031321	0,893907	21,95675	0,000005	0,856936	0,143064
Представления женщины о реализации воспитательной деятельности	0,030171	0,927983	14,35713	0,000204	0,915221	0,084779
Непоследовательность – последовательность	0,029533	0,948013	10,14493	0,001698	0,946048	0,053952
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	0,028741	0,974155	4,90821	0,027949	0,888949	0,111051
Самоуверенность	0,028928	0,967838	6,14765	0,014053	0,516353	0,483647
Отвержение – принятие	0,028753	0,973730	4,99098	0,026677	0,843859	0,156141
Самопринятие	0,028789	0,972526	5,22625	0,023382	0,738896	0,261104
Самоценность	0,028590	0,979288	3,91268	0,049408	0,827301	0,172700

**Классификационные функции для определения прогноза проявления
насилия к ребенку у матери на основе характеристик самосознания
(N=200)**

Предикторы	Коэффициенты	
	ЛКФ-1 (наличие насилия)	ЛКФ-2 (отсутствие насилия)
Конфликтность (К)	-0,980	3,064
Саморуководство (СР)	-1,859	4,407
Самообвинение (СО)	-0,629	2,745
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия (ОМЭО)	2,367	7,564
Удовлетворенность отношениями с ребенком (УОР)	4,807	6,557
Мягкость – строгость (М-С)	3,805	1,907
Представления женщины о реализации воспитательной деятельности (ПРВД)	2,753	6,419
Непоследовательность – последовательность (Н-П)	2,285	3,390
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество (Ос-С)	3,024	3,878
Самоуверенность (СУР)	0,828	2,608
Отвержение – принятие (О-П)	3,500	4,459
Самопринятие (СП)	4,055	5,504
Самоценность (СЦ)	0,552	0,663
Константа	-177,384	-332,206

**Точность прогноза проявления насилия к ребенку у матерей
на основе характеристик самосознания (базовый расчет)**

Тяжесть травмы	Точность распознавания, %	Чувствительность и специфичность, количество обследованных, чел	
		Насилие	Отсутствие насилия
Отсутствие насилия	97,0000	3	97
Насилие	98,0000	98	2
Всего	97,5000	101	99

Сравнение экспериментальной и контрольной групп до и после реализации программы гармонизации самосознания по параметрам содержания и уровню самосознания, а также уровню психологического и физического насилия по отношению к ребенку (N=70)

Показатель	ДО ВОЗДЕЙСТВИЯ						ПОСЛЕ ВОЗДЕЙСТВИЯ					
	Средние значения		Сумма рангов				Средние значения		Сумма рангов			
	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	U	p	ЭГ	КГ	ЭГ	КГ	U	p
Уровень самосознания	65,2	65,3	1228,000	1257,000	598,000	0,870	77,1	64,9	1648,500	1136,500	256,500	0,000
Эмоциональный компонент самосознания матери												
Закрытость	2,9	2,3	1254,000	1231,000	601,000	0,900	1,9	2,3	736,000	1249,000	306,000	0,000
Самоуверенность	8,8	8,4	1341,000	1144,000	514,000	0,250	7,8	8,4	1274,000	1211,000	581,000	0,720
Саморуководство	2,9	2,5	1374,500	1110,500	480,500	0,120	7,0	2,5	1798,500	686,500	56,500	0,000
Зеркальное Я	5,7	5,8	1233,000	1252,000	603,000	0,920	6,2	6,2	1332,500	1152,500	522,500	0,290
Самоценность	7,0	7,1	1241,500	1243,500	611,500	1,000	8,0	7,1	1436,000	1049,000	419,000	0,020
Самопринятие	6,9	7,0	1223,500	1261,500	593,500	0,830	10,0	7,0	1773,500	711,500	81,500	0,000
Самопривязанность	7,7	7,7	1256,500	1228,500	598,500	0,870	8,5	7,7	1411,500	1073,500	443,500	0,048
Внутренняя конфликтность	1,3	1,3	1251,500	1233,500	603,500	0,920	6,1	1,3	1761,500	723,500	93,500	0,000
Самообвинение	4,6	4,7	1225,000	1460,000	495,000	0,410	5,1	4,7	1417,500	1167,500	395,000	0,030
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия	1,3	1,5	1134,500	1350,500	504,500	0,210	2,8	1,8	1585,000	900,000	270,000	0,000

Поведенческий компонент самосознания матери												
Нетребовательность – требовательность	17,9	18,9	1137,000	1348,000	507,000	0,220	13,7	19,4	633,000	1852,000	3,000	0,000
Мягкость – строгость	15,6	16,0	1195,500	1289,500	565,500	0,580	13,2	16,5	790,000	1695,000	160,000	0,000
Автономность – контроль	13,4	12,8	1349,500	1135,500	505,500	0,210	15,2	12,8	1785,500	699,500	69,500	0,000
Эмоциональная дистанция – близость	18,6	19,5	1150,500	1334,500	520,500	0,280	19,9	19,5	1314,000	1171,000	541,000	0,400
Отвержение – принятие	15,0	14,5	1280,000	1205,000	575,000	0,660	17,8	13,4	1775,000	710,000	80,000	0,000
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	17,4	17,8	1124,000	1361,000	494,000	0,170	20,7	17,3	1697,500	787,500	157,500	0,000
Тревожность за ребенка	15,5	15,7	1253,500	1231,500	601,500	0,900	20,9	15,7	1760,000	725,000	95,000	0,000
Непоследовательность – последовательность	15,9	16,1	1217,000	1268,000	587,000	0,770	19,4	16,1	1641,500	843,500	213,500	0,000
Воспитательная конфронтация в семье	13,7	15,1	1139,000	1346,000	509,000	0,230	7,8	15,7	644,500	1840,500	14,500	0,000
Удовлетворенность отношениями с ребенком	19,7	19,3	1286,000	1199,000	569,000	0,610	20,9	19,3	1501,500	983,500	353,500	0,002
Когнитивный компонент самосознания матери. Общие данные												
Представление о материнстве и себе в роли матери	4,1	3,9	1293,000	1192,000	562,000	0,560	5,0	3,9	1547,500	937,500	307,500	0,000
Представления женщины о реализации воспитательной деятельности	2,4	2,0	1373,500	1111,500	481,500	0,130	3,2	2,0	1648,500	836,500	206,500	0,000

Насилие. Общие данные												
Сумма, физическое насилие	6,8	7,4	1176,000	1309,000	546,000	0,440	0,8	7,7	634,500	1850,500	4,500	0,000
Сумма, психологическое насилие	13,2	13,3	1236,000	1249,000	606,000	0,940	1,7	13,7	630,500	1854,500	0,500	0,000
Общий уровень насилия	20,0	20,7	1207,000	1278,000	577,000	0,680	2,5	21,4	630,500	1854,500	0,500	0,000

**Организационно-содержательная характеристика реализации
программы гармонизации самосознания матерей, применяющих
насилие по отношению к ребенку**

Цель – гармонизация самосознания матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку.

Для достижения указанной цели был сформулирован ряд задач:

1. Сформировать ценностное отношение к материнству, ребенку и себе как матери;
2. Оптимизировать представления матери о материнских функциях, воспитательной деятельности, их целях и задачах;
3. Способствовать принятию материнской позиции, ответственности за воспитательные действия;
4. Сформировать навык рефлексии как необходимого условия, обеспечивающего осознанность воспитательной деятельности;
5. Расширить поведенческий репертуар матери как субъекта воспитания (навыки решения трудных воспитательных ситуаций, гармоничного общения).

Формат выбора онлайн-работы с матерями определен современными тенденциями (инновации на федеральном уровне с целью создания федерального проекта «Современные родители» и портала «Растим детей»), удобством дистанционных технологий для женщин (круглосуточный доступ к знаниям и специалистам, не зависящий от временного и территориального фактора), реализацией непрерывности и системности процесса.

Основными психологическими механизмами являются рефлексия и антиципация как психологические основания для гармонизации самосознания и необходимые условия, обеспечивающие осознанность деятельности матери. Эти механизмы предполагают, что участники формируют осознанный анализ предыдущего опыта при реализации родительской роли, а также проектирование перспектив будущего для выполнения материнских функций.

В целях осуществления эффективной гармонизации самосознания, позволяющей нивелировать психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, заложены 2 блока:

1. Ценностно-смысловой, который нацелен на проработку когнитивного и эмоционального компонента самосознания с целью обретения ценности ребенка и материнства как этапа;

2. Регулятивно-оценочный, нацеленный на проработку поведенческого и эмоционального компонента самосознания с целью развития навыков рефлексии, критичности, регуляции моделей поведения и, как следствие, формирование адекватного отношения к себе и построение эмоциональных взаимоотношений с ребенком.

Воздействие предполагает использование инвариантных и вариативных форматов, каждый из которых использует определенные методы работы:

1. Инвариантная (общая) часть опирается на общие особенности матерей, применяющих психологическое и физическое насилие по отношению к ребенку, выявленные в результате эмпирического исследования. Методы работы: методы повышения психолого-педагогической грамотности (лекционные занятия), овладение навыками воспитательной деятельности (практические задания, закрепляющие материал, анализ сложных воспитательных ситуаций).

2. Вариативная часть учитывает специфические индивидуальные характеристики самосознания и различия каждой группы матерей, выявленные при построении типологии личности матерей, что позволяет проработать сложности, характерные для определенного типа, и учесть уникальную специфику каждой группы респондентов. Было сформировано 5 групп, соответствующих 5 типам женщин, по 7 человек. Методы работы: методы воздействия и коррекции при участии психолога (групповые тренинги, проверка практических, закрепляющих материал заданий / рефлексивных самоотчетов / проективных упражнений / диктофонов), методы отработки

навыков воспитательной деятельности (индивидуальные и групповые тренировки с проигрыванием сложных воспитательных ситуаций).

В вариативной части для каждой группы были выбраны индивидуальные инструменты воздействия:

1. Для первой группы «Санкционирующие насилие, самоутверждающиеся через его применение» главным инструментом работы выступили развитие навыка рефлексии и обретение внутренней честности, что способствует отсутствию сокрытия от себя даже неприятной информации, несмотря на ее значимость, и позволяет развить критичное отношение к деструктивным моделям поведения при воспитании ребенка и сформировать адекватное самоотношение.

2. Для второй группы «Использующие насилие как проекцию негативного отношения к себе и ребенку» главными инструментами работы стали помощь в ощущении ценности ребенка и себя как матери, уважение к своему труду и процессу изменений, что позволяет снизить чрезмерную тревожность, напряжение, гнев.

3. Для третьей группы «Использующие насилие как способ проявления избегающей привязанности» главным инструментом работы выступила помощь в построении взаимоотношений с ребенком, основанных на эмоциональной связи и эмпатии с целью ощущения эмоциональной близости с ребенком и удовлетворенности от отношений.

4. Для четвертой группы «Использующие насилие как следствие компенсации не взаимности» главным инструментом работы явился фокус на создание надежной привязанности, расширение поведенческого репертуара при взаимодействии с ребенком (способы проявления любви, решения трудных воспитательных ситуаций, навыки общения);

5. Для пятой группы «Не санкционирующие насилие, испытывающие вину за его применение» главным инструментом работы выступили обретение субъектной позиции и веры в способность изменить ситуацию, понимая, что основным источником активности и результатов является сама женщина

Продолжительность обучения – 4 недели. Цикл состоит из 40 часов и включает лекционные занятия (12 часов), выполнение практических заданий (12 часов), индивидуальную и групповую работу с психологом (14 часов).

**Тематический план программы гармонизации самосознания у матерей,
применяющих насилие по отношению к ребенку**

Блок воздействия	Формат работы	Цель занятия
Ценностно-смысловой	1 НЕДЕЛЯ	
	Лекционное занятие	Занятие 1 – Осознать значимость материнства как этапа для самой женщины
	Практическое задание	– Построить ценностную модель материнства
	Лекционное занятие	Занятие 2 – Осознать значимость материнской роли и выполняемых родительских функций для ребенка
	Практическое задание	– Проанализировать качество выполнения материнской роли и родительских функций; – Ощутить ценность собственной личности для ребенка.
	Лекционное занятие	Занятие 3 – Увидеть факторы и причины, препятствующие построению эффективной родительской стратегии; – Изменить внешний локус контроля и обвинение обстоятельств и ребенка в «неправильном поведении» на внутренний локус контроля; – Осознать, что основным источником активности и результатов является сама женщина.
	Практическое задание	– Проанализировать факторы и причины, препятствующие построению эффективной воспитательной стратегии; – Интегрировать свою субъектность в воспитательный процесс; – Увидеть способы изменения ситуации и решения трудностей.
	Групповой тренинг с психологом	– Обозначить цели материнства; – Ощутить образ «достаточно хорошей» матери; – Почувствовать уважение к своему труду и процессу изменений.
	2 НЕДЕЛЯ	
Регулятивно-оценочный	Лекционное занятие	Занятие 4 – Узнать виды привязанности и способы построения надежной привязанности с ребенком.
	Практическое задание	– Начать создавать и/или укреплять надежную привязанность с ребенком с помощью целенаправленных упражнений.
	Лекционные занятия	Занятие 5 – Освоить основы эмоционального интеллекта.

	Практическое задание	– Осознать свои триггеры и причины гнева, истинные потребности, особенно в конфликтных ситуациях с ребенком; – Обрести эмпатию по отношению к себе.
	Лекционное занятие	Занятие 6 – Почувствовать взаимосвязь между эмоциями и потребностями ребенка; – Познакомиться с перечнем эмоций и потребностей ребенка.
	Практическое занятие	– Научиться распознавать эмоции и истинные потребности ребёнка, особенно в конфликтных ситуациях; – Обрести эмпатию по отношению к ребенку.
	Групповой тренинг с психологом	– Снизить уровень гнева, агрессии и напряжения с помощью практик телесной терапии.
3 НЕДЕЛЯ		
	Лекционные занятия	Занятие 7 – Узнать возрастные нормы в знаниях, умениях и навыках ребенка; – Узнать самые распространенные ошибки при реализации воспитательных стратегий.
	Практическое задание	– Снизить завышенный уровень ожиданий и жестких требований к ребенку; Проанализировать свои ошибки в воспитании.
	Лекционное занятие	Занятие 8 – Узнать способы общения, позволяющих построить эмоциональные взаимоотношения с ребенком.
	Практическое задание	– Сформировать навыки гармоничного общения.
	Лекционное занятие	Занятие 9 – Узнать способы решения трудных воспитательных ситуаций, построения границ и здоровой иерархии.
	Практическое занятие	– Выработать последовательные и справедливые меры при решении трудных воспитательных ситуаций; – Определить границы для ребенка.
	Групповой тренинг с психологом	– Выстроить характер взаимодействия в виде последовательных мер, сотрудничества и партнерства в отношениях; – Тренировка навыков гармоничного общения.
4 НЕДЕЛЯ		
	Лекционные занятия	Занятие 10 – Осознать необходимость безоценочного принятия ребенка, эмоциональной близости с ним.
	Практическое задание	– Применить инструмент Сказкотерапии; – Почувствовать эмоциональную близость с ребенком, безоценочное принятие.
	Лекционное занятие	Занятие 11

		– Освоить стратегические цели воспитания и задачи матери в процессе взросления ребенка.
	Практическое задание	– Определить стратегическую цель воспитания.
	Лекционное занятие	Занятие 12 – Узнать способы развития навыков рефлексии для дальнейшего развития как матери
	Практическое занятие	– Осознать существующий и желаемый образ «Я – мать»; – Сформировать значимость собственного развития при выполнении материнской роли и реализации воспитательных функций.
	Групповой тренинг психологом	с – Интегрировать полученный опыт за время программы; – Почувствовать ценность материнства, как возможности для личностного развития, самосовершенствования и реализации.

**Сравнение степени и направленности выраженности изменений в
самосознании у экспериментальной и контрольной групп по итогам
реализации программы гармонизации самосознания (N=70)**

Показатель	Экспериментальная группа (n=35)				Контрольная группа (n=35)			
	Среднее ЭГ До	Среднее ЭГ После	T	p	Среднее КГ До	Среднее КГ После	T	p
Уровень самосознания	65,2	77,1	0	0	65,3	64,9	30	0,01
Эмоциональный компонент самосознания матери								
Закрытость	2,9	1,9	68	0,001	2,3	2,3	–	–
Самоуверенность	8,8	7,8	202	0,74	8,4	8,4	–	–
Саморуководство	2,9	7	5	0	2,5	2,5	–	–
Зеркальное Я	5,7	6,2	251	0,43	5,8	6,2	0	0,001
Самоценность	7	8	205	0,07	7,1	7,1	–	–
Самопринятие	6,9	10	0	0	7	7	–	–
Самопривязанность	7,7	8,5	170	0,13	7,7	7,7	–	–
Внутренняя конфликтность	1,3	6,1	0	0	1,3	1,3	–	–
Самообвинение	4,6	5,1	81	0,001	4,7	4,7	–	–
Отражение матерью эмоциональных взаимоотношений с ребенком, особенности общения и взаимодействия	1,3	2,8	0	0	1,5	1,8	0	0,01
Поведенческий компонент самосознания матери								
Нетребовательность – требовательность	17,9	13,7	17,5	0	18,9	19,4	0	0,002
Мягкость – строгость	15,6	13,2	62	0	16	16,5	0	0,001
Автономность – контроль	13,4	15,2	64	0	12,8	12,8	–	–
Отвержение – принятие	15	17,8	17	0	14,5	13,4	0	0,0003
Отсутствие сотрудничества – сотрудничество	17,4	20,7	3	0	17,8	17,3	0	0,0003
Тревожность за ребенка	15,5	20,9	2	0	15,7	15,7	–	–
Непоследовательность – последовательность	15,9	19,4	0	0	16,1	16,1	–	–
Воспитательная конфронтация в семье	13,7	7,8	0	0	15,1	15,7	0	0,001
Удовлетворенность отношениями с ребенком	19,7	20,9	108	0,01	19,3	19,3	–	–

Когнитивный компонент самосознания матери								
Представление о материнстве и себе в роли матери	4,1	5	31,5	0,0004	3,9	3,9	4	0,72
Представления женщины о реализации воспитательной деятельности	2,4	3,2	36	0,0001	2	2	0	0,18

Сравнение степени и направленности выраженности изменений в применении насилия у экспериментальной и контрольной групп по итогам реализации программы гармонизации самосознания (N=70)

Показатель	Экспериментальная группа (n=35)				Контрольная группа (n=35)			
	Среднее ЭГ До	Среднее ЭГ После	T	p	Среднее КГ До	Среднее КГ После	T	p
Сумма, физическое насилие	6,8	0,8	0	0	7,4	7,7	58	0,14
Сумма, психологическое насилие	13,2	1,7	0	0	13,3	13,7	91	0,09
Общий уровень насилия	20	2,5	0	0	20,7	21,4	124	0,07